

ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№2 (06)
2024**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№2(06)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

БОРИСОВА Е. Б., СТРОЙКОВ С. А. Методология исследования гипертекстового произведения словесно-художественного творчества.....	4
СТЕФАНСКИЙ Е. Е. О методологических подходах к анализу культурных кодов в произведениях Милана Кундеры.....	10
МКРТЫЧЯН С. В. Концепция коммуникативной стилистики: интегративный подход	16
БОБЫРЕВА Е. В., БОЧАРНИКОВА Н. В. Моделирование образа автора и адресата библейских притч.....	23
ХУ ЮЙПИНЬ Современные тенденции номинации деструктивного поведения в массмедийных текстах.....	31
АЛЯЕВА Л. С. Коммуникативные тактики отождествления, солидаризации и оппозиционирования в российских интервью деятелей шоу-бизнеса.....	36
АВИЛОВА А. А. Коммуникативные тактики англоязычного блогера и способы их выражения.....	43
ПОПОВА М. А. Паремии-трансформы в медиатексте	48
СИМОНЕНКО Н. Ю. Космологические основы пресуппозиций в современных китайских нарративных песнях	53
ШТЕБА А. А. Репрезентация смешанных эмоций и их перевод.....	59

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
С.Г. Воркачев
В.В. Дементьев
А.Х. Гольденберг
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
Л.П. Крысин
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

КУЗНЕЦОВА Е.В. Названия мелкой ряби на воде в русских
территориальных диалектах.....68

РУДОМЕТОВА С. М. Функционирование говора с. Верхне-
погромное Волгоградской области (на материале диалекто-
логической экспедиции 2023 г.).....75

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ТИТАРЕНКО Н. В. Национально-культурная специфика
испанских фразеологических единиц с компонентом-
урбанизмом81

ТЮТЮНОВА О. Н. Лингвостилистические средства выра-
жения критики политических деятелей (на примере не-
мецкоязычных интернет-комментариев).....85

ФИРСОВА А. П. Эллипсис в рассказах Вольфганга Борхерта93

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФОКИН А. А., АРАКЕЛОВА М. Р. К вопросу о параметрах
классификации эпистолярного наследия И. Д. Сургучёва.....99

ЖАРАВИНА Л. В., ОРЛОВА Е. А. Легкость бытия в хроно-
топе женской красоты: Евдокия Ростопчина и Борис Зай-
цев 106

ШУРЫГИНА Е. А. Автор и герой в романе Саши Соколова
«Школа для дураков»..... 112

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

СУПРУН В. И., ЧЕСНОКОВА П. Послание предков: творче-
ство чешского писателя Милана Кундеры в восприятии
русского филолога (рецензия на монографию
Е. Е. Стефанского «Разгадать послание предков. Милан
Кундера и древнейшие матрицы культуры славян».
Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2023. 192 с.) 117

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Сведения об авторах.....	122
Information about authors.....	124
Состав редакционной коллегии	126
Состав научно-редакционного совета.....	126

Подписано в печать
10.07.2023

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 13
Тираж 1000 экз.

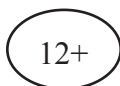
Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 10/07/1

Выход в свет
25.07.2024

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2023

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Е. Б. БОРИСОВА

С. А. СТРОЙКОВ

Самара

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГИПЕРТЕКСТОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЛОВЕСНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Рассмотрены методологические принципы исследования традиционных печатных художественных произведений, а также книжных и электронных гипертекстовых художественных произведений, которые характеризуются нелинейностью прочтения, поликодовостью, или полисемиотичностью и возросшей читательской активностью.

Ключевые слова: методология, метод, художественное произведение, электронный художественный гипертекст, гипертекстуальность, поликодовость.

Учитывая множественность трактовок понятия «художественное произведение» в научной литературе (В. Г. Адмони, И. В. Арнольд, В. П. Белянин, Е. Б. Борисова, Я. Мукаржовский, Ш. Ю. Мусоева, Н. А. Хассан Шали, И. Я. Чернухина), в нашем исследовании мы опираемся на следующее определение данного понятия. Художественное произведение – это коммуникативно направленное вербальное произведение, построенное по законам ассоциативно-образного мышления, служащее для передачи предметно-логической, эстетической, образной, эмоциональной и оценочной информации, обладающее идейно-художественным единством, а также сложной структурой, которая включает в себя номинативный, модусный и прагматический компоненты. Художественное произведение «допускает некоторое множество интерпретаций и предполагает оказание эмоционально-эстетического воздействия на читателя» [3, с. 46].

Произведение словесно-художественного творчества обладает целым рядом определенных особенностей, к которым прежде всего можно отнести: абсолютный антропоцентризм (И. Я. Чернухина); диалогичность; динамичность; избыточность; интерпретируемость; конкретность; недосказанность; неопределенность; социологичность (Ш. Ю. Мусоева); наличие интеллектуальной, эмоциональной и эстетической информации; наличие лирического героя; национально-культурную и временную обусловленность; образность; присутствие образа автора; разнообразие композиции; эмоциональное воздействие на читателя (Е. С. Комекбаев, Ю. В. Новицкая); многоплановость (Ю. М. Лотман); полиинтерпретативность (В. М. Савицкий).

В большинстве случаев художественное произведение является линейным с элементами интертекстуальности, поскольку оно может существовать только в рамках глобального процесса межтекстового взаимодействия [11, с. 200]. Однако существуют и такие произведения словесно-художественного творчества, которые характеризуются потенциальной гипертекстуальностью, что позволяет некоторым исследователям (Е. Ю. Гениева, Н. Ф. Ковалева, А. В. Короткова, Н. Э. Микеладзе, М. В. Минеева, Э. Т. Какильбаева и З. К. Сабитова, С. С. Панфилова, Д. Б. Умбрашко, Н. А. Шехтман

и др.) рассматривать их в качестве книжных (печатных) гипертекстовых художественных текстов.

Кроме того, в эпоху постмодернизма создаются художественные тексты с реализованной гипертекстуальностью, которые могут существовать только в компьютерной среде, например, в сети Интернет. Такие произведения исследователи относят к *сетературе* (А. Андреев, Т. А. Бирюкова, М. Визель, М. Г. Карымова, К. С. Лицарева, Ю. Л. Проект, О. В. Соболева, В. Схелтйенс и др.), *электронному художественному гипертексту* (С. А. Кучина, С. А. Стройков) или *художественному гипермедиатексту* (Э. А. Зоидзе), которому «релевантны категории коммуникативности (адресованности), целостности, связности, автосемантии, информативности, категории темы, оценочности (текстовой модальности), однако категории завершенности и отдельности, а также текстового пространства и времени присущи лишь отчасти» [6, с. 66–67]. Мы полагаем, что электронные художественные произведения, обладающие гипертекстовыми элементами, которые могут влиять не только на порядок прочтения текста, но и изменять восприятие этого текста читателем, характеризуются незавершенностью, не ограничены форматом, не обладают возможностью линейного прочтения [10, с. 169].

Вышеперечисленные традиционные характеристики произведения словесно-художественного творчества, его интертекстуальность, а также поликодовость, или полисемиотичность, нелинейность, потенциальная или реализованная гипертекстуальность осложняют процесс его филологического изучения.

За последние несколько десятилетий изучение художественных текстов осуществлялось с разных методологических позиций, а предметом рассмотрения были самые разные вопросы [3]. В настоящее время общепризнанным является понимание того, что только лингвистического или только литературоведческого анализа художественного произведения не существует [5, с. 146–147].

Именно поэтому в современной научной литературе предлагаются следующие методы исследования художественного произведения:

– *лингвокультурный*, или *лингвокультурологический* (М. А. Ефремова, Д. Д. Жажева, С. Н. Пханаева, Г. Г. Слышкин, Ф. К. Уракова, Г. И. Фазылзянова, А. М. Шуралёв, И. В. Щербашин и др.);

– *лингвопоэтический* (Г. В. Борисова, Е. Б. Борисова, В. В. Виноградов, Н. Ю. Гончарова, З. Б. Ешмамбетова, А. К. Жунисбаева, В. Я. Задорнова, М. В. Кашковская, И. Л. Кукурян, Л. М. Козеняшева, А. А. Липгарт, М. Ю. Никифорова, Т. Г. Никитина, Е. В. Полякова, С. В. Титова, Ю. В. Флягина и др.);

– *общефилологический* (Е. Б. Борисова, Н. Ю. Гончарова, Н. А. Карачева, Е. В. Кобзева, Л. В. Палойко, Е. В. Стрельцова);

– *лингвосемиотический* (А. Т. Грязнова, Е. П. Иванян, С. А. Кучина, М. Ю. Михайлова, С. А. Стройков).

Как отмечает Л. М. Шатилова, во многих исследованиях большое внимание уделяется *лингвокультурному*, или *лингвокультурологическому* методу анализа художественного произведения, особенностям менталитета того или иного народа, связанным с историей и имеющим отражение в языке. В лингвокультурном аспекте осваиваются понятия «концептосфера», «культурный концепт», «прецедентный текст», «прецедентный феномен» [12, с. 200].

Лингвокультурологический метод исследования, по мнению А. М. Шуралёва, учитывает следующие определенные филологической наукой особенности функционирования языковых единиц в художественном тексте: «значимость всех его элементов; актуализацию вторичных (образных, переносных) значений; семантическую многоплановость составляющих текст лексических единиц, образующих сложную цепь ассоциаций; совмещение в тексте семантических и концептуальных полей; па-

радикальную и синтагматическую структурность текста; наличие в его структуре ключевых (опорно-тематических) слов, несущих основную семантическую нагрузку» [13, с. 138].

И. В. Щербашина, Ф. К. Уракова, Д. Д. Жажева, С. Н. Пханаева полагают, что целью лингвокультурологического анализа произведений словесно-художественного творчества являются «определение и характеристика языковых единиц, имеющих отношение к этнокультурному пространству, к духовной и материальной реальности народа и являющихся специфическим признаком этого народа, имеющих народно-языковой колорит и создающих культурный фон текста, а следовательно, соотносят его с конкретным народом, обеспечивают отображение национальной картины мира и играют роль культурных и эстетических знаков культуры народа» [14, с. 150].

Достаточно распространенным в научной литературе является *лингвопоэтический* метод, который впервые был разработан на материале поэзии (В. Я. Задорнова), а затем применен и для анализа прозы (З.Б. Ешмамбетова, А. К. Жунисбаева, Т. Г. Никитина, С. В. Титова, Ю. В. Флягина и др.). Далее этот метод исследования успешно использовался при анализе эпических произведений, которые нельзя проанализировать целиком, т.е. страницу за страницей, в том числе в сопоставительном плане. В этом случае эффективным является прием тематического расслоения текста. Первый этап заключается в выделении отрывков, тематически однородных по своему содержанию. На втором этапе полученный материал изучается на разных уровнях языка с учетом сюжетно-композиционного построения произведения (Е. Б. Борисова, М. В. Кашковская, Л. М. Козеняшева, И. Л. Кукурян). А. А. Липгарт разработал методологию лингвопоэтического исследования: лингвопоэтика отдельного художественного приема, лингвопоэтическое сопоставление, лингвопоэтическая стратификация [9].

Суть лингвопоэтического метода заключается в анализе собственно языкового материала с учетом художественно-композиционных и сюжетных особенностей произведения. Такой метод исследования дает возможность сделать вывод о том, каким образом совокупность языковых средств разных уровней участвует в создании образа и помогает читателю в полной мере осознать и воспринять эмоционально-эстетическое воздействие, оказываемое автором художественного текста [1, с. 475]. Лингвопоэтический метод рассматривает способы использования метасемиотических свойств языковых единиц в рамках произведения, их роль в отражении авторского намерения и идейного содержания.

Лингвопоэтический метод исследования художественного произведения применительно к художественному образу получил развитие в работах Л. М. Козеняшевой, Г. В. Борисовой и М. Ю. Никифоровой. В трудах Н. Ю. Гончаровой лингвопоэтический подход расширен до общепилологического и применен к исследованию образа вещного мира. *Общепилологический* метод исследования расширяет рамки лингвостилистического, литературоведческого и лингвопоэтического методов и расширяет интерпретационные возможности художественного произведения [2, с. 38]. Он применим не только к текстам, которые изобилуют тропами и фигурами речи, т.е. к металогическим произведениям, но и к тем, стиль которых можно отнести к автологическому типу, поскольку в художественном произведении единицы языка любого уровня языковой иерархии обладают свойством приращения смысла, который не выводится из простого, линейного прочтения текста. Общепилологический метод исследования художественного произведения особенно продуктивен в тех случаях, когда речь идет о комплексном изучении средств и способов создания художественного образа. Данный метод позволяет учитывать в тексте не только маркированные единицы, но и культурные реалии, широкий вертикальный контекст, привлечь историко-литературные данные, лингвокультурологию, социолингвистику, а также методологию литературове-

дения и лингвостилистики, без чего понимание литературного произведения было бы неполным [7, с. 50].

Комплексный общепилологический анализ на основе многофакторного изучения художественного произведения и рассмотрение образа персонажа как ключевого элемента его структуры использовался Л. В. Палойко, Н. А. Карачевой, Е. В. Стрельцовой, Е. В. Кобзевой. В исследовании Е. В. Кобзевой многофакторный анализ образа персонажа впервые был применен к поликодовому тексту, а именно к экранизации художественного текста, что потребовало от исследователя обратиться к концептуально важным положениям лингвостилистики, лингвопоэтики, теории филологического анализа текста, лингвосемиотики, философии и теории кинотекста [7].

Вышеперечисленные методы, безусловно, могут быть актуальны для исследования гипертекстовых художественных произведений, обладающих как потенциальной, так и реализованной гипертекстуальностью. Однако, как отмечает Э. А. Зоидзе, возникает необходимость расширить параметры анализа таких произведений «за счет включения новых неязыковых форм, надстроек текста, также участвующих в создании образности, в раскрытии авторской интенции, а также обеспечивающих связность и целостность текста в совокупности с вербальными единицами» [6, с. 73]. Такого же мнения придерживается и С. А. Кучина, которая полагает, что гипертекстовое художественное произведение, «будучи мультимодальным объектом по своей природе, объединяет в своей структуре как вербальные, так и невербальные составляющие (аудио, видео, анимацию, графику)» [8, с. 27]. Кроме того, Э. А. Зоидзе считает, что автор и читатель гипертекстового художественного произведения «находятся в менее строгих иерархических отношениях, чем в ситуации с чтением неэлектронного художественного текста. Активная роль читателя – это именно то, что отличает гипертекстовую литературу. В некоторых случаях читатель и автор наделены практически равными возможностями: так называемые произведения коллективного авторства на платформе сети Интернет позволяют любому пользователю участвовать в создании литературного произведения. Это участие начинается от простого выбора траектории чтения текста и может расширяться до возможности менять ход развития событий в произведении, внесения новых персонажей, локаций и т.д.» [6, с. 73].

Таким образом, поликодовость, или полисемиотичность, нелинейность и возросшая читательская активность (или роль автора) предполагают применение *лингвосемиотического* метода исследования гипертекстового художественного произведения. Использование этого метода позволяет определить структурные особенности гипертекстового художественного произведения, количественный состав информационных единиц и гипертекстовых ссылок (вербальных и невербальных), а также элементов параграфематики в его структуре (в том числе элементов креолизации как вторичного зависимого текста, иллюстрирующего ход развития сюжета), проанализировать всевозможные пути прочтения произведения, выявить средства репрезентации вербальных гипертекстовых ссылок, установить возможности читательского воздействия.

Наши исследования [10; 11] доказали, что электронные гипертекстовые художественные произведения могут быть подвергнуты лингвосемиотическому анализу, несмотря на сложность их структуры и невозможность быть напечатанными на бумаге.

В заключение отметим, что при изучении произведений словесно-художественного творчества с потенциальной и реализованной гипертекстуальностью, обладающих традиционными особенностями, а также характеризующихся поликодовостью, или полисемиотичностью, нелинейностью и возросшей читательской активностью, может применяться комплекс методов, среди которых лингвокультурологический, лингвопоэтический, общепилологический и лингвосемиотический методы, не исключающие, а дополняющие друг друга и позволяющие провести многоаспектный анализ таких произведений.

Список литературы

1. Борисова Е. Б. Лингвопоэтический анализ художественного текста: история, методология и методика исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 470–476.
2. Борисова Е. Б. Средства создания персонажа в моно- и поликодовом художественном тексте (на материале сказки Роальда Даля «Матильда» и ее экранизации) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 30–39.
3. Борисова Е. Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2010.
4. Борисова Е. Б. Художественный образ в параллельных текстах: опыт общифилологического анализа: монография. Самара: СГСПУ, 2018.
5. Борисова Е. Б., Стройков С. А. Использование электронного гипертекста при сопоставительном лингвопоэтическом анализе художественного произведения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3(35). С. 146–150.
6. Зойдзе Э. А. Проблема анализа и интерпретации англоязычного художественного гипермедиатекста // Филология: научные исследования. 2019. № 6. С. 66–74.
7. Кобзева Е. В. Средства создания образа персонажа в английском художественном тексте и его экранизации: на материале сказки Роальда Даля «Матильда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2020.
8. Кучина С. А. Лингвосомиотический анализ электронного художественного текста: дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2022.
9. Липгарт А. А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы XVI–XX веков): дис. ... д-ра филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1996.
10. Стройков С. А. Лингвосомиотическое исследование англоязычного электронного художественного гипертекста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 9 (132). С. 168–173.
11. Стройков С. А., Борисова Е. Б. Лингвистическая характеристика англоязычного электронного гипертекстового романа Ф. Дж. Бёрн «24 часа с тем, кого ты знаешь...» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 200–207.
12. Шатилова Л. М. Современные методы и подходы к исследованию художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): В 2-х ч. Ч. II. С. 199–202.
13. Шуралёв А. М. Лингвокультурологический анализ художественного текста // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. Т. 1. № 2. С. 138–152.
14. Щербашина И. В., Уракова Ф. К., Жажева Д. Д., Пханаева С. Н. Теоретико-методические основания использования лингвокультурологического анализа художественного текста в практике преподавания языковых дисциплин // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14. № 4. С. 146–158.

* * *

1. Borisova E. B. Lingvopoeticheskij analiz hudozhestvennogo teksta: istoriya, metodologiya i metodika issledovaniya // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2008. № 22. S. 470–476.
2. Borisova E. B. Sredstva sozdaniya personazha v mono- i polikodovom hudozhestvennom tekste (na materiale skazki Roal'da Dalya «Matil'da» i ee ekranizacii) // Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6. Yazykoznanie: Referativnyj zhurnal. 2021. № 2. S. 30–39.
3. Borisova E. B. Hudozhestvennyj obraz v anglijskoj literature XX veka: tipologiya – lingvopoe-tika – perevod: dis. ... d-ra filol. nauk. Samara, Samarskij gos. soc.-ped. un-t, 2010.
4. Borisova E. B. Hudozhestvennyj obraz v parallel'nyh tekstah: opyt obshchefilologicheskogo analiza: monografiya. Samara: SGSPU, 2018.

5. Borisova E. B., Strojkov S. A. Ispol'zovanie elektronnoho giperteksta pri sopostavitel'nom lingvopoeticheskom analize hudozhestvennogo proizvedeniya // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2010. T. 12. № 3 (35). S. 146–150.
6. Zoidze E. A. Problema analiza i interpretacii angloyazychnogo hudozhestvennogo gipermediateksta // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 6. S. 66–74.
7. Kobzeva E. V. Sredstva sozdaniya obraza personazha v anglijskom hudozhestvennom tekste i ego ekranizacii: na materiale skazki Roal'da Dala «Matil'da»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara: Samarskij gos. soc.-ped. un-t, 2020.
8. Kuchina S. A. Lingvosemioticheskij analiz elektronnoho hudozhestvennogo teksta: dis. ... d-ra filol. nauk. M.: Mosk. gos. lingv. un-t, 2022.
9. Lipgart A. A. Lingvopoeticheskoe issledovanie hudozhestvennogo teksta: teoriya i praktika (na materiale anglijskoj literatury XVI–XX vekov): dis. ... d-ra filol. nauk. M.: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 1996.
10. Strojkov S. A. Lingvosemioticheskoe issledovanie angloyazychnogo elektronnoho hudozhestvennogo giperteksta // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 9 (132). S. 168–173.
11. Strojkov S. A., Borisova E. B. Lingvisticheskaya harakteristika angloyazychnogo elektronnoho gipertekstovogo romana F. Dzh. Byorn «24 chasa s tem, kogo ty znaesh'...» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 7 (140). S. 200–207.
12. Shatilova L. M. Sovremennye metody i podhody k issledovaniyu hudozhestvennogo teksta // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 7 (49): V 2-h ch. Ch. II. C. 199–202.
13. Shuralyov A. M. Lingvokul'turologicheskij analiz hudozhestvennogo teksta // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. 2006. T. 1. № 2. S. 138–152.
14. Shcherbashina I. V., Urakova F. K., Zhazheva D. D., Phanaeva S. N. Teoretiko-metodicheskie osnovaniya ispol'zovaniya lingvokul'turologicheskogo analiza hudozhestvennogo teksta v praktike prepodavaniya yazykovyh discipline // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2022. T. 14. № 4. S. 146–158.

Research methodology of hypertext work of verbal and artistic creation

The methodological principles of studying the traditional printed fictional works and the book and electronic hypertext fictional works, characterized by the nonlinear nature of reading, polycode or polysemiotics and the increased reading activity, are considered.

Key words: *methodology, method, fictional work, electronic fictional hypertext, hypertextuality, polycode.*

(Статья поступила в редакцию 22.03.2024)

**О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ
К АНАЛИЗУ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИЛАНА КУНДЕРЫ**

Рассмотрены методологические подходы к анализу культурных кодов в произведениях чешского писателя Милана Кундеры. Среди таких подходов – анализ генезиса и семиотики древних обрядов и взаимодействия с ними лингвоспецифичных концептов, отражающих менталитет этноса, исследование взаимодействия концептов, относящихся к разным семантическим полям, изучение кросс-концептов и бинарных оппозиций.

Ключевые слова: М. Кундера, писатель, роман, рассказ, концепт, культурный код, бинарная оппозиция.

Творчество чешского писателя Милана Кундеры (1929–2023) активно исследуется как в чешской, так и в отечественной филологической науке. Литературоведами изучаются поэтика его произведений (см. подробнее: [9]), специфика созданных М. Кундерой теории романа и теории центральноевропейскости и реализация этих концепций в его собственных произведениях (см. подробнее: [9; 11]), система бинарных оппозиций и многочисленных мотивов, представленных в его романах (см. подробнее: [10; 11]). Лингвистов интересуют наиболее значимые для его творчества этноспецифические концепты (см. подробнее: [2]).

Особое внимание к важнейшим концептам, используемым в его произведениях, проявлял и сам Милан Кундера, создавший словарь важнейших концептов собственного творчества «Семьдесят три слова» [6] и включивший в художественную ткань своих романов ряд лингвистических этюдов, посвященных таким чешским концептам, как «Lítost» («Книга смеха и забвения»), «Soucit» («Невыносимая легкость бытия»), «Stesk» («Неведение»).

Представляется, что весьма плодотворным является объединение литературоведческого и лингвистического анализа творчества М. Кундеры, дополненное диахроническим анализом ключевых концептов и бинарных оппозиций, используемых в его произведениях.

При таком подходе предметом анализа становится происхождение тех или иных образов, мотивов, концептов, их генезис в мифе и ритуале, т.е. в конечном счете изучение древнейших кодов славянской традиционной культуры, использованных автором. Нередко такой подход называют историей литературного произведения до его создания.

Методологические основы такого подхода заложил еще М. М. Бахтин. В «Эстетике словесного творчества» исследователь отмечал: «Конечное значение памятника определенной эпохи, ее интересов и запросов, ее исторической силы и слабости... – ограниченное значение. Явление здесь равно себе самому, совпадает с самим собою. Но кроме этого конечного значения памятника есть еще его живое, растущее, становящееся, меняющееся значение. Оно не рождается (полностью) в ограниченную эпоху рождения памятника – оно готовится на протяжении веков до рождения памятника и продолжает жить и развиваться на протяжении веков после рождения» [1, с. 325].

Таким образом, исследователь наметил такие подходы к изучению литературы, как, с одной стороны, функциональный анализ, изучающий восприятие произведения в разные эпохи после его создания, а с другой, – мифопоэтический подход, рассматрива-

ющий глубокие мифо-ритуальные и фольклорные истоки сюжета и образной системы, появившиеся задолго до рождения автора и даже его героев.

Аналогичный методологический подход намечен и в труде Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова о славянских языковых моделирующих системах. Исследователи подчеркивали, что «некоторые черты в творчестве больших писателей и художников можно было бы понять как порою бессознательное обращение к изначальному фонду и его возрождение» [3, с. 238].

Анализ реализованных в произведениях М. Кундеры культурных кодов в рамках данного подхода предпринят в моей монографии «Разгадать послание предков: Милан Кундера и древнейшие матрицы культуры славян» [7]. В настоящей статье будут рассмотрены важнейшие методологические подходы, использованные в процессе этого анализа.

1. Анализ генезиса и семиотики обряда, воспроизводимого в романе

В романе «Шутка» автор воспроизводит много фрагментов традиционного чешского обряда *Jízda králů* («Конница королей»), а также вместе со своими героями пытается осмыслить его генезис и семиотику. Этот обряд не только композиционно связывает все части романа, написанные от имени разных его героев, но и играет важную роль в понимании идейно-образной структуры романа, поскольку его семиотика на подсознательном уровне понятна всем носителям чешской культуры.

Jízda králů – это посвятельный обряд, генетически восходящий к древнему обряду инициации. Посвящаемый в таком обряде является не субъектом, а объектом, причем объектом, над которым нередко совершается насилие. Таким же объектом своей судьбы оказывается главный герой «Шутки» Людвик. Его жизнь строится как цепь увенчаний и развенчаний «короля», причем в самые экстремальные моменты герой проверяется смехом. Этот мотив композиционно усиливается созданием дублированных ситуаций, когда одна из них оказывается трагедией, а другая – фарсом (см. подробнее: [7, с. 34–51]).

Аналогично сюжет о трагической судьбе главной героини романа Люции строится по логике обряда инициации (мотива женщины в мужском доме, возвращения после обряда в «культурный локус»), а также по сюжету легенды о святой Люции (см. подробнее: [7, с. 51–55]).

2. Анализ генезиса и семиотики лингвоспецифических концептов, взаимодействующих с обрядом

С обрядом инициации, призванным научить посвящаемых социализации своих инстинктов и эмоций, тесно связаны два специфических чешских концепта, актуализированные в романе, – концепты «*Lítost*» и «*Zášť*». Оба они практически непереводимы на другие языки и являются культурными сценариями поведения, свойственными молодым людям, не научившимся социализировать свои эмоции.

Концепт «*Lítost*» предполагает острую жалость к себе, вызванную несправедливостью или обидой, и последующую агрессивную реакцию, направленную на реальный или мнимый источник несправедливости. Концепт «*Zášť*» – это затаенная ненависть, бессильная злоба, которая по тем или иным причинам не перешла в агрессию.

В сущности, Людвик по-настоящему завершает инициацию, когда обе эти эмоции снимаются и он возвращается к истокам – играет со своими друзьями в фольклорном оркестре (см. подробнее: [7, с. 55–71]).

3. Исследование взаимодействия концептов, относящихся к разным семантическим полям

В рассказах из цикла «Смешные любви» наблюдается взаимодействие пространственных, этических и эмоциональных концептов.

Древнейшая оппозиция периферии и центра рождает концепт «Черта», который приобретает сакральный смысл как ритуально непреодолимое препятствие между своим и чужим, природой и культурой – в конечном счете между хаосом и космосом. Этот

пространственный по своему происхождению концепт порождает ряд этических концептов. Так, нарушение моральных или правовых норм концептуализировалось во многих славянских языках как пересечение некоей запретной черты и вербализовалось, например, в таких языковых единицах, как русск. *преступление*, польск. *przekroczenie* 'проступок (букв. «перешагивание»)», чешск. *to přesahuje všechny meze* 'это переходит все границы'. А представление о некоем личном этическом пространстве отразилось в русск. *скромный*, чешск. *soukromí* 'частная жизнь, приватность' (букв. «отделенное кромкой»).

Концепт «Черта» становится структурообразующим в рассказе «Игра в автостоп», в нем актуализируется проблема преодоления стыда как границы между природой и культурой. Здесь пространственный концепт «Черта» активно взаимодействует с этическими и эмоциональными концептами. Выходя за «границы чистоты и верности», двигаясь за запретную черту все дальше и дальше, герои рассказа, с одной стороны, обретают невиданную свободу, получают неизведанные наслаждения, а с другой – оказываются во власти новых «тревог и страхов».

Актуализированный в рассказе «Эдуард и Бог» концепт «Черта», вербализуясь сначала в виде *линии фронта*, разделяющей чешское общество в 1950–1960 гг., становится концентрированным выражением конформизма его героев, который вызван в конечном счете страхом перед тоталитарным обществом. Затем он вербализуется в виде *безоговорочной линии*, разделяющей тело главной героини на доступную и недоступную для главного героя части, а потом в виде *расплывчатой линии на промокательной бумаге*, символизирующей конформизм.

Для осмеяния конформизма актуализируется древний архетип – смеховая фигура *трикстера*, который связан с концептом черты, разделяющей *космос* и *хаос*. Трикстерскими чертами наделяется главный герой рассказа молодой учитель Эдуард. Многократно преодолевая *линию фронта*, поскольку вынужден сосуществовать с людьми по обе стороны баррикад, он выбирает единственно возможную для себя позицию – позицию конформизма – и тем самым высмеивает обе стороны – и религиозную Алицу, и ортодоксальную коммунистку Чехачкову (см. подробнее: [7, с. 25–33]).

4. Анализ кросс-концептов и бинарных оппозиций

В романе вариаций «Книга смеха и забвения» композиционным средством, соединяющим никак не связанные сюжетно части произведения, становится система кросс-концептов и бинарных оппозиций.

С первых страниц романа в нем разноуровневыми языковыми средствами актуализируется концепт «Doba» 'пора, период, эпоха'. Автор создает причудливый пространственно-временной континуум, в котором существуют его герои. Это и трехчастная пространственно-временная организация жизни в Праге, и взгляд сквозь время и пространство на пирушку чешских поэтов.

Специфика хронотопа романа то повышает до уровня лиризма интимную сцену, в которой герой сквозь годы восхищается женщиной, с которой был связан его первый эротический опыт, то нивелирует трагедию, связанную с оккупацией страны танками соседнего государства, благодаря видению перспективы пожилой женщиной, когда «на переднем плане большая груша, а где-то далеко позади нее танк, маленький, как божья коровка, готовая в любую минуту взлететь и скрыться из глаз» [4, с. 46–47].

Концепт «Doba» актуализирует бинарную оппозицию *память* – *забвение*, которую автор трактует не столько в социально-политическом (переписывание истории в тоталитарном государстве), сколько в антропологическом плане, связывая ее с желанием каждого человека переписать свою биографию.

Рассматривая в романе именно эту грань проблемы забвения, М. Кундера ставит своего героя Мирека в один ряд не только с тоталитарным режимом его страны, но и со

всем человечеством. Автор считает, что «будущее – это лишь равнодушная и никого не занимающая пустота, тогда как прошлое исполнено жизни» (Там же).

Именно поэтому не только коварные властители продают людям будущее за их прошлое, но и сами люди «хотят быть властителями будущего лишь для того, чтобы изменить прошлое» (см. подробнее: [7, с. 73–86]).

Одновременно концепт «Doba» вводит и концепт «Судьба», который в разных славянских языках может вербализоваться лексемами с темпоральным значением (см. ст.-чеш. *doba* 'судьба, обстоятельство', др.-рус. *години* 'судьбы', польск. *czasy* 'судьбы', русск. *рок* 'тяжелая, несчастливая судьба').

Однако и проблему судьбы диссидента Мирека автор решает не в политическом, а в антропологическом плане. Иронизируя над героем, жизнь которого превратилась в судьбу, Кундера в одном из своих эссе отмечает, что герой его романа «Жизнь – не здесь», сорокалетний гедонист, удержался от превращения своей жизни в судьбу, подчеркивая, что взгляды и образ поведения этого героя максимально близки к его собственным (см. подробнее: [7, с. 84–99]).

Актуализируя концепты и бинарные оппозиции, М. Кундера обнаруживает изменение их ценностных характеристик на прямо противоположные. Так, концепт «Kolo» 'круг', символизирующий в традиционной культуре общность людей (см. *круг друзей*) и имеющий позитивную оценочность, М. Кундера переосмысливает как некий инфантильный коллектив, в котором нивелируются личность и личностное сознание. Одновременно разную оценочность получают и предметы, носимые вокруг различных частей тела (пояс, бусы, ожерелье, галстук, перстень). Автор вводит этот концепт то в виде танца *коло*, который вызывающе танцуют перед полицией демонстранты, то в виде галстука, который носят пионеры вокруг шеи, то в виде круга, который образуют мадам Рафаэль и ее бездарные ученицы Габриэлы и Михаэлы. А своего апофеоза эта сторона концепта достигает в изображении детского острова, на который попадает Тамина, и при описании оргий у Барбары. С другой стороны, положительную оценочность получает круг чешских поэтов, в который попадает юный студент, и сопровождающая его беседа с ними многократно повторяемая символика круга; бусы и пояс Маркеты, надетые на голое тело и подчеркивающие как ритуальную чистоту героини, так и изысканность эротической жизни супругов; бусы и золотой зуб Кристины, сравниваемый с перстнем (см.: подробнее: [7, с. 99–113]).

На разные стороны этого концепта накладываются противоположные полюсы бинарных оппозиций *классическая музыка – поп-музыка* и *дьявольский смех – ангельский смех, память – забвение*. Так, образуя круг, мадам Рафаэль и ее ученицы раздражаются ангельским смехом. Ангельский смех и поп-музыка сопровождают жизнь Тамину на детском острове. Прием «президента забвения» Гусака в почетные пионеры завершается выступлением «идиота музыки» Карела Готта. Поп-музыкой сопровождаются оргии у Барбары, а затем на похоронах Пассера его близкие друзья едва сдерживают вполне оправданный по обычаям традиционного общества и абсолютно неуместный в современном мире «ангельский» смех. Тем самым автор показывает параллелизм происходящего к востоку и западу от Эльбы (см. подробнее: [7, с. 113–135]).

С другой стороны, автор символически изображает свой выход из компартии и эмиграцию как выход из *коло*. Он показывает очистительную роль дьявольского (т.е. трикстерского) смеха, описывая десакрализацию Габриэлы и Михаэлы Сарой и собственный, как бы мы сейчас сказали, «троллинг» видного партийного функционера путем составления для него гороскопов. Сара и сам М. Кундера предстают в этих эпизодах в качестве трикстеров.

В последней части романа под названием «Граница» актуализируется одноименный концепт. Граница для Кундеры – это некая воображаемая разделительная линия, за

которой все вещи становятся бессмысленными и смешными. В этой главе переосмысливаются многие концепты, актуализированные в предыдущих главах.

Концепт «Doba» ‘эпоха, эра, период’ используется теперь для обозначения феминизма и сексуальной революции середины 1970-х гг. Главный герой заключительной части Ян с горькой иронией говорит, что величие их «исторической эпохи» заключается в том, что физическая любовь бесповоротно превращается в смешные движения.

Новый поворот получает оппозиция *память – забвение* и проблема отношений с прошлым и будущим. Стремясь утешить смертельно больного друга, Ян стремится запятнать в его глазах будущее, чтобы он меньше тосковал по жизни, которую теряет.

Концепт «Kolo» ‘круг’ пародийно снижается до уровня велосипеда (по-чешски *jízdní kolo*), на котором одна из героинь испытала первый оргазм. Концепт «Osud» ‘судьба’ и тема превращения жизни в судьбу иронически переосмысливаются на примере диссидентствующих эмигрантов, для которых их судьба становится инерцией, а затем связывается с трикстерским (в терминологии Кундеры – дьявольским) смехом. Смех, маркирующий границу, по Кундере, звучит *зловеще* (*osudově*).

В финале романа два главных героя главы «Граница» Ян и Ядвига оказываются «по ту сторону границы», где Ядвига получает свободу от «бесчеловечного мира цивилизации», а Ян обретает способность испытывать настоящие чувства (см. подробнее: [7, с. 132–135]).

Роман «Невыносимая легкость бытия», само название которого представляет собой оксюморон, основанный на оппозиции *легкость-тяжесть*, строится на многочисленных бинарных оппозициях: *легкость-тяжесть*, *сила-слабость*, *пустой-полный*, *душа-тело*. При этом постоянно меняются их ценностные характеристики (см. подробнее: [7, с. 143–152]). Показывая изменение душевных состояний своих героев, объясняя их поступки, автор создает многочисленные метафоры, отражающие соответствующие полюсы этих оппозиций.

Господствующей в характере главного героя романа Томаша становится оппозиция *легкость-тяжесть*. В личном плане она проявляется в том, что он принимает на себя бремя ответственности за свою жену Терезу и в то же время легко ей изменяет. В области общественной жизни оппозиция *легкость-тяжесть* отражается в том, что Томаш в условиях тоталитарного государства не раз оказывается перед трудным нравственным выбором между неким публичным жестом и личным благополучием.

Данная бинарная оппозиция оказывается в тесном взаимодействии с концептом «Soucití» ‘чуткость, отзывчивость’. Именно эта эмоция превращает легкость бытия из сладостной в невыносимую, меняя ценностные ориентиры и превращая легкость в тяжесть. Эта перемена заставляет Томаша вернуться к Терезе в Прагу, именно она заставляет его отказаться от подписания петиции диссидентов.

В характере жены Томаша Терезы господствующей оказывается бинарная оппозиция *душа-тело*. Она взаимодействует с оппозициями *легкость-тяжесть*, *сила-слабость*, *верность-предательство*. С этими оппозициями сопряжена вертикальная пространственная метафора, с помощью которой автор описывает движения души своей героини. Логика развития характера Терезы заключается в том, что она постепенно преодолевает дуализм души и тела, а вместе с ним и другие противоречия своего характера.

Она понимает, что не может обрести легкость, изменив Томашу, что их брак держится на ее верности, что она принадлежит к лагерю слабых, но в этой слабости заключена ее сила, потому что «именно слабый должен суметь стать сильным и уйти, когда сильный слишком слаб для того, чтобы суметь причинить боль слабому» [5, с. 27].

С помощью своей слабости она заставляет Томаша вернуться к ней из Швейцарии в Чехословакию, а потом убеждает его покинуть ставшую омерзительной Прагу и поселиться в деревне. Именно ее «тяга к падению» привела к тому, что «ни один из них уже не сильнее другого» (Там же). А их смерть в результате падения на машине с высоко-

го откоса на самом деле происходит не под знаком тяжести, а под знаком легкости: они умерли в одно мгновение и тем самым обрели окончательную гармонию.

Другая пара центральных героев романа – Франц и Сабина – противопоставлены Томашу и Терезе с точки зрения актуализированных в романе оппозиций.

В характере Франца ведущей оппозицией является *сила-слабость*. Но если сила Терезы в ее слабости, то слабость Франца в его силе. Он подобен былинному Святогору: его сила никому не нужна и неизбежно приводит его к гибели. Именно потому Сабине так хочется «изнасиловать эту беспомощную силу» (Там же). Для описания движений его души автор не использует метафоры *легкость-тяжесть*.

Ведущей оппозицией в характере Сабины оказывается *верность-предательство*. Если любовь и брак Томаша и Терезы держатся на верности последней, то в основе поступков Сабины лежит предательство, трактуемое автором как «желание нарушить строй и идти в неведомое» (Там же).

Если в жизни Томаша и Терезы пустота порождает тоску и страх, то Сабина своими предательствами создает вокруг себя *пустоту*. Этим очарованием пустотой она заражает и Франца, для которого пустота становится символом освобождения от всего опостылевшего в жизни.

На оппозицию *пустой-полный* накладывается концепт «Метла», связанный в традиционной культуре с очищением творимого космоса от обломков хаоса. Франц считает главным даром, врученным ему Сабиной именно эту Геркулесову метлу, которая очищает его жизнь от всего надоевшего и наполняет ее новым смыслом.

По-иному переживают Франц и Сабина и оппозицию *легкость-тяжесть*. Если для Томаша отъезд Терезы из Цюриха в Прагу рождает невыносимую легкость бытия, и он мчится вслед за ней, то Сабина уезжает еще дальше от своей родины, еще дальше от Франца, а Франц обретает настоящую легкость бытия, уйдя от жены к влюбившейся в него студентке.

Боясь умереть под знаком тяжести, Сабина хочет, чтобы ее прах после смерти был развеян, а Франц, погибнув от тяжелого удара по голове, «принадлежит своей законной жене так, как никогда прежде не принадлежал ей» (Там же).

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления: монография. М.: Языки славянских культур, 2006.
3. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы. М.: Наука, 1965.
4. Кундера М. Книга смеха и забвения / Пер. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2003.
5. Кундера М. Невыносимая легкость бытия / Пер. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2003.
6. Кундера М. Семьдесят три слова // ЖЗ русский толстый журнал как эстетический феномен. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/5/semdesyat-tri-slova> (дата обращения: 02.04.2024).
7. Стефанский Е. Е. Разгадать послание предков: Милан Кундера и древнейшие матрицы культуры славян. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2023.
8. Шерлаимова С. А. Милан Кундера и его романная философия. М.: Индрик, 2014.
9. Češka J. Království motivů: Motivická analýza románů Milana Kundery. Praha, TOGGA, 2005.
10. Chvatík K. Svět románů Milana Kundery. Brno: Atlantis, 2008.
11. Kubiček T. Středoevropán Milan Kundera. Brno: Periplum, 2013.

* * *

1. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979.
2. Zaliznyak A. A. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya: monografiya. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006.

3. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie sistemy. M.: Nauka, 1965.
4. Kundera M. Kniga smekha i zabveniya / Per. N. Shulginoy. SPb.: Azbuka-klassika. 2003.
5. Kundera M. Nevynosimaya legkost bytiya / Per. N. Shulginoy. SPb.: Azbuka-klassika. 2003.
6. Kundera M. Semdesyat tri slova // ZhZ russkiy tolsty zhurnal kak esteticheskiy fenomen. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2001/5/semdesyat-tri-slova> (data obrashcheniya: 02.04.2024).
7. Stefanskij E. E. Razgadat' poslanie predkov: Milan Kundera i drevnejshie matricy kul'tury slavyan. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2023.
8. Sherlaimova S. A. Milan Kundera i ego romannaya filosofiya. M.: Indrik, 2014.

***The methodological approaches to the analysis of cultural codes
in the works of Milan Kundera***

The methodological approaches to the analysis of the cultural codes in the works of the Czech writer – Milan Kundera are considered. The author marks the analysis of genesis and semiotics of the ancient ceremonies and the interaction of the linguospecific concepts with them, reflecting the mentality of the ethnos, the study of the concepts' interaction, related to the different semantic fields, and the study of the cross-concept and the binary oppositions among such approaches.

Key words: *M. Kundera, writer, novel, story, concept, cultural code, binary opposition.*

(Статья поступила в редакцию 07.03.2024)

С. В. МКРТЫЧЯН
Тверь

**КОНЦЕПЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ:
ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД**

Обосновывается интегративность концепции коммуникативной стилистики: предлагается аспектизация понятия «стиль» в соотношении с базовыми лингвистическими категориями «язык» и «речь»; дается определение коммуникативного стиля, перечисляются аспекты его изучения. Разрабатываемая теоретическая концепция иллюстрируется фрагментом исследования манипулятивного коммуникативного стиля, моделирование которого осуществляется с привлечением экспериментального материала; описываются ход и логика проведения эксперимента.

Ключевые слова: *стилистика, коммуникативный стиль, когнитивный стиль, манипулятивный коммуникативный стиль, язык, речь, стиль, интегративность.*

Лингвостилистика занимает важное, но неоднозначно трактуемое положение в современной лингвистике. Стилистическая проблематика представлена целым рядом научных концепций и направлений, в числе которых в первую очередь следует назвать Пермскую стилистическую школу, основанную ученицей и преемницей В. В. Виноградова М. Н. Кожинной; Саратовскую научную школу изучения функционирования рус-

ского языка в современном обществе под руководством О. Б. Сиротининой; Московскую стилистическую школу, возглавляемую Г. Я. Солгаником; Томскую стилистическую школу Н. С. Болотновой; Саратовскую жанроведческую школу В. В. Дементьева, манифестом которой является журнал «Жанры речи»; социокоммуникативную стилистическую концепцию речевого поведения Т. Г. Винокур [1; 2]; когнитивное стилистическое направление, заявившее о себе серией статей в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики». Наконец, целый ряд работ посвящен изучению речевого поведения личности – носителя того или иного стиля мышления, или когнитивного стиля. Лингвистические исследования, опирающиеся на психологическую характеристику когнитивных стилей, сфокусированы на вербальных маркерах когнитивных стилей. Заданный исследовательский ракурс позволяет выявить типовую специфику коммуникативного поведения личности, скоррелированную с когнитивным стилем [11, с. 37–45]. Этот подход, наиболее отличающийся от традиционной лингвистической стилистики, представлен, например, в целом ряде кандидатских диссертаций: В. Ю. Зайцевой [5], И. С. Прокудиной [12], И. А. Степановой [13] и др.

Перечисленные направления стилистических исследований демонстрируют объективную невозможность свести их воедино: некоторые концепции и школы в большей степени опираются на прочный фундамент традиций, другие активно расширяют объект изучения и вовлекают в сферу своей предметной области смежные подходы и методы исследования [11, с. 37–45]. Так или иначе, на сегодняшний день современная лингвистическая стилистика представляет собою «собрание пестрых глав», проистекающее главным образом из недостаточной разработанности стилистической теории, которая стала общим местом теории языка. В числе методологических или терминологических инвер-

Таблица 1.

Аспекты стиля и области стилистики

Аспект стиля / Аспект языковых явлений	Объект исследования	Область стилистики
СТИЛЬ 1 – ЯЗЫК 1	Речевая организация и превербальная речемыслительная деятельность	Когнитивная
СТИЛЬ 2 – ЯЗЫК 2	Язык как система языковых единиц и норм их употребления	Ресурсная
СТИЛЬ 3 – РЕЧЬ 1	Тексты, языковой материал (по Л. В. Щербе)	Текстовая
СТИЛЬ 4 – РЕЧЬ 2 + РЕЧЬ 3	Дискурс (РЕЧЬ 2); превербальный этап речепорождения+дискурс (РЕЧЬ 3)	Коммуникативная

сий, вокруг которых разворачиваются острые дискуссии, могут быть названы, например, следующие оппозиции: *стиль VS дискурс*; *стилистика VS прагматика*, *функциональный стиль VS функционально-речевая разновидность языка*.

Прежде чем кратко охарактеризовать концепцию коммуникативной стилистики, разрабатываемую в Тверском государственном университете, уточним некоторые исходные теоретические положения.

В этом отношении исключительно важным представляется вопрос, касающийся аспектизации лингвистической категории стиля в соотношении с базовыми единицами языка / речи. Предварительно обозначим в самом общем виде исходное положение: стиль – это свойство (специфика, особенность, способ) использования языка, которое эксплицируется за счет употребления единиц языка / речи. Иными словами, стиль представляет собою метаабстрактную многоаспектную категорию.

Уточним аспекты стиля, в том числе с опорой на работу Л. В. Щербы «Об аспектах языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [15, с. 24–39]. В обобщенном виде аспекты стиля и области стилистики представлены в таблице 1.

СТИЛЬ 1 (когнитивный аспект) – ЯЗЫК 1. ЯЗЫК 1 трактуется как «система концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи» [6, с. 90]. СТИЛЬ 2 (системно-структурный аспект) – ЯЗЫК 2. ЯЗЫК 2 – это система языковых единиц и норм их употребления, речь идет об объекте аналитической (или системно-структурной / ресурсной) стилистики, изучающей стилистически маркированные языковые единицы, которую А. И. Горшков предлагал вывести за рамки лингвостилистики, присоединив ее к семантике [3]. СТИЛЬ 3 (текстовый аспект) – РЕЧЬ 1. В этом случае РЕЧЬ 1 трактуется как языковой материал, тексты, факты языкового употребления. СТИЛЬ 4 (коммуникативный аспект) – РЕЧЬ 2, РЕЧЬ 3. В рамках коммуникативного аспекта СТИЛЬ 4 становится объектом коммуникативной стилистики. РЕЧЬ 2 тождественна дискурсу, который понимается как текущая дискурсивная деятельность. Здесь же следует рассмотреть соотношение СТИЛЬ 4 – РЕЧЬ 3, где термин *речь* включает в себя превербальный речемыслительный процесс. На неразделимость речемыслительного и собственно коммуникативного аспектов речевой деятельности обращает внимание А. А. Леонтьев, включая коммуникацию в модель порождения речи [7, с. 155].

Такой подход к исследованию категории стиля направлен на объяснение вербальной манифестации стиля через выявление взаимной связанности функционирования языка с когнитивными структурами (когнитивный аспект), с коммуникативно-прагматическим контекстом (прагматический аспект) и с особенностями языка как системы (аналитический или системно-структурный аспект) (подробнее см.: [11, с. 37–45]).

Коммуникативный стиль (объект коммуникативной стилистики) трактуется как типичная / типовая манера коммуникативной деятельности в коммуникативно-прагматическом пространстве (термин И. П. Сусова), маркированная системой определенных потенциально динамических единиц, в качестве которых выдвигаются речевые стратегии. Точкой приложения коммуникативного стиля является дискурс. Речевая стратегия сближается с макроинтенцией и выполняет генеративную стилистическую функцию. Это центральная ось, вокруг которой вращаются остальные элементы всего стилистического комплекса, формируя коммуникативный стиль. Речевая стратегия является не *языковой единицей*, а *речевой, динамической*, но при этом сохраняющей способность подвергаться анализу с помощью языковых единиц, соотносимых с вертикалью уровней языка в рамках аналитического аспекта.

Концепция коммуникативной стилистики апробирована на материале управленческого дискурса (разработана и описана типология управленческих коммуникативных стилей [8]); на материале туристического дискурса (представлена модель коммуникативных стилей экскурсовода с учетом темпераментальных характеристик личности, интенциональности туристического дискурса и вербальных проявлений коммуникатив-

ных стилей на основе широкого привлечения экспериментального материала и дискурсивного анализа [16]); а также на материале манипулятивного дискурса [9, с. 37–47].

Проиллюстрируем изложенные теоретические положения с опорой на модель манипулятивных коммуникативных стилей.

В основе гипотезы лежит предположение, что манипулятивный коммуникативный стиль находится в зависимости от когнитивного параметра *импульсивность* / *рефлексивность*, который отражает скорость и качество принятия решений в условиях неопределенности (*импульсивность* связывается с высокой скоростью принятия решения и большим количеством ошибок, а *рефлексивность* – с меньшей скоростью принятия решения и меньшим количеством ошибок) (подробнее см.: [14]).

В соотношении с когнитивными параметрами импульсивность и рефлексивность было выделено два манипулятивных коммуникативных стиля: эксплицитно-доминантный, характеризующийся выраженной эмоциональностью, оценением личностей, агрессивностью воздействия, и латентный, связанный с эмоциональной сдержанностью и рациональным искажением фактов.

Исследование проводилось на экспериментальном материале. Эксперимент состоял из двух этапов.

На первом этапе на основе методики американского психолога Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков» [17, с. 17–24] был определен доминирующий когнитивный стиль испытуемых (*импульсивный* / *рефлексивный*). Испытуемым было предложено восемь почти идентичных изображений, из которых нужно выявить одно, полностью совпадающее с картинкой-эталоном. Фиксировалось время выполнения задания и учитывалось количество ошибок (импульсивные испытуемые выполняли задание быстро и допускали большее количество ошибок, а рефлексивные – медленнее и допускали меньшее количество ошибок). Рисунки в ходе эксперимента были расположены по степени возрастания сложности их выполнения. В качестве примера приведем рисунок.

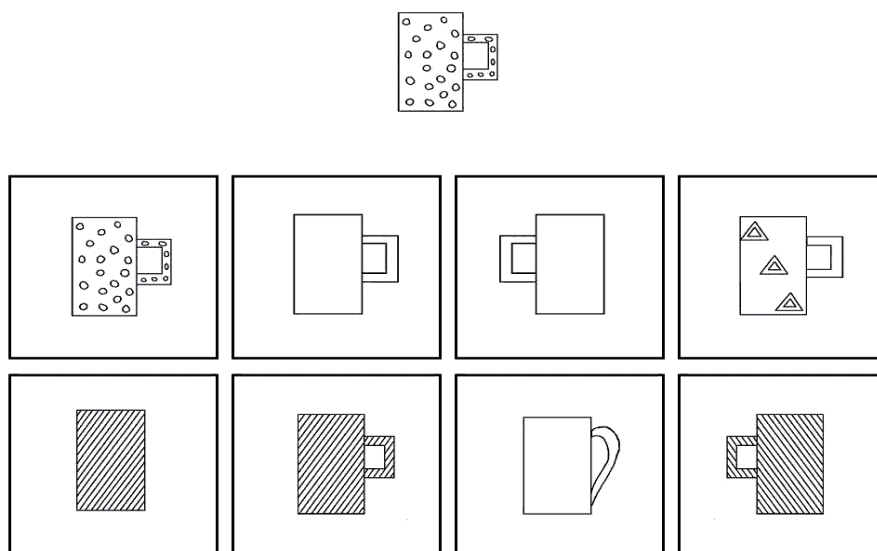

Рис. 1. Определение когнитивной особенности испытуемых (*импульсивности* / *рефлексивности*)

На втором этапе тем же самым испытуемым были предложены модельные ситуации закрытого типа (с выбором ответа из уже предложенных) и задания открытого типа (на продуцирование ответа).

Приведем пример модельной ситуации открытого типа.

Ситуация. Представьте, что вы продавец-консультант в магазине одежды. К Вам в магазин приходит женщина, которая выглядит элегантно и представительно, и вы думаете, что она довольно обеспечена и у нее высокий статус. Женщина выбирает одно из самых дорогих платьев в магазине (сделано из качественной ткани, от модного иностранного бренда, чьи товары редко представлены). Покупательнице оно нравится, но вы видите, что она колеблется, возможно, из-за его стоимости или из-за фасона.

Задача: Что бы вы ей сказали, чтобы убедить купить платье? Опишите Ваши действия и достигните цели коммуникации.

Явная цель: убедить, что это идеальное платье для покупательницы.

Скрытая цель: продать одно из самых дорогих платьев.

Ответы испытуемых:

1) Добрый день! Вижу, что Вы всё ещё сомневаетесь в своём выборе. Давайте примерим платье ещё раз и подумаем, чего ему не хватает. Я уверена, что смогу развеять все Ваши сомнения касательно этой позиции (*эксплицитно-доминантный манипулятивный коммуникативный стиль*; далее – ЭД МКС).

2) Это платье всем нравится, но редко садится по фигуре, а на вас смотрится потрясающе. Почему же вы сомневаетесь? (ЭД МКС).

3) Это платье только что хотела купить другая девушка, но у нее с собой не оказалось денег, и она пошла в машину за банковской картой. Не знаю, успеете ли вы его купить (*латентный коммуникативный стиль*; далее – Л МКС).

4) Прямо при ней позвонить своему начальнику и спросить о возможной скидке: если она возьмет его сейчас, получит скидку в 10% (Л МКС) [4, с. 142–149].

Полученные в ходе эксперимента ответы были классифицированы по двум манипулятивным коммуникативным стилям. В результате была установлена зависимость между когнитивной характеристикой (*импульсивность / рефлексивность*) и вербальным проявлением МКС. Анализ полученных ответов проводился с позиций дискурсивно-прагматического подхода: выявлялись речевые стратегии (путем интерпретативного реконструирования микроинтенций), а далее на структурном уровне анализировались речевые тактики.

Важно отметить, что модельные ситуации трактуются как квазижанры. Под *квазижанром* в нашем исследовании понимается искусственный речевой жанр, смоделированный сугубо для исследовательских целей, который по внешним признакам коррелирует с естественной коммуникацией и, в отличие от естественных речевых жанров, обладает целым рядом специфических особенностей, основной из которых является искусственность, осознаваемая всеми участниками коммуникации. Квазижанры имеют определенную структуру (формулировку задания и вариативные ответы испытуемых), они моноинтенциональны (все субъекты коммуникации осознают эту интенцию). Ответы в отдельных случаях представляли собою косвенную речь:

Привлечь внимание путем смены деятельности, – т.е. после проведения субботника вместе пойти с коллективом в кино, кафе и т.д.

Сделать акцент на том, что данный субботник сплотит коллектив. И думаю, что коллег можно будет мотивировать денежным поощрением.

Безусловно, отсутствие вербальной составляющей может уводить в сторону от лингвистичности описания, в этом случае исследователь не получает материала, который дает представление об узуальном использовании языка, и по этой причине описание совершенно переходит в плоскость схемы. С другой стороны, получив вербаль-

ный продукт, исследователь может ошибиться, «расшифровывая» интенцию квазиговорящего, и может иметь место ситуация, когда, по выражению Т. Г. Винокур, «говорилось одно, а сказалось другое», т.е. стилистическое задание не совпадает со стилистическим эффектом. Однако, несмотря на искусственность, квазижанр имеет коррелят с естественной коммуникацией. Полагаем, что использование квазижанров в исследовательских целях позволяет делать валидные выводы относительно типичного коммуникативного поведения носителей языка.

Таким образом, в рамках настоящей публикации кратко представлена теоретическая концепция коммуникативной стилистики, которая проиллюстрирована фрагментом экспериментального исследования. Предлагаемый подход трактуется как интегративный, т.е. объединяющий достижения как различных областей лингвистического знания (прагматики, системно-структурной лингвистики, жанроведения, дискурсивного анализа), так и смежных сфер научного знания в целом (лингвистики и психологии).

Список литературы

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. 3-е изд. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007.
2. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. 2-е изд., испр. и доп. М.: Либроком, 2009.
3. Горшков А. И. Лекции по русской стилистике. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2000.
4. Дзундза Н. В. Типология манипуляторов Э. Шострома как основа моделирования манипулятивных коммуникативных стилей // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Сб. науч. ст. Вып. 9. М.: ООО Изд-во «Ритм», 2023. С. 142–149.
5. Зайцева В. Ю. Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля «конкретная / абстрактная концептуализация»: дис. ... канд. филол. наук. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2012.
6. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2007.
7. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. 4-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007.
8. Мкртычян С. В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012.
9. Мкртычян С. В., Дзундза Н. В. Когнитивный параметр «ИМПУЛЬСИВНОСТЬ / РЕФЛЕКТИВНОСТЬ» как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2023. № 4 (79). С. 37–47.
10. Мкртычян С. В. Об альянсе стиля и жанра // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 40–47.
11. Мкртычян С. В. Стилистическая проблематика в современной лингвистике // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2022. № 2 (73). С. 37–45.
12. Прокудина И. С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей продуцирования научного текста (на материале студенческих рефератов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2009.
13. Степанова И. А. Особенности аргументативного дискурса носителей когнитивного стиля «полезависимость/полenezависимость»: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2022.
14. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. М.: Питер, 2004.
15. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 24–39.
16. Янсон Т. А. Коммуникативные стили экскурсовода в устном туристическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021.
17. Kagan J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of Abnormal Psychology. 1966. Vol. 71. № 1. P. 17–24.

1. Vinokur T. G. Govoryashchij i slushayushchij: Varianty rechevogo povedeniya. 3-e izd. M.: URSS: Izd-vo LKI, 2007.
2. Vinokur T. G. Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinic. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Librokom, 2009.
3. Gorshkov A. I. Lekcii po russkoj stilistike. M.: Izd-vo Lit. in-ta im. A. M. Gor'kogo, 2000.
4. Dzundza N. V. Tipologiya manipulyatorov E. Shostroma kak osnova modelirovaniya manipulyativnykh kommunikativnykh stilej // Znachenie kak fenomen aktual'nogo yazykovogo soznaniya nositelya yazyka. Sb. nauch. st. Vyp. 9. M.: OOO Izd-vo «Ritm», 2023. S. 142–149.
5. Zajceva V. Yu. Argumentativnyj diskurs nositelej kognitivnogo stilya «konkretnaya / abstraktnaya konceptualizaciya»: dis. ... kand. filol. nauk. Kaluga: Kaluzhskij gos. un-t, 2012.
6. Zalevskaya A. A. Vvedenie v psiholingvistiku: Uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. M.: RGGU, 2007.
7. Leont'ev A. A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'. 4-e izd., stereotip. M.: KomKniga, 2007.
8. Mkrtychyan S. V. Upravlencheskie kommunikativnye stili v social'no stratificirovannom diskurse: dis. ... d-ra filol. nauk. Tver': Tver. gos. un-t, 2012.
9. Mkrtychyan S. V., Dzundza N. V. Kognitivnyj parametr «IMPUL'SIVNOST' / REFLEKTIVNOST'» kak osnova tipologii manipulyativnykh kommunikativnykh stilej // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. 2023. № 4 (79). S. 37–47.
10. Mkrtychyan S. V. Ob al'yanse stilya i zhanra // Zhanry rechi. 2015. № 2 (12). S. 40–47.
11. Mkrtychyan S. V. Stilisticheskaya problematika v sovremennoj lingvistike // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. 2022. № 2 (73). S. 37–45.
12. Prokudina I. S. Russkaya yazykovaya lichnost' v aspekte lingvokognitivnykh stilej producirovaniya nauchnogo teksta (na materiale studencheskih referatov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t, 2009.
13. Stepanova I. A. Osobennosti argumentativnogo diskursa nositelej kognitivnogo stilya «polezavisimost'/polenezavisimost'»: dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk: Udmurtskij gos. un-t, 2022.
14. Holodnaya M. A. Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma. 2-e izd. M.: Piter, 2004.
15. Shcherba L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii // Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. 2-e izd. M.: Editorial URSS, 2004. S. 24–39.
16. Yanson T. A. Kommunikativnye stili ekskursovoda v ustnom turisticheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Tver': Tver. gos. un-t, 2021.

The conception of communicative stylistics: integrative approach

The integrity of the concept of communicative stylistics is substantiated: there are suggested the aspects of the concept «style» in the correlation with the basic linguistic categories «language» and «speech»; there is given the definition of communicative style, there are enumerated the aspects of its study. The developed theoretical conception is illustrated by the fragment of the study of the manipulative communicative style, its designing is implemented with the use of the experimental material; the experimental procedure and logic are described.

Key words: *stylistics, communicative style, cognitive style, manipulative communicative style, language, speech, style, integrity.*

(Статья поступила в редакцию 20.03.2024)

Е. В. БОБЫРЕВА
Н. В. БОЧАРНИКОВА
Волгоград

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА АВТОРА И АДРЕСАТА
БИБЛЕЙСКИХ ПРИТЧ

Рассмотрены характеристики жанра религиозной притчи, в частности, образы адресанта и адресата притчи. Установлено, что жанр притчи относится к первичным жанрам религиозного дискурса. Определены особенности и закономерности построения жанрового образца религиозной притчи, выделены характеристики данного жанра. Предпринята попытка моделирования образа автора (адресанта) и адресата религиозной притчи. Выявлены категориальные черты автора и адресата религиозной притчи.

Ключевые слова: *религиозный дискурс, речевой жанр, жанры религиозного дискурса, притча, категория автора, категория адресата.*

Выделение жанров в пространстве религиозного дискурса в целом представляется сложной задачей, что определяется разноплановостью существующих жанров и невозможностью выбрать единое основание для классификации. «Сложность выделения жанров религиозного дискурса определяется следующими факторами: а) особым характером коммуникации, поскольку осуществляется общение человека с Богом или Бога с человеком, при этом любое высказывание перерастает свои границы и становится событием; б) сложным характером иллокутивного потенциала, совокупности интенций, обнаруживающих довольно сложные конфигурации. Различные речевые образцы религиозного дискурса представляют собой комплексные образования, сочетающие информативные и фатические, апеллятивные и декларативные модели» [3, с. 216].

Анализ текстов религиозного дискурса, принадлежащих к различным жанрам, позволяет увидеть, насколько они разноплановы как по структуре, тематике, так и по адресантно-адресатной стратификации текстового пространства. И. В. Ицкович, анализируя характеристики религиозных текстов и религиозного стиля в целом, рассматривает текст Священного Писания в качестве прототекста, трактуя последний как «целостный завершённый, закрытый канонический текст, передающий мысли Бога или пророков и содержащий в концентрированном виде ценностно-смысловые установки религиозной конфессии. В прототексте задаются установления и описываются образцы, которые формируют должное поведение человека» [6, с. 11]. Таким образом, можно говорить о первичных жанрах религиозного дискурса, непосредственно связанных с прототекстом и в некоторых случаях выступающих его составными частями, каковыми являются притчи, псалмы и некоторые молитвы (канонические молитвы, включенные в текст Священного Писания); а также о жанрах, которые можно назвать вторичными, построенными на основе прототекста и представляющими его интерпретацию (например, жанр проповеди, а также некоторые неканонические молитвы).

Однако деление религиозных жанров на первичные и вторичные отражает лишь их поверхностную структуру и не позволяет провести стратификацию глубинной структуры, составляющей специфику отдельных жанров и выступающей более значимой и комплексной в интенциональном плане.

Анализируя жанр религиозной притчи, нам представляется также возможным говорить о жанровой дифференциации, в основу которой положена событийная локали-

зация. Практически любое высказывание в рамках религиозного дискурса перерастает рамки простой речевой сентенции и становится событием. Именно такой характер имеют, на наш взгляд, отдельные компоненты (высказывания) религиозных притч. В конечном итоге сама притча становится «сложным речевым событием». Подобные события В. Г. Гольдин характеризует следующим образом: «события, маркированные как явления общественного характера», имеющие «ритуализированный характер, ролевой состав, отношения и поведение участников сложного коллективного речевого события» [5, с. 27].

Притчи представляют собой сложное в интенционном, тематическом и структурном плане образование; первоначально возникнув в устной форме, позже они оказались зафиксированы в виде текстов. Именно подобная устно-письменная форма религиозных притч определяет форму презентации материала и выбор языковых средств.

Целью нашего исследования выступают определение и описание особенностей адресанта и адресата религиозной притчи, установление их статусных, возрастных и гендерных характеристик, описание характера взаимоотношений, а также целей, преследуемых адресантом при порождении текстов библейских притч.

Тексты библейских притч неоднократно становились предметом научного изучения. Различные аспекты библейской притчи рассматривались в работах по философии, литературоведению, истории.

Рассмотрение жанра притчи и его особенностей проводилось в работах Е. В. Бобыревой [3], В. Н. Базылева [2, с. 222–228] и мн. др. Отдельные аспекты притч, их языковые характеристики рассматривались в трудах С. З. Агранович [1], Т. Ю. Климовой [8], И. В. Кузнецова [10], Н. И. Прокофьева [16, с. 3–16], Е. К. Ромодановской [17, с. 66–75]. Функциональная специфика жанра притчи исследовалась М. В. Свиридовой [18, с. 107–108]. В ряде работ проводился анализ специфики жанра притчи в аспекте творчества того или иного писателя, в частности, работы М. А. Кечеруковой [7], В. А. Лапшина [11, с. 35–45], В. А. Лещевой [14], С. В. Мельниковой [15] и др.

Однако, как показал анализ теоретического материала, рассмотрению категории автора (адресанта) и адресата притч, выявлению и описанию их характеристик, а также влиянию последних как на построение текста притч, так и на особенности подбора определенных языковых единиц, используемых автором притч, не уделялось достаточного научного внимания.

Материалом исследования послужили текстовые образцы библейских притч – «Притчи Соломоновы», входящие в Ветхий Завет Священного Писания.

Притчи, как и любой жанр религиозного дискурса, довольно сложны как в плане смысловой интерпретации, так и в плане выделения их основных типов, что может быть объяснено, как мы ранее отмечали, «двуплановостью притчи и тем обстоятельством, что второй, скрытый план, который адресат должен извлечь при ее восприятии, не просто равен, а многократно превосходит по своей значимости, вкладываемому в него смыслу и значению план эксплицитный, открыто лежащий на поверхности и доступный для восприятия адресата» [3, с. 252].

Все без исключения притчи построены в форме диалога с адресатом — человеком, которому предназначены содержащиеся в них советы, наставления, предостережения, а иногда и угрозы: «*И для чего тебе, Сын мой, увлекаться постороннею и обнимать груди чуждой?*» (Библия, Притчи Соломоновы, 5, с. 20); «*Не будь лжесвидетелем на ближнего твоего! К чему тебе обманывать устами твоими?*» (Библия, Притчи Соломоновы, 24, с. 27–29); «*Леность погружает в сонливость, и нерадивая душа будет терпеть голод*» (Библия, Притчи Соломоновы, 19, с. 15).

Диалогическая форма естественна для притчи. Однако интересно отметить, что в большинстве случаев на поставленные вопросы в притче не содержится ответов, поскольку последние настолько очевидны, что, видимо, сразу формируются в сознании

адресата: *«Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?»* (Библия, Притчи Соломоновы, 6, с. 27).

Тексты притч могут содержать перечисление пороков, рассматриваемых как грех, который неизбежно ведет человека к гибели: *«Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями»* (Библия, Притчи Соломоновы, 6, 16–19).

Диалогический характер притч позволяет выйти на анализ потенциальных участников квазидialogа, который «ведется» адресантом притчи. Таким образом, представляется интересным смоделировать образы автора (Бога, обращающегося к человеку) и адресата (человека, который должен вынести определенный урок из услышанного и организовать свою жизнь подобающим образом). Моделирование образа автора притч представляется до определенной степени более интересным.

Основная цель автора библейских притч – заставить адресата не просто понять сказанное, но и верно воспринять его слова. Поскольку практически любой библейский текст рассчитан на массового адресата, т.е. практически на любого человека, обращающегося к нему, сам автор и сказанное им должны быть интересны потенциальному «собеседнику», адресат должен быть мотивирован на восприятие и принятие воспринятого им сообщения. В связи с этим уместно коснуться такого феномена, как *коммуникативная аттракция*. Данное понятие введено О. А. Леонтович, которая понимает под *коммуникативной аттракцией* общий положительный настрой коммуниканта и его привлекательность для собеседника. «К конститутивным признакам позитивного общения относятся позитивная интенциональность, вовлеченность в коммуникацию, адаптация к собеседнику, социальная поддержка, положительная эмоциональность, конструктивность и ориентация на благоприятное развитие взаимоотношений» [12, с. 179].

Исходная ориентированность на позитивное общение и общий положительный эмоциональный настрой, на наш взгляд, объясняют тот факт, что тексты религиозных притч как в структурном, так и в тематическом плане доступны и понятны массовому адресату.

Диалогический характер практически любого текстового образца религиозной притчи позволяет говорить о текстах притч как об особом типе коммуникации; и хотя второй участник диалога (человек) представлен имплицитно, мы можем конструировать его образ и возможные реакции (как вербальные, так и невербальные) на сообщение. Представляется возможным определить религиозную квазикоммуникацию, имеющую место в текстах притч, как позитивную; к числу отличительных признаков такой коммуникации О. А. Леонтович относит «конструктивность, окрашенность положительными эмоциями и эффективность» [13, с. 28]. По мнению исследователя, «вежливость выступает как социальный регулятив коммуникации; при этом «правила «этического кодекса», в частности, выражаются в форме речевого этикета» (Там же). Однако особый статус адресанта религиозных притч позволяет ему в ряде случаев нарушать данный «кодекс вежливости», что не препятствует решению конкретной коммуникативной задачи.

Автор выступает в роли заботливого отца, пытающегося вразумить человека, давая ему мудрый совет относительно его поведения и действий в будущем: *«...Храни заповеди мои и живи, и учение мое, как зрачок глаз твоих. Навяжи их на персты твои, напиши их на скрижали сердца твоего. Скажи мудрости “ты сестра моя!” и разум назови родным твоим, чтобы они охраняли тебя.....»* (Библия, Притчи Соломоновы, 7, с. 1–5).

Кроме того, практически во всех притчах постулируется могущество Всевышнего, который обладает силой и высшей мудростью: *«У меня совет и правда; я разум, у меня сила!»* (Библия, Притчи Соломоновы, 8, с. 14); *«Слушайте, потому что я буду говорить*

важное, и изречение уст моих – правда; ибо истину произнесет язык мой, и нечестие – мерзость для уст моих; все слова уст моих справедливы; в них нет коварства и лукавства; все они ясны для разумного и справедливы для приобретших знание» (Библия, Притчи Соломоновы, 8, с. 6–9). Бог в силах как защитить человека, так и, в случае необходимости, наказать последнего; страх наказания выступает определенным морально-нравственным регулятором, ограждающим человека от необдуманных и греховных поступков: *«В страхе пред Господом – надежда твердая, и сынам Своим Он прибежище. Страх Господень – источник жизни, удаляющий от сетей смерти»* (Библия, Притчи Соломоновы, 14, с. 26–28).

В ряде случаев адресант (автор) притч выражает удовлетворение действиями человека: *«Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум!»* (Библия, Притчи Соломоновы, 3, с. 13), а иногда критикует: *«Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым»* (Библия, Притчи Соломоновы, 6, с. 6).

Адресат притч выступает воплощением несовершенства, которого как ребенка наставляет Всевышний: *«Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей»* (Библия, Притчи Соломоновы, 4, с. 9). Критикуется невежество человека: *«Доколе, невежды, будете любить невежество? доколе буйные будут улаживаться буйством? доколе глупцы будут ненавидеть знание?»* (Библия, Притчи Соломоновы, 1, с. 22–30). Негативную оценку получают такие качества, как зависть, гневливость: *«Не дружись с человеком гневливым и не общайся с человеком вспыльчивым, чтобы не научиться путям его и не навлечь петли на душу твою»* (Библия, Притчи Соломоновы, 22, с. 24–25); *«Не негодуй на злодеев и не завидуй нечестивым, потому что злодей не имеет будущности, – светильник нечестивых угаснет»* (Библия, Притчи Соломоновы, 24, с. 19–20); лжесвидетельствование и ложь в отношении близких: *«Лжесвидетель не останется ненаказанным, и кто говорит ложь, не спасется»* (Библия, Притчи Соломоновы, 19, с. 5); праздность: *«Кто любит веселье, обеднеет; а кто любит вино, не разбогатеет»* (Библия, Притчи Соломоновы, 21, с. 17) и др. Чаще других в качестве отрицательного постулируется такое качество, как лень, причем оно выступает не просто негативным, оно вызывает гнев Всевышнего: *«Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник»* (Библия, Притчи Соломоновы, 24, с. 33).

Тексты притч отличаются назидательностью; во многих притчах сразу за обращением к человеку (и привлечением его внимания к тому, что будет сказано далее), следуют наставления, оформленные как наставления-рекомендации и наставления-приказы: *«Слушай, сын мой, наставления отца твоего и не отвергай завета матери твоей...»* (Библия, Притчи Соломоновы, 1, с. 8); *«Сын мой, если будут склонять тебя грешники, не соглашайся.....»* (Библия, Притчи Соломоновы, 1, с. 10); *«Сын мой! Внимай мудрости моей, и приклони ухо твое к разуму моему...»* (Библия, Притчи Соломоновы, 5, с. 1).

Прием иносказания (аллегории), передачи определенного (часто отвлеченного) понятия через конкретный образ мира часто используется в Библии. Автором библейского текста, как правило, выбирается яркий хорошо знакомый образ, порождающий у человека (адресата текста притчи) вполне конкретные (как правило, негативные) ассоциации: *«.... пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба.....»* (Библия, Притчи Соломоновы, 26, с. 14). Через образ пчелы постулируется идея о необходимости быть трудолюбивым, что может принести «маленькому» человеку уважение окружающих. Согласимся с точкой зрения И. И. Гарина, по мнению которого, «понимать Библию буквально – значит, ничего не понимать <....>. Библия есть наиболее крупный и законченный плод многовекового символизма» [4, с. 758].

Прием отсылки к природе, к миру животных, который существует и функционирует по установленным Богом законам и в котором всегда царит гармония, часто используется в притчевых текстах: *«Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни повелителя; но он изготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою»* (Библия, Притчи Соломоновы, 6, с. 6–8).

Анализ текстов библейских притч позволил нам выделить перечень требований, которые предъявляются Всевышним человеку и которые человек, в свою очередь, должен сам предъявлять к себе, выстраивая свою жизнь определенным образом: *«Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей, потому что это прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей»* (Библия, Притчи Соломоновы, 1, с. 8–9); *«Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя»* (Библия, Притчи Соломоновы, 4, с. 24); к другим людям: *«...праведные будут жить на земле, и непорочные пребудут на ней; а беззаконные будут истреблены с земли, и вероломные искоренены из нее»* (Библия, Притчи Соломоновы, 2, с. 21).

Анализ текстов притч позволил нам выделить набор требований, предъявляемых Богом человеку, для того чтобы последний смог снискать расположение Всевышнего: *«Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у ворот моих и стоя на страже у дверей моих»* (Библия, Притчи Соломоновы, 8, с. 34–35).

В ряде притч в эксплицитной форме содержится требование к человеку изменить определенные качества в себе или конкретные детали своей жизни: *«Научитесь, неразумные – благоразумию, а глупые – разуму»* (Библия, Притчи Соломоновы, 8, с. 5); кроме того, также в эксплицитной форме сообщается то, что может ожидать человека, который не соблюдает заветы Бога и даже не пытается выстроить свою жизнь так, как того требует Всевышний: *«Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя»* (Библия, Притчи Соломоновы, 6, с. 11).

Адресант притч – лицо старшего возраста, что подтверждается, во-первых, постоянно используемым в тексте притч обращением *«Сын мой»* и, во-вторых, множеством поучений, наставлений и рекомендаций человеку, которые может давать только умудренный опытом и обладающий определенным набором знаний человек: *«Сын мой! словам моим внимай, и к речам моим приклони ухо твое»* (Библия, Притчи Соломоновы, 18, с. 8).

Автор притч рассматривается заведомо как лицо, обладающее более высоким социальным статусом, а потому имеющее право и полномочия давать адресату любые рекомендации. Кроме того, анализ текстовых фрагментов указывает на высокий уровень образования (образованности) адресанта, о чем свидетельствует его критика недостаточного уровня знаний адресата и постулирование необходимости учиться и овладевать знаниями: *«Главное – мудрость: приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум»* (Библия, Притчи Соломоновы, 4, с. 7).

Значительное число фрагментов притч, а также отдельные притчи целиком построены на противопоставлении, цель которого – показать человеку положительные и отрицательные стороны отдельных сторон жизни: *«Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего»* (Библия, Притчи Соломоновы, 27, с. 6). Часто такие контрастные характеристики облекаются в конструкцию *«лучше – хуже»*: *«Лучше кусок сухого хлеба, и с ним мир, нежели дом, полный заколотого скота, с раздором»* (Библия, Притчи Соломоновы, 17, с. 1); *«Лучше открытое обличение, нежели скрытая любовь»* (Библия, Притчи Соломоновы, 14, с. 5).

На приеме контраста построены тексты некоторых притч, причем контрастные фразы-характеристики могут не сопровождаться комментарием, поскольку такое наглядное постулирование, «что есть добро, а что зло», благодаря четким в структурном плане фразам гарантирует верный выбор между добром и злом и подводит человека к

единственно правильному решению: *«Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает. Собирающий во время лета – сын разумный, спящий же во время жатвы – сын беспутный. Благословения – на голове праведника, уста же беззаконных заградит насилие. Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзет. Мудрый сердцем принимает заповеди, а глупый устами преткнется. Кто ходит в непопечности, тот ходит безопасно; а кто превращает пути свои, тот будет наказан.... Уста праведника – источник жизни, уста же беззаконных заградит насилие. Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи... Мудрые сберегают знание, а уста глупого – близкая погибель. Имущество богатого – крепкий город его, беда для бедных – скудость их. Труды праведного – к жизни, успех нечестивого – ко греху... Отборное серебро – язык праведного, сердце же нечестивых – ничтожество»* (Библия, Притчи Соломоновы, 10, с. 4–20). Контраст в подобных случаях усиливает эмоциональность высказывания. Отметим, что при помощи приема контраста в Священном Писании закладывается практически вся система базовых ценностей, относящихся к разряду общечеловеческих и выступающих морально-нравственными ориентирами для большей части человечества на протяжении более двух тысячелетий. По мнению Н. А. Красавского, в настоящее время интерес к рассмотрению ценностных приоритетов не ослабевает: «Вскрытие шкалирования ценностных приоритетов может быть интерпретировано и как диагноз современного состояния общества, и как пробивающая себе дорогу гуманистическая тенденция к необходимым трансформациям в нем. Иными словами, ценности выступают характеристикой цивилизации на определенном этапе ее развития, равно как и отдельного индивида в конкретный период его жизни» [9, с. 5].

Итак, анализ материала позволил выявить ряд типологических черт адресанта библейской притчи: это лицо мужского пола, более высокого по сравнению с адресатом, которому предназначена информация, содержащаяся в текстах притч, статуса. Наличие у адресанта указанных характеристик позволяет ему давать адресату не только советы и рекомендации, но часто и эксплицитно оформленные приказы (*«Пойди...»*, *«Сделай...»*, *«Слушай»*); это лицо старшего возраста, что подтверждается как выбором форм обращения к адресату (*«Сын мой»*), так и лексическим и синтаксическим оформлением порождаемых адресантом высказываний; кроме того, лицо более образованное как в общем плане, так и в плане оперирования определенной системой норм и правил, основывающихся на имеющейся у адресанта системе ценностей, которую последний считает необходимым, постулируя открыто и выражая в назидательной форме, передать адресату притч.

В противоположность адресанту адресат выступает лицом, имеющим более низкий социальный статус; это лицо, стоящее ниже адресанта не только на возрастной лестнице, но и менее образованное и нуждающееся в получении определенных знаний и поучении.

Интересно и то, что адресант считает необходимым передать (привить) адресату и определенную систему ценностей, которая, по его мнению, является единственно верной и должна восприниматься беспрекословно, при этом более низкий общий статус адресата притч способствует подобному беспрекословному восприятию.

Исследование текстовых фрагментов притч позволяет не только проникнуть во внутренний смысловой план данного жанра религиозного дискурса, но и проследить систему взаимоотношений адресанта и адресата притчи, что способствует более глубокому раскрытию ряда характеристик религиозного дискурса в целом и жанра религиозной притчи в частности, отдельные характеристики которой в настоящее время находят применение и своеобразное преломление в ряде современных литературных жанров, способствуя формированию определенной системы морально-этических принципов и поведенческих норм современного общества.

Перспективами предпринятого исследования может стать рассмотрение функционирования отдельных фрагментов библейских притч в ряде современных жанров и определение при этом степени сохранения взаимоотношений моделируемого адресанта библейских притч с современным адресатом.

Список литературы

1. Агранович С. З., Саморукова И. В. Гармония – цель – гармония: Художественное сознание в зеркале притчи. М.: Междунар. ин-т семьи и собственности, 1997.
2. Базылев В. Н. Притча: переосмысление жанра // Жанры речи. 2020. № 3(27). С. 222–228.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград: Перемена, 2007.
4. Гарин И. И. Что такое этика, культура, религия? М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002.
5. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 1997. С. 23–34.
6. Ицкович Т. В. Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 1. С. 6–16.
7. Кечерукова М. А. Жанровая специфика и проблематика романов-притч Уильяма Голдинга 1950-1960-х годов: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2009.
8. Климова Т. Ю. Притча в системе художественного мышления В. С. Маканина: автореф. ... канд. филол. наук. Томск: Том. гос. ун-т, 1999.
9. Красавский Н. А. Триада ключевых эмоциональных концептов «страх», «душевные страдания» и «отчаяние» в повести Германа Гессе «Кляйн и Вагнер» // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 1 (05). С. 4–13.
10. Кузнецов И. В. Коммуникативная стратегия притчи в русских повестях XVII-XIX веков: монография. Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2003.
11. Лапшин В. А. Пьесы-притчи Б. Брехта // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 1973. № 4. С. 35–45.
12. Леонтович О. А. Позитивная личность: коммуникативные особенности и поведенческие характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 178–184.
13. Леонтович О. А. Механизмы бесконфликтного общения в России и испаноязычных странах: сопоставительный аспект // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. № 1 (5). 2024. С. 28–35.
14. Лещева В. А. Поэтика жанра притчи в творчестве Л. Н. Толстого 1880-1900 годов: автореф. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 2016.
15. Мельникова С. В. Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2002.
16. Прокофьев Н. И. Древнерусские притчи и их место в жанровой системе русского средневековья // Литература Древней Руси: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. И. Прокофьева. М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. С. 3–16.
17. Ромодановская Е. К. От цитаты к сюжету. Роль повести-притчи в становлении новой русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVII-XX веков. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1994. С. 66–75.
18. Свиридова М. В. Художественные функции жанра притчи // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 2. С. 107–108.

* * *

1. Agranovich S. Z., Samorukova I. V. Garmoniya – cel' – garmoniya: Hudozhestvennoe soznanie v zerkale pritchi. M.: Mezhdunar. in-t sem'i i sobstvennosti, 1997.
2. Bazylev V. N. Pritcha: pereosmyslenie zhanra // Zhanry rechi. 2020. № 3 (27). S. 222–228.
3. Bobyрева E. V. Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya): monografiya. Volgograd: Peremena, 2007.

4. Garin I. I. Chto takoe etika, kul'tura, religiya? M.: TERRA-Knizhnyj klub, 2002.
5. Gol'din V. E. Imena rechevyh sobytij, postupkov i zhanry russkoj rechi // Zhanry rechi. Saratov: Izd-vo Gos UNC «Kolledzh», 1997. S. 23–34.
6. Ickovich T. V. Prototekstual'nost' kak konstruktivnyj princip religioznogo stilya // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie. 2018. T. 17. № 1. S. 6–16.
7. Kecherukova M. A. Zhanrovaya specifika i problematika romanov-pritch Uil'yama Goldinga 1950-1960-h godov: dis. ... kand. filol. nauk. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2009.
8. Klimova T. Yu. Pritcha v sisteme hudozhestvennogo myshleniya V. S. Makanina: avtoref. ... kand. filol. nauk. Tomsk: Tom. gos. un-t, 1999.
9. Krasavskij N. A. Triada klyuchevyh emocional'nyh konceptov «strah», «dushevnye stradanija» i «otchayanie» v povesti Germana Gesse «Klyajn i Vagner» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2024. № 1 (05). S. 4–13.
10. Kuznecov I. V. Kommunikativnaya strategiya pritchi v russkih povestyah XVII-XIX vekov: monografiya. Novosibirsk: Izd-vo NIPKiPRO, 2003.
11. Lapshin V. A. P'esy-pritchi B. Brekhta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. 1973. № 4. S. 35–45.
12. Leontovich O. A. Pozitivnaya lichnost': kommunikativnye osobennosti i povedencheskie harakteristiki // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 1 (134). S. 178–184.
13. Leontovich O. A. Mekhanizmy beskonfliktного obshcheniya v Rossii i ispanoyazychnyh stranah: sopostavitel'nyj aspekt // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. № 1 (5). 2024. S. 28–35.
14. Leshcheva V. A. Poetika zhanra pritchi v tvorchestve L.N. Tolstogo 1880-1900 godov: avtoref. ... kand. filol. nauk. M.: Mosk. gos. ped. un-t, 2016.
15. Mel'nikova S. V. Pritcha kak forma vyrazheniya filosofskogo sodержaniya v tvorchestve L. N. Tolstogo, F. M. Dostoevskogo, A. P. Chekhova: dis. ... kand. filol. nauk. M.: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2002.
16. Prokof'ev N. I. Drevnerusskie pritchi i ih mesto v zhanrovoj sisteme russkogo srednevekov'ya // Literatura Drevnej Rusi: mezhvuz. sb. nauch. tr. / Pod red. N. I. Prokof'eva. M.: Izd-vo MGPI im. V. I. Lenina, 1988. S. 3–16.
17. Romodanovskaya E. K. Ot citaty k syuzhetu. Rol' povesti-pritchi v stanovlenii novoj russkoj literatury // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVII-XX vekov. Petrozavodsk: Izd-vo PGU, 1994. S. 66–75.
18. Sviridova M. V. Hudozhestvennye funkcii zhanra pritchi // Byulleten' medicinskih internet-konferencij. 2013. T. 3. № 2. S. 107–108.

Modeling the image of the author and addressee of the biblical parables

The characteristics of the religious parable genre, in particular, the investigation of the addresser's and addressee's of the parable images are considered. It has been established that the genre of the parable belongs to the primary genre pattern of religious discourse. The features and patterns of constructing a genre sample of a religious parable are determined, the characteristics of this genre are highlighted. An attempt has been made to model the image of the addresser (author) and addressee of a religious parable. The categorical features of the author and addressee of a religious parable are revealed.

Key words: *religious discourse, speech genre, genres of religious discourse, parable, category of author, category of addressee.*

(Статья поступила в редакцию 11.04.2024)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НОМИНАЦИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В МАССМЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Описана тенденция наименования агрессивной коммуникации в текстах СМИ на материале русского языка. Проанализированы английские заимствования, используемые пользователями интернета для наименования деструктивного поведения, выделены наиболее частотные единицы (абьюз, газлайтинг, неглект, шейминг, stalking), рассмотрены семантика, этимология, семантико-синтаксические валентности (сочетаемости), эквиваленты.

Ключевые слова: деструктивное поведение, заимствование, медиатекст, абьюз, газлайтинг, неглект, шейминг, stalking.

Повседневная жизнь человеческого общества сопровождается коммуникацией деструктивного характера, которая, с одной стороны, способствует развитию общества, а с другой стороны, негативно влияет на прогресс. Деструктивное поведение – это сложное явление, которое понимается как агрессивное и разрушительное воздействие с целью причинения вреда себе или окружающим, приводящее к негативным последствиям для отдельных лиц, групп или общества в целом. В современных СМИ в статьях, блогах, постах, видеороликах и комментариях регулярно встречаются номинации, связанные с деструктивным поведением участников общения в различных типах дискурса. Данные языковые единицы еще не подвергались системному комплексному лингвистическому анализу.

Нами было изучено более 200 контекстов, содержащих лексемы, объективирующие деструктивное поведение. Источниками материала послужили публикации блогеров в соцсетях (*dzen.ru*), комментарии к блогам, научно-популярные статьи по психологии, размещенные на порталах *B17.ru*, *style.rbc.ru*, *royalcheese.ru*, *forbes.ru*, *ExperimentalPsychic* и др.

Обнаружены следующие лексемы, объективирующие деструктивное поведение: абьюз, газлайтинг, триангуляция, неглект, шейминг, виктимблейминг, stalking, троллинг/интернет-троллинг, дабл-байнд, гостинг, буллинг, моббинг, висхолдинг, бредкрамбинг, касперинг, бенчинг, орбитинг, роучинг, хаунтинг, субмарининг, боссинг, лавбомбинг, груминг, сексторция, хайпинг, лей-бай, стэшинг, фаббинг, микрочитинг. Критериями отбора репрезентативных лексем послужила частотность, определяемая как языковой модой, так и степенью адаптации заимствований в системе русского языка. Соответственно, подробному анализу подверглись лексемы абьюз, газлайтинг, неглект, шейминг, stalking.

Рассмотрим номинации, определения, синонимы, дериваты, семантико-синтаксическую валентность (сочетаемость) и эквиваленты выбранных для анализа языковых единиц. За основу описания лексем взяты их толкования из «Словаря актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» Т. В. Леонтьевой и А. В. Щетиной [3], с некоторыми дополнениями, продиктованными целями нашего исследования.

Мы детализировали номинации агрессора и его поведения, наименования жертвы и характеристики деструктивных коммуникативных ситуаций, опираясь на дериваты и сочетаемость.

Как показал анализ текстов СМИ, в настоящее время в качестве наименования проявления агрессии преобладают заимствования. Данная тенденция характерна для современных СМИ, о чем заявляют многие лингвисты (Т. Г. Добросклонская, С. И. Потапенко, Т. А. Глебович и др.), анализирующие массмедийный дискурс.

Согласно мнению специалистов, выделяются две причины заимствований: лингвистическая и экстралингвистическая. Рекуррентность англицизмов не может объясняться внутриязыковыми причинами, связанными с потребностями введения новой лексики для обозначения новых явлений и понятий. Мы полагаем, что именно экстралингвистические причины объясняют появление столь обширного списка лексем, называющих агрессивную коммуникацию. Агрессия не является новой формой межличностного общения, но ее всплеск в современном обществе отмечают специалисты разных сфер: лингвисты (Ю. В. Щербинина, Н. С. Якимова, О. Н. Варламова, Ю. Б. Можгинский, С. М. Селиверстова, Т. В. Ларионова и др.), психологи (Н. Д. Левитов, Л. В. Зубова, Р. В. Бисалиев, Т. Г. Румянцева и др.), педагоги (Е. Г. Шестакова, Л. Я. Дорфман, Л. С. Выготский, С. Я. Рубинштейн и др.).

Как известно, процесс заимствования иноязычной лексики предполагает не только простое перемещение слова из одного языка в другой, но и процесс адаптации и ассимиляции лексем в конкретной языковой системе, а также процесс преобразования языковой формы и семантики в условиях иной системы [6]. Соответственно, заимствование слов – это естественный процесс, который обогащает язык и оказывает глубокое влияние на исходную лексическую систему, а также является неизбежным результатом языкового обмена и интеграции. Неоправданные заимствования постепенно выходят из широкого употребления, частотные стилистически нейтрализуются [2, с. 248–250].

В специфическом процессе заимствования иноязычных лексем заимствованные слова должны быть ассимилированы в языковую структуру языка-реципиента и адаптированы на разных уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом (грамматическом), графическом, семантическом [1, с. 119]. Все приведенные ниже заимствования – наименования деструктивного поведения – фонетически адаптированы для русского языка. Они претерпели и грамматическую ассимиляцию, произошла адаптация заимствованных слов к морфологическим стандартам заимствуемого языка [5, с. 256]. Англицизмы, объективирующие деструктивное поведение, приобрели грамматические особенности русского языка – языка-реципиента, среди которых наиболее очевидной является «адаптация имен существительных и прилагательных, поскольку эти существительные и прилагательные получают род и начинают склоняться по шестипадежной системе» [4, с. 435]. В русском языке к процессу адаптации заимствованные слова подготавливает прежде всего система окончаний, кроме того, важную роль играют суффиксы как средство грамматического образования имен существительных и имен прилагательных (Там же). В то же время в современном русском словообразовании активно используются и иноязычные компоненты, выполняющие функцию суффиксов.

Проанализируем лексемы, называющие деструктивное поведение.

Абьюз – физическое, психологическое, экономическое насилие, которое осуществляется одним человеком или группой лиц в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы [3, с. 27]. Лексема *абьюз* – прямое заимствование английского *abuse*, введена посредством транслитерации, суффикс *-инг* образован от английского суффикса *-ing*, с помощью которого по соответствующей словообразовательной модели образуется существительное *абьюзинг*. Подобным способом, но с помощью суффикса *-мент* образовано существительное *абьюзмент*. Аналогично введена лексема *газлайтинг*, означающая психологическое насилие, манипуляцию с целью вызвать у

жертвы сомнения в адекватности восприятия мира, себя и других людей через насмешки, обвинения и запугивания [3, с. 127]. Она, как и лексема *абьюзинг*, образована с помощью суффикса *-инг* и относится к так называемым *инговым* формам. Синоним *газлайт* транслитерируется от английского слова *gaslight*.

Неглект – форма психологического насилия, проявляющаяся в неоказании помощи нуждающемуся в ней человеку (чаще всего близкому), пренебрежении его интересами, нарушении обязательств [3, с. 269]. Англицизм *неглект* представляет собой транслитерацию английского слова *neglect* (синоним *неглектинг*) и является *инговой* формой заимствования.

Шейминг – публично выражаемое осуждение человека за то, что он не соответствует каким-либо стандартам, нормам [3, с. 408]. Лексема образована аналогично приведенным выше примерам с помощью суффикса *-инг*, синонимичная ей языковая единица *шейм* – транслитерация английского слова.

Лексема *сталкинг* также является образцом *инговой* формы заимствования, обозначает вид преследования человека другим человеком или группой людей, заключающийся в слежении за жертвой, ее оскорблении и запугивании [3, с. 332]. Синоним *сталкерство* образован на основе модели «заимствованный корень + суффикс *ство* со значением действия».

Перейдем к рассмотрению сочетаемости.

Типовые модели сочетаемости вышеперечисленных заимствованных лексем представляет собой словосочетания «имя существительное + заимствованное имя существительное» (виды *абьюза*, форма *абьюза*, классификация *неглекта*, формы *сталкинга*, жертва *газлайтинга*) и «имя прилагательное + заимствованное имя существительное» (эмоциональный *неглект*, экономический *абьюз*, легкий *газлайтинг*, агрессивный *сталкинг*), что в определенной степени указывает на глубину интеграции этих заимствований в русский язык.

Следующим пунктом, позволяющим проследить семантическую особенность лексем, номинирующих деструктивное поведение, является наличие у заимствованных лексем эквивалентов. С семантической точки зрения, эквиваленты представляют собой синонимические ряды, доминантой которых является заимствование.

Приведем примеры таких синонимических рядов.

1. *Абьюз*: *буллинг*, *газлайтинг*, *моббинг*, *насилие*, *неглект*, *подавление*, *прессинг*, *сталкинг*, *травля*, *троллинг*, *унижение*, *харассмент*, *хейтинг*, *шейминг* [3, с. 28]. Отметим преобладающее количество англицизмов в этом ряду. Из всего обширного списка только три лексемы этимологически восходят к русскому языку.

2. *Газлайтинг*: *абьюз*, *абьюзинг*, *абьюзмент*, *буллинг*, *моббинг*, *насилие*, *неглект*, *подавление*, *прессинг*, *сталкинг*, *травля*, *троллинг*, *унижение*, *харассмент*, *хейтинг*, *шейминг* [3, с. 129]. Как и в предыдущем примере, в синонимическом ряду преобладают англицизмы.

3. *Неглект*: *абьюз*, *игнорирование*, *равнодушие*, *насилие*, *пренебрежение* [3, с. 269]. В этом ряду только два англицизма.

4. *Шейминг*: *абьюз*, *абьюзинг*, *газлайтинг*, *моббинг*, *хейтинг* [3, с. 408], *эйджизм*, *эйблизм*, *колоризм*, *фэтшейминг*.

5. *Сталкинг*: *абьюзинг*, *буллинг*, *кибербуллинг*, *моббинг*, *преследование*, *травля* [3, с. 332].

В 4 и 5 синонимических рядах, как и в большинстве случаев, преобладают англицизмы. Анализ лексем позволяет заявить о том, что лексема *абьюз* является гиперонимом, поскольку представлена во всех синонимических рядах. Часто повторяются и лексемы *буллинг* (*кибербуллинг*), *моббинг*, *насилие*, *троллинг*. Можно предположить, что в коммуникативном массовом сознании носителя русского языка перечисленные слова семантически сближаются, что свидетельствует о конвергентных тенденциях.

Перейдем к рассмотрению наименований агрессора и жертвы.

В качестве номинаций агрессора используются заимствования *абыюзер, газлайтер, неглектер/неглектор, шеймер и сталкер* для указания на маскулинную гендерную принадлежность, и феминитивы *абыюзерша, газлайтерша, неглектерша/неглекторша, шеймерша и сталкерша*, образованные с помощью суффикса *-ша* для феминного гендера.

Выявлены многочисленные примеры слияния основ для уточнения социальной роли агрессора, например: *бандит-абыюзер, женищина-абыюзер, летчик-абыюзер, мать-абыюзер, муж-абыюзер, отец-абыюзер, отчим-абыюзер, родители-абыюзеры, супруг-абыюзер, муж-газлайтер, партнер-газлайтер, женищина-газлайтер, супруг-неглектор, мужчина-неглектор, женищина-неглектор, женищина-сталкер, мужчина-сталкер, мать-сталкер, отец-сталкер, дети-сталкеры, отчим-сталкер, жена-сталкер, бандит-сталкер* и др.

Случаев слияния основ для заимствованного слова *шеймер* в интернет-текстах мы не обнаружили.

Имена прилагательные *абыюзерский, газлайтерский, неглектерский, шеймерский, сталкерский*, характеризующие агрессора, образованы по словообразовательной модели с суффиксом *-ск-*. Имя прилагательное *газлайтинговый* образовано с помощью русского суффикса *-ов-* со значением принадлежности. Имена прилагательные *абыюзивный, газлайтный / газлайтовый, шеймный и неглектный* образованы с помощью суффиксов *-н-, -ов-*. Они чаще используются в контексте психологического анализа поведения агрессора, благодаря чему данные заимствования встают в ряд с такими русскими прилагательными, как *старинный, истинный, сонный*.

Для наименования действия агрессора используются глаголы, образованные по русской словообразовательной модели с суффиксом инфинитива: *абыюзерить / абыюзить, газлайтить / газлайтерить, неглектить, шеймить, сталкерить*. Наименования процессов могут быть образованы с помощью английского суффикса *-мент*: *абыюзмент*.

Для номинации жертвы агрессора используются словосочетания *жертва абыюзера / абыюза, жертва газлайтера / газлайтинга, жертва неглектера / неглектора / неглекта, жертва шеймера / шейминга, жертва сталкера / сталкинга*. Ассимиляция анализируемых нами единиц прослеживается и в других свободных словосочетаниях: *биография абыюзера, биография сталкера, психология газлайтера* и др., что говорит о функциональной независимости данных заимствований.

Анализ наименований агрессора, его поведения и его жертвы, используемых в СМИ, показал, что в русском языке в качестве лексем, отражающих деструктивную коммуникацию, активно используются англицизмы, представляющие собой различные части речи: имена существительные, имена прилагательные, глаголы, характеризующиеся широкой сочетаемостью с русскоязычными языковыми единицами.

По функционально-адаптивному признаку обнаруженные нами англицизмы грамматически оформлены средствами русского языка, успешно адаптированы и ассимилированы в русском языке. В то же время мы обнаружили, что от номинаций агрессора в форме мужского рода, заимствованным из английского языка, в русском языке образуются номинации агрессоров в форме женского рода по русской словообразовательной модели путем добавления суффикса *-ша*; от них же по русской словообразовательной модели с суффиксами *-ск-* и *-н-* образуются имена прилагательные, описывающие характеристики агрессора; от них же по русской словообразовательной модели с суффиксами инфинитива образуются соответствующие глаголы (*абыюзерить / абыюзить, газлайтить / газлайтерить, неглектить, шеймить, сталкерить*).

Таким образом, в средствах массовой информации для наименования деструктивного поведения используются англицизмы, что определено жанровыми особенностями

ми текстов СМИ и тенденцией к использованию англицизмов. Широкая популярность выделенных нами лексем подтверждает факт значимости СМИ в общественной жизни, метафорически называемой «четвертой властью», наряду с судебной, исполнительной и законодательной. Несмотря на наличие исконно русских наименований агрессивного поведения или заимствований, давно освоенных русским языком и ставших частью его лексического состава, таких как *унижение*, *оскорбление*, *тирания* и некоторых других, пользователи интернета прибегают к англицизмам. Грамматическая ассимиляция английских заимствованных номинаций деструктивного поведения, появляющихся в средствах массовой информации, осуществляется преимущественно с помощью суффиксации или слияния основ. Большое количество заимствований из английского языка в текстах СМИ свидетельствует о популярности и высокой степени интегрированности англицизмов в системе русского языка.

Список литературы

1. Гринёв С. В. Терминологические заимствования (краткий обзор современного состояния вопроса) // Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. С. 108–135.
2. Коновалова Э. К., Ефименко М. И. Проникновение англоязычных слов и устойчивых сочетаний в тексты русскоязычных СМИ // Современная филология: материалы I Междунауч. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа, Лето, 2011. С. 248–250. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/477/> (дата обращения: 11.03.2024).
3. Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург, Ажур, 2021.
4. Лоншакова О. Ю. Процессы ассимиляции английских заимствований в русском языке // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 433–436. URL: <https://moluch.ru/archive/449/98715/> (дата обращения: 03.03.2024).
5. Маммед И. А. Виды заимствований и ассимиляция заимствованных слов (на основе материалов современного английского и азербайджанского языков) // Вестник Чувашского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 253–260.
6. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского языка. 30–90-е гг. XIX в. М.-Л.: Наука, 1965.

* * *

1. Grinyov S. V. Terminologicheskie zaimstvovaniya (kratkij obzor sovremennogo sostoyaniya voprosa) // Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnyh terminov i terminoelementov. M.: Nauka, 1982. S. 108–135.
2. Konovalova E. K., Efimenko M. I. Proniknovenie angloyazychnyh slov i ustojchivyh sochetanij v teksty russkoyazychnyh SMI // Sovremennaya filologiya: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, aprel' 2011 g.). Ufa, Leto, 2011. S. 248–250. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/477/> (data obrashcheniya: 11.03.2024).
3. Leont'eva T. V., Shchetinina A. V. Slovar' aktual'noj leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka. Ekaterinburg, Azhur, 2021.
4. Lonshakova O. Yu. Processy assimilyacii anglijskih zaimstvovaniy v russkom yazyke // Molodoj uchenyj. 2023. № 2 (449). S. 433–436. URL: <https://moluch.ru/archive/449/98715/> (data obrashcheniya: 03.03.2024).
5. Mammed I. A. Vidy zaimstvovaniy i assimilyaciya zaimstvovannyh slov (na osnove materialov sovremennogo anglijskogo i azerbajdzhanskogo yazykov) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2018. № 2. S. 253–260.
6. Sorokin Yu. S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo yazyka. 30–90-e gg. XIX v. M.-L.: Nauka, 1965.

Modern tendencies of nomination of destructive behavior in mass media text

The tendency of the nomination of aggressive communication in the texts of mass media at the material of the Russian language is described. The author analyzed the English borrowings, used by the users of the Internet for the nomination of destructive behavior, revealed the most frequent units (abuse, gas-lighting, neglect, shaming and stalking) and examined the semantics, etymology, semantic and syntactic valency (combinability) and equivalents.

Key words: *destructive behavior, borrowing, media text, abuse, gas-lighting, neglect, shaming, stalking.*

(Статья поступила в редакцию 22.03.2024)

Л. С. АЛЯЕВА

Волгоград

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ, СОЛИДАРИЗАЦИИ
И ОППОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ ИНТЕРВЬЮ
ДЕЯТЕЛЕЙ ШОУ-БИЗНЕСА**

На материале речевого жанра «интервью» российского массмедийного дискурса характеризуются коммуникативная стратегия самопрезентации и базовые тактики ее реализации – отождествление, солидаризация и оппозиционирование. Дан анализ использования коммуникативной стратегии самопрезентации деятелями современного российского шоу-бизнеса. Материалом выступают мужские интервью, опубликованные в российских СМИ.

Ключевые слова: *речевое общение, интервью, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, интенция, журналист.*

Объект предпринятого исследования – коммуникативное поведение русскоязычных представителей сферы шоу-бизнеса как участников интервью. Предметом изучения в статье выступают коммуникативные стратегии и тактики интервьюируемых мужчин.

Цель статьи – определить основные мужские коммуникативные тактики, реализующие стратегию самопрезентации в речевом жанре «интервью».

Материалом исследования послужили тексты интервью деятелей шоу-бизнеса, опубликованные в русскоязычном медиапространстве за последние 20 лет (105 фрагментов).

В речевом общении человек, как известно, имеет достаточно богатый выбор моделей коммуникативного поведения, в основе которых – определенные речевые средства и приемы, направленные на реализацию интенций общающихся.

Остановимся на наиболее известных дефинициях понятия *коммуникативная стратегия*. Это понятие М. Л. Макаров определяет как «цепь решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств; реализацию набора целей в структуре общения» [8, с. 137–138]. Иными словами, адресант стремится оказать воздействие на собеседника, планируя свои речевые действия, просчитывая их возможный эффект.

Т. А. ван Дейк предлагает понимать коммуникативную стратегию как «некую общую инструкцию для каждой конкретной ситуации интерпретации» [3, с. 10]. Выбор той или иной стратегии, по мнению ученого, детерминирован конкретной интенцией адресанта.

Для О. С. Иссерс коммуникативная стратегия – это «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [5, с. 54]. Любая коммуникативная стратегия воплощается в речевом общении посредством определенных тактик. Коммуникативная тактика, по О. С. Иссерс, – это «одно или несколько действий, способствующих реализации коммуникативной стратегии. Они связаны между собой как “род” и “вид”» (Там же, с. 111).

В. Б. Кашкин считает, что «коммуникативная тактика – более мелкий масштаб рассмотрения коммуникативного процесса, по сравнению с коммуникативной стратегией. Она соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений» [6, с. 136].

Изучение научной литературы показало, что одной из актуальных коммуникативных стратегий является стратегия *самопрезентации* [7, с. 68–80; 11]. Задача этой стратегии – получение говорящим общественного одобрения. Создание положительного впечатления о говорящем стимулирует доверие общества к нему. Благодаря этому говорящий может влиять на мнение данного общества. В речевом общении, по мнению О. И. Быковой, «самопрезентация – это эмоциональная “самоподача” оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [1, с. 50].

Анализ интервью с деятелями шоу-бизнеса свидетельствует об активном использовании стратегии *самопрезентации*. К числу базовых тактик, ее реализующих, относятся тактики *отождествления*, *солидаризации* и *оппозиционирования*.

Тактика *отождествления*

Суть тактики *отождествления*, по мнению О. Н. Паршиной, заключается в «демонстрации символической принадлежности к определенной социальной или статусной группе» [12, с. 26].

Приведем примеры. Тактика *отождествления* реализуется в интервью актера Никиты Ефремова журналисту издания «Woman hit» [4].

В этом фрагменте интервью журналист устанавливает некоторые границы общения и в определенной мере дистанцируется от интервьюируемого посредством обращения к нему на «вы». Вероятно, так журналист пытается выразить уважение и некое благоговение перед актером и его знаменитой семьей. Далее интервьюер задает достаточно комфортный для ответа вопрос, сразу же предлагая два варианта его развития гостю. Благодаря этому читатель может легко заметить позитивное отношение журналиста к актеру, отсутствие у него провокативных намерений:

– Вы пошли после института в «Современник», где у вас была, с одной стороны, огромная ответственность, а с другой, вы все же оказались в зоне комфорта, потому что заведомо была любовь к вам....

Реакция актера Никиты Ефремова следующая: *Бывало, ответственность доставляла дискомфорт, потому что мысли раскручивались, и казалось: меня все сравнивают, я никогда не смогу превзойти; а случалось, думал, что абсолютно независим ни от чего. Сейчас прихожу к чувству благодарности, что родился в такой семье. Я считаю, что род – это самое главное, и благодарен судьбе за такие замечательные подарки. Безусловно, мне очень повезло и с Олегом Николаевичем, и с Михаилом Олеговичем, и с Борисом Александровичем Покровским, и с Аллой Борисовной Покровской, и с Иваном Яковлевым, и вообще со всей моей родословной с обеих сторон. Когда на меня после сериала «Лондонград» впервые обрушилась популярность, эти медные трубы, иногда мне хотелось произвести впечатление на какую-нибудь девушку и сказать: «Да вот я, понимаешь, Ефремов!».*

В начале ответа актера можно заметить, что он противопоставляет себя членам своей семьи. Он считает себя другим, отличным от творческих людей своей семьи, недостаточно талантливым по сравнению с отцом и дедом. Прием противопоставления актер использует для того, чтобы более детально и глубоко ответить на поставленный вопрос и вызвать эмпатию, сопереживание у читателей. Именно для достижения данного эффекта актером задействована тактика *оппозиционирования*, но только в качестве вспомогательной тактики, т.к. главная его цель – акцентирование внимания на родстве со знаменитыми актерами.

После этого он использует основную в этом коммуникативном акте тактику – тактику *отождествления* (в данном случае с талантливой семьей): *Я считаю, что род – это самое главное, и благодарен судьбе за такие замечательные подарки. Безусловно, мне очень повезло и с Олегом Николаевичем, и с Михаилом Олеговичем, и с Борисом Александровичем Покровским, и с Аллой Борисовной Покровской, и с Иваном Яковлевым, и вообще со всей моей родословной с обеих сторон.*

Уважительно перечислив всех своих знаменитых родственников, он причисляет и себя к талантливым артистам, отождествляя себя с ними.

Еще один пример реализации коммуникативной тактики *отождествления* найден нами в интервью известного художника Михаила Шемякина журналисту издания «Elle Russia» [9].

Задавая гостю достаточно провокационный вопрос, журналист обращается к нему на «вы», чтобы показать свое уважение к его возрасту и статусу, не сближается с ним, переходя на «ты», и ждет искреннего и прямого ответа:

– *Вас называют российским и американским художником. Как определяете себя вы? Художником какой страны вы считаете себя сейчас?*

– *Я всегда позиционировал себя как русского художника. Всегда подчеркивал, что принадлежу к русской школе и считаю, что это довольно достойное звание. Что касается моего бытия, то я американский подданный, и, кроме американского паспорта, никакого другого у меня нет.*

Как видим, М. Шемякин, реализуя тактику *отождествления*, с первых слов подчеркивает свою идентичность, называет себя русским, причисляет себя к русской школе, открыто демонстрирует свою принадлежность к русской культуре, несмотря на то, что фактически проживает в США.

Тактика *солидаризации*

Данная тактика направлена на то, чтобы обозначить видимое или реальное сходство взглядов общающихся, подчеркнуть близость их жизненных позиций. О. Н. Быкова замечает: «Эмоционально-экспрессивные формы речи интерпретируются аудиторией как личное отношение говорящего к тем объектам, явлениям, событиям, о которых идет речь, и способствуют разрушению барьеров критического восприятия, созданию атмосферы «общения», т.е. выполняют определенную ориентирующе-регулятивную функцию и повышают суггестивность речевого воздействия. Возникающие при этом явле-

ния эмпатии, эмоционального заражения и сопереживания формируют оценочный фон восприятия речи слушателями» [1, с. 51].

Рассмотрим фрагмент интервью певца Димаша Кудайбергенова, опубликованного на интернет-портале «Тасс» [13].

Журналист спрашивает Д. Кудайбергенова:

– *А если говорить не о казахском, а об иностранном языке, тогда на каком легче всего?*

Суть вопроса заключается в том, чтобы узнать, на каком иностранном языке певцу легче исполнять песни. Ответ певца следующий:

– *Мне кажется, что это английский. Я большой фанат Майкла Джексона, Фредди Меркьюри. Я вырос на их песнях. Потом идут произведения на итальянском языке, потому что я и по сей день являюсь большим фанатом итальянских теноров Лучано Паваротти и Энрико Карузо. А к тому же, очень люблю и русские народные песни.*

В ответе певца использована тактика *солидаризации* объединяющая его с его кумирами.

Отметим, что намерения деятелей шоу-бизнеса солидаризироваться с кем бы то ни было не всегда искренни. Актеры иногда прибегают к использованию этой тактики, когда хотят продемонстрировать свою похожесть на кого-то еще более востребованного и известного, чем они сами. Эту особенность употребления тактики *солидаризации* можно объяснить с точки зрения психологии, т.к. самовлюбленность и нарциссизм в той или иной степени присущи многим деятелям шоу-бизнеса. Именно поэтому им не всегда интересно выражение единения с «простой» публикой. Вот и интервьюируемый Д. Кудайбергенов выражает свою любовь мировым звездам: *Я большой фанат Майкла Джексона, Фредди Меркьюри. Я вырос на их песнях...*, используя при этом эпитет *большой* для усиления экспрессивности текста. Он признается, что эти люди всегда были для него примером и он равнялся на них. Он не причисляет себя к гениям музыкальной индустрии (это было бы примером использования тактики *отождествления*), но мы можем заметить его стремление равняться на них.

Второй пример использования тактики *солидаризации* взят из интервью актера Владислава Тирона, опубликованного в электронном издании «Woman hit» [2]. Журналист в этом интервью на протяжении всего разговора употребляет книжную лексику, обращается к актеру на «вы», что можно расценить как его намерение выразить уважение к гостю и свою потребность самоутвердиться за счет демонстрации применения в беседе лексики высокого регистра. Журналист, видимо, хочет соответствовать уровню образования интервьюируемого:

– *Вы влюблены? Помимо смелости чем Яна покорила?*

Актер Владислав Тирон: *У меня есть классная история, назовем ее так. С Яной, моей ровесницей, я познакомился в кафе, где работал. Она там тоже подрабатывает баристой, притом, что сама занимается танцами. ... Чувствую, что мне с ней повезло. ... Она очень простая, естественная, не склонная к хитрым манипуляциям. Я вижу искренность отношений, без всякого двойного дна. Плюс нас объединяет тема нашего развития в искусстве. Она танцует хип-хоп, все эти баттлы, уличная культура ей близки. Мы помогаем друг другу расти, я так думаю.*

В ответе актер с первых слов демонстрирует то, как они похожи со своей избранницей: *С Яной, моей ровесницей...*; *Она там тоже подрабатывает баристой...*. Актер транслирует тем самым близость их взглядов и убеждений: *Плюс нас объединяет тема нашего развития в искусстве... Мы помогаем друг другу расти, я так думаю.* Интервьюируемый использует тактику *солидаризации* в этом коммуникативном акте. Эту тактику можно расценить и как тактику *солидаризации* не только со своей девушкой, но и с широкой аудиторией своих слушателей, поскольку он говорит о простых вещах (увле-

чение танцами, работа в кофейне), которые могут быть свойственны многим девушкам, читающим это интервью и являющимся его фанатками.

Тактика *оппозиционирования*

Посредством тактики *оппозиционирования* актуализируется принадлежность адресанта к определенному социальному страту, выстраиваются отношения со слушающими в парадигме «свой – чужие». Сущность тактики *оппозиционирования* (*дистанцирования*) – создание атмосферы ментального отдаления, отстраненности говорящего от слушающих и даже в некоторых случаях от объекта высказывания.

Представим ниже пример реализации тактики *оппозиционирования* из интервью стилиста Александра Рогова журналу «Star hit» [10].

Журналист: *А как ты относишься к тенденции «быстрой моды»? Селебрити часто грешат тем, что используют одежду единоразово, а после просто выбрасывают....* Как можно видеть, журналист задает в начале беседы общий вопрос без выражения собственного отношения к теме «быстрой моды». Кажется, что он искренне хочет узнать мнение своего гостя. Журналист старается выстроить доверительные и приятельские отношения с интервьюируемым, обращаясь к нему на «ты»: *А как ты относишься...?* Однако после постановки вопроса он приводит в пример поведение других звезд шоу-бизнеса, называя их «селебрити», что можно расценить как комплимент для А. Рогова, ведь журналист относит его к известным и популярным деятелям шоу-бизнеса. Но попутно журналист осуждает поведение этих людей: *Селебрити часто грешат ...* Используя данную формулировку, он дает понять, что для него самого это неприемлемо и он максимально осуждает «быструю моду», что подчеркивается словом *грешат*, которое несет в себе исключительно негативную коннотацию. Выразив свое отрицательное отношение к этому феномену, он побуждает интервьюируемого поддержать его позицию.

Стилист Александр Рогов отвечает: *Я считаю, что это очень плохая тенденция и ее отмена в руках каждого из нас. Важно понимать, что мы живем в эру перепотребления. Вспоминаю, каким был сам 25 лет назад, когда в моем гардеробе было две рубашки, две пары джинсов и три кофты, и я в этом ходил условно год. Тем не менее каждый день я умудрялся по-разному выглядеть, и каждая вещь, которая висела в моем шкафу, ценилась. А сейчас покупается футболка, через две носки она уже не нужна, превращается в тряпку и отправляется на помойку.*

В ответе гостя мы видим яркое противопоставление себя другим деятелям шоу-бизнеса: *Я считаю, что это очень плохая тенденция.* В данном высказывании можно увидеть выражение твердой личной позиции стилиста. Здесь присутствует осуждение общества в целом за поддержку упомянутой тенденции и опять же противопоставление себя всем остальным. А. Рогов демонстрирует свою компетентность в данной области, она подтверждается благодаря осуждению объекта высказывания, а именно «быстрой моды», что и означает реализацию тактики *оппозиционирования*.

Проведя анализ использования коммуникативной стратегии *самопрезентации* в российских интервью деятелей шоу-бизнеса (мужчин), отметим, что наиболее часто применяемыми являются тактики *солидаризации* (более 30%), *оппозиционирования* (около 30%) и *отождествления* (примерно 20%).

Исходя из полученных статистических данных, можно сделать вывод, что в сфере шоу-бизнеса интервьюируемые нацелены, как правило, на рекламу своего творческого продукта. К тактике *отождествления* интервьюируемые прибегают в том случае, когда им необходимо ассоциировать себя с талантливым человеком, авторитетным в глазах публики, для удачного представления своего нового продукта, который после такого коммуникативного воздействия в понимании слушателей становится более востребованным. Тактику *солидаризации* деятели шоу-бизнеса используют для сближения с аудиторией и «простыми» людьми, что подкупает и положительно настраивает слушаю-

щих по отношению к творчеству говорящего. Иногда эта же тактика может применяться для того, чтобы показать компетентность деятеля шоу-бизнеса в каком-либо вопросе, связанном с его работой, что автоматически предполагает большее доверие к нему как к профессионалу. Тактику *оппозиционирования* деятели шоу-бизнеса используют для противопоставления себя своим коллегам, нередко для восстановления испорченной репутации с целью завоевания симпатии и признания аудитории.

Список литературы

1. Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / Под ред. А. П. Сквородникова. Вып. 1 (9). Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. С. 42–53.
2. Грибова Е. Владислав Тирон о поисках себя, любви к футболу и самом необычном свидании // Woman hit. URL: <https://www.womanhit.ru/stars/interview/2023-03-17-vladislav-tiron-opoiskah-sebja/> (дата обращения: 17.03.2024).
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. / Сост. В. В. Петров. М.: Прогресс, 1989.
4. Зельцер М. Никита Ефремов: «В привычной боли – свое искаженное ощущение безопасности» // Woman hit. URL: <https://www.womanhit.ru/stars/interview/2023-04-07-nikita-efremov-vprivychnoj-bolisvoe-iskazhennoe-oschuschenie-bezopasnosti/> (дата обращения: 17.03.2024).
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
6. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.
7. Красавский Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «интервью» при обсуждении немецкими СМИ военных событий на Украине // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27(3). С. 68–80.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
9. Михаил Шемякин: «Мы, художники, портим вкус народа» // Elle Russia. URL: <https://www.elle.ru/celebrities/interview/mihail-shemyakin-myi-hudojniki-portim-vkus-naroda/> (дата обращения: 10.03.2024).
10. «Моемся каждый день и чтобы изо рта не пахло»: Александр Рогов о новом шоу, Ивлеевой и одежде с рынка // Star hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/moemsa-kazhdyi-den-i-chtoby-izo-rta-ne-pakhlo-aleksandr-rogov-o-novom-shou-ivleevoi-i-odezhde-s-rynka-916532/?ysclid=lwsrzuc6ev143984946> (дата обращения: 12.03.2024).
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004.
12. Паршина О. Н. Приемы реализации стратегии самопрезентации в речи административно-политической элиты // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Вып. 4. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 25–34.
13. Певец Димаш Кудайбергенов: хочу показать, что искусство на эстраде еще существует // Интернет-портал «Тасс». URL: <https://tass.ru/interviews/5820508?ysclid=lwsr3dzags12567042> (дата обращения: 7.04.2024).

* * *

1. Bykova O. N. Opyt klassifikacii priemov rechevogo manipulirovaniya v tekstah SMI // Rechevoe obshchenie: Vestnik Rossijskoj ritoricheskoy associacii / Pod red. A. P. Skvorodnikova. Vyp. 1 (9). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. gos. un-t, 2000. S. 42–53.
2. Gribkova E. Vladislav Tiron o poiskakh sebya, lyubvi k futbolu i samom neobychnom svidanii // Woman hit. URL: <https://www.womanhit.ru/stars/interview/2023-03-17-vladislav-tiron-opoiskah-sebja/> (data obrashcheniya: 17.03.2024).
3. Dejk van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya / Per. s angl. / Sost. V. V. Petrov. M.: Progress, 1989.

4. Zeltser M. Nikita Efremov: «V privychnoy boli – svoye iskazhennoye oshchushcheniye bezopasnosti» // Woman hit. URL: <https://www.womanhit.ru/stars/interview/2023-04-07-nikita-efremov-vprivychnoj-bolisvoe-iskazhennoe-oschuschenie-bezopasnosti/> (data obrashcheniya: 17.03.2024).
5. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 5-e izd. M.: LKI, 2008.
6. Kashkin V. B. Vvedenie v teoriyu kommunikacii: Ucheb. posobie. Voronezh: Izd-vo VGTU, 2000.
7. Krasavskij N. A. Kommunikativnye strategii i taktiki v rechevom zhanre «interv'yu» pri obsuzhdenii nemeckimi SMI voennyh sobytij na Ukraine // Izvestiya Yyzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. T. 27(3). S. 68–80.
8. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2003.
9. Mikhail Shemyakin: «My, khudozhniki, portim vkus naroda» // Elle Russia. URL: <https://www.elle.ru/celebrities/interview/mihail-shemyakin-myi-hudojniki-portim-vkus-naroda/> (data obrashcheniya: 10.03.2024).
10. «Moyemysya kazhdyy den i chtoby izo rta ne pakhlo»: Aleksandr Rogov o novom shou, Ivleyevoy i odezhde s rynka // Star hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/moemysya-kazhdyi-den-i-chtoby-izo-rta-ne-pakhlo-aleksandr-rogov-o-novom-shou-ivleevoi-i-odezhde-s-rynka-916532/?ysclid=lwsrzuc6ev143984946> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
11. Olyanich A. V. Presentacionnaya teoriya diskursa: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2004.
12. Parshina O. N. Priemy realizacii strategii samoprezentacii v rechi administrativno-politicheskoy elity // Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M. A. Kormilicynoj, O. B. Sirotininoj. Vyp. 4. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2004. S. 25–34.
13. Pevets Dimash Kudaybergenov: khochu pokazat, chto iskusstvo na estrade eshche sushchestvuyet // Internet-portal «Tass». URL: <https://tass.ru/interviews/5820508?ysclid=lwsr3dzags12567042> (data obrashcheniya: 7.04.2024).

Communicative tactics of identification, self-identification and opposition in the Russian interview of figures of show business

At the material of the speech genre «interview» of the Russian mass media discourse the communicative strategy of self-presentation and the basic tactics of its realization – identification, self-identification and opposition are characterized. The article deals with the analysis of using the communicative strategy of self-presentation by the figures of modern Russian show business. The study is based on the man interview, published in the Russian mass media.

Key words: *verbal communication, interview, communicative strategy, communicative tactics, intention, journalist.*

(Статья поступила в редакцию 25.04.2024)

А. А. АВИЛОВА
Волгоград

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО БЛОГЕРА И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

Определена роль интернет-коммуникации в современном обществе. Дан анализ понятиям «блог», «блогер», «языковая личность», «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика». Описаны тактика контроля над темой и ее пониманием реципиентом и тактика самопрезентации. Выявлена корреляция данных тактик с лексическими особенностями текстов англоязычного блогера.

Ключевые слова: блог, блогер, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, термин, фразеологизм, сленг.

На протяжении многих лет изучение коммуникативного поведения человека как сложно структурированного феномена находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных лингвистов [1, с. 32–36; 2; 3, с. 13–16; 6; 7, с. 68–80; 9]. При этом в настоящее время внимание многих исследователей направлено на изучение интернет-коммуникации как глобального способа общения социума, который содержит разнообразные каналы и способы связи. Одним из самых распространенных каналов связи на сегодняшний день, по утверждению А. В. Кульминской, является блог, представляющий собой особый жанр интернет-коммуникации, а именно веб-сайт с датированными записями текстового и мультимедийного характера и возможностью их комментирования [8, с. 11].

Обзор интернет-блогов разного вида позволяет сделать вывод, что личные блоги (или блоги-дневники) являются наиболее распространенными (70,4%) по сравнению с другими типами блогов, что обусловливается самой спецификой жанра блога [10]. В качестве эмпирической базы нашего исследования был выбран блог-портал «LiveJournal», а именно личные блоги дневникового типа, состоящие из 650 контекстов (245 постов и 405 комментариев) авторов из Канады, США и Великобритании.

Характеризуя блогера как пользователя Интернета, ведущего блог и повествующего о значимых для него или для общества в целом событиях [14, с. 3], его можно рассмотреть и как языковую личность. Опираясь на авторитетное мнение Ю. Н. Караулова, мы определяем языковую личность как «многокомпонентный и многослойный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [5, с. 32]. Наше исследование, в свою очередь, основывается на речевых поступках англоязычных блогеров, которые, как правило, оказываются вне поля зрения отечественных лингвистов.

В процессе того или иного общения любая коммуникативная личность использует определенные стратегии и тактики, выбор которых зависит от коммуникативной интенции языковой личности и от коммуникативной ситуации в целом. Данный комплексный коммуникативный подход направлен на успешную реализацию коммуникации и достижение коммуникативной цели. Основываясь на данном положении, мы ставим в статье следующую задачу – выявить специфику коммуникативных тактик англоязычного блогера и установить способы их выражения и прогнозируемый перлокутивный эффект.

Рассматривая понятие коммуникативной стратегии, мы, вслед за О. С. Иссерс, понимаем данный феномен как «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и реализацию этого плана» [4, с. 54]. Коммуни-

кативная тактика, в свою очередь, представляет собой совокупность речевых действий, воспроизводимых в определенной последовательности и обеспечивающих реализацию коммуникативной стратегии по заданным правилам [2, с. 69]. Из данных положений следует, что коммуникативные тактики являются конкретными шагами в коммуникативной стратегии, направленными на реализацию коммуникативного замысла.

Важно упомянуть, что существует большое количество тактик, которые варьируются в зависимости от ситуации общения и поставленной задачи говорящего [4; 6; 7, с. 68–80]. При этом становится практически невозможным назвать универсальные речевые тактики, поскольку выбор тактики зависит от многих факторов, например, от собеседника, его статуса и его готовности воспринимать и реагировать на ситуацию, от цели адресанта и выбранных им языковых средств и др.

Изучение материала на блог-портале «LiveJournal» позволило нам установить ряд наиболее часто используемых коммуникативных тактик. Нами были выделены следующие тактики англоязычного блогера: тактика ведения диалога и контроля над темой и ее пониманием реципиентом, а также тактика самопрезентации.

Важно упомянуть, что та или иная тактика выражена определенными языковыми единицами, которые используются автором для успешного достижения коммуникативного замысла.

Ведущей речевой тактикой англоязычного блогера является тактика ведения диалога и контроля над темой и ее пониманием реципиентом. Результатом осуществления данной тактики является сообщение чего-то нового для адресата. При этом адресант хорошо ориентируется в данной теме, выступает экспертом в приводимых объективных данных. Авторы, которые ведут свой блог на определенную тему, являются частыми «пользователями» описанной нами тактики, как правило, нередко прибегая к употреблению такого пласта лексики, как термины. Например, блогер *jamesalexmichie* [15] использует термины *consensus*, *price*, *bank*, *inflation*, *economic models*, чтобы выразить свою осведомленность в вопросе экономического состояния в мире и глобальной инфляции, а также подтвердить данные факты.

Подстраиваясь под современные реалии, авторы блогов выбирают в качестве ведущей темы своих текстов актуальную и волнующую общество проблему. Так, в период распространения коронавирусной инфекции появились блоги на эту тему. В качестве примера можно привести термины *vaccination*, *Inactivated vaccine*, *BioNTech*, *Replication-defective adenovirus vector vaccine*, используемые блогером *notte0* [19] для того, чтобы продемонстрировать свою компетентность в вопросе вакцинации от ковид-19, рассказать читателям о нескольких возможных прививках.

Следует отметить, что для выражения тактики контроля над темой и ее пониманием реципиентом англоязычный блогер применяет не только термины, но и варваризмы. Так, заимствованные из другого языка, но не ассимилированные лексические единицы используются авторами постов для более точного наименования, отсутствующего в родном языке. Например, блогер *xriddlemethisx* [22] использует варваризм *haute couture*, заимствованный из французского языка, для уточнения понятия высокой и почитаемой моды, относящейся к элитарной культуре. В другом примере автор *curiouswombat* [12] применяет устойчивое французское словосочетание *tete-a-tete*, чтобы передать читателю образ нарциссов в парке и их состояние. Таким образом, варваризмы позволяют блогеру не только выразить свою детальную осведомленность в чем-либо, но и украсить собственную речь, придать ей большей поэтичности.

Рассматривая лексические единицы, используемые англоязычным блогером, мы выявили, что в качестве контроля над темой и ее пониманием реципиентом авторы часто прибегают к использованию жаргонизмов как возможности идентифицировать себя с определенной группой людей, объединенной по конкретному признаку. Так, блогер *Mary Anderson* [17] для придания большей экспрессивности и образности профессии ге-

олога употребляет жаргонизм *rock hounds*. Использование данного слова при рассказе о своих последних находках подчеркивает, что геолог – это ее давняя профессия, в которой у нее большой опыт (*confirmed rock hounds*), а значит, можно судить о достоверности слов блогера.

Употребление жаргонной лексики обусловливается желанием блогера не только продемонстрировать уровень своей осведомленности в чем-либо, но и подчеркнуть тесную связь со своим читателем, который, очевидно, будет принадлежать примерно к той же социальной или возрастной категории, что и автор поста. Так, блогер *naamahtumblr* [18], повествуя о составлении чертежей, указывает на важную роль преподавателя, используя при этом жаргонизм *Prof* (от *Professor*), что дает нам возможность контекстуально рассмотреть студенческий жаргон, являющийся одним из самых популярных разновидностей жаргона. Студентами нередко используется данное слово и во множественном числе (*Profs*).

Профессионализмы, выступающие своеобразным маркером подлинности слов автора, тоже можно отнести к инструменту блогера при контроле над темой. В своем посте автор *haventusedmuscup* [13], описывая главную героиню нового сериала, использует профессионализм *K-9*, который обозначает команду собак на службе полиции США, где работает главная героиня. Стоит отметить, что профессионализмы, являясь лексическим пластом, используемым узким кругом людей одной и той же профессии, становятся понятными и простому читателю блога, так как их номинация ясна из контекста самого поста и прокомментирована блогером.

Обращаясь к другому примеру, мы видим, что блогер *labscion* [16] использует профессиональное слово *lab* (*laboratory*). Это позволяет нам сделать вывод, что автор блога работает в сфере медицины, поскольку оперирует как медицинскими терминами, что прослеживается на протяжении всего текста поста, так и профессиональной лексикой.

Описанные выше примеры позволяют проследить условия осуществления тактики контроля над темой блогера и ее пониманием. При этом в качестве перлокутивного эффекта авторы блога ожидают убежденности читателя в достоверности их слов, в объективности данных и их подтверждения.

Рассмотрим еще одну ведущую коммуникативную тактику англоязычного блогера.

Тактика самопрезентации (или контактоустанавливающая тактика), исходя из наших наблюдений, носит, как правило, кратковременный характер, поскольку используется для создания образа блогера, привлекающего читателя. Реализация данной тактики осуществляется путем применения не только вербальных, но и невербальных средств, которые позволяют привлечь внимание собеседника, настроить на коммуникацию.

Анализ материала показал, что для установления контакта с читателями блогер нередко прибегает к употреблению сленговых слов и выражений, что позволяет ему сократить дистанцию в общении с читателем, звучать просто и понятно для реципиента. Так, например, автор *turps33* [21], рассказывая о написанной им истории, использует сленговое слово *kudos*, тем самым выражая похвалу самому себе. Данное слово, пришедшее из греческого языка и обозначающее *славу/известность*, употребляется носителями англоязычной культуры для обозначения уважения (респекта) кому-либо, что позволяет сделать речь говорящего эмоционально окрашенной и простой для понимания.

Используемый блогером сленг обладает также и экспрессивной функцией, что позволяет автору быстро, емко, но лаконично привлечь внимание читателя. Для осуществления данной цели возможно применение сленговых акронимов, значение которых понятно каждому интернет-пользователю. Примерами используемых в блоге акронимов могут служить следующие единицы: *LOL* – *laughing out loud*; *TBH* – *to be honest*; *BTW* – *by the way*; *ASAP* – *as soon as possible*; *FYI* – *for your information*.

Рассматривая сленг, стоит отметить тенденцию частого использования данного пласта лексики не только в тексте постов, но и в комментариях к ним, что объясняется желанием читателя оставить быструю реакцию на прочитанное сообщение, используя при этом простой язык, понятный для большой аудитории.

В ходе анализа материала было отмечено частотное использование фразеологических единиц, которые наряду со сленговыми выражениями применяются англоязычным блогером для установления контакта с читателями. Такие единицы задают настрой общению внутри блога, выполняя экспрессивную функцию. При помощи фразеологизмов авторы стараются придать больше образности и эмоциональности своим словам, подчеркнуть происходящее не сухими фактами. Так, например, блогер *susandennis* [20] использует устойчивое словосочетание *fly in the ointment*, подчеркивая, что доставка с «Амазона» была идеальной за исключением одного момента – автор забыл заказать соленые огурцы, поэтому курьер их не доставил. Так этот случай и стал «ложкой дегтя в бочке меда» для блогера.

Обращаясь к другому примеру, можно увидеть, что блогер *amw* [11], прибегает к использованию фразеологического сочетания *burst into tears*, чтобы подчеркнуть силу своих положительных эмоций, которые вызвало пребывание в любимом месте на природе. Читатель способен испытать то, что чувствовал автор, благодаря описанию с эмоционально-оценочным фразеологизмом.

Из данных примеров следует, что контактоустанавливающая тактика (тактика самопрезентации) позволяет блогеру познакомиться с читателем, при этом выстроить эмоционально комфортную границу общения, рассказать о себе в целом. Можно сказать, что в качестве перлокутивного эффекта ожидается воздействие на аудиторию, формирование доверительного отношения читателей к себе.

Таким образом, характеризуя тактики, мы выявили соотнесенность каждой из них с лексическими особенностями текстов англоязычного блогера и определили их предполагаемое воздействие на читателя.

Несмотря на использование англоязычным блогером большого количества тактик, нами были выявлены две преобладающие по количеству использования тактики блогера: тактика контроля над темой и ее пониманием реципиентом, а также тактика самопрезентации. Их активное применение объясняется желанием блогера самым простым и доступным способом осуществить воздействие на читателя в блоге, но не быть при этом голословным.

Интернет-коммуникация, являясь важным звеном в коммуникативно-информационном пространстве социума, представляет собой перспективный объект для исследования. Поэтому посты англоязычного блогера и применяемые в них коммуникативные стратегии и тактики могут быть рассмотрены далее в сравнении и сопоставлении с постами немецкоязычного блогера.

Список литературы

1. Авилова А. А., Красавский Н. А. О социолекте блогеров (на материале английских сетевых дневников) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (01). С. 32–36.
2. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: дис. ... канд. филол. наук. Орёл: Орловский гос. ун-т, 2004.
3. Джамбинова Н. С. Аксиогенная ситуация как ценностная база этического поведения (на примере жанра притчи) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2 (02). С. 13–16.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

6. Коноваленко И. В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении мужчин и женщин: дис. ... канд. филол. наук. Омск: Омский гос. университет, 2003.
7. Красавский Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «интервью» при обсуждении немецкими СМИ военных событий на Украине // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. № 3. Т. 27. С. 68–80.
8. Кульминская А. В. Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013.
9. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2015.
10. Что такое блог? Какие бывают блоги? // Afirewall.ru. URL.: <https://afirewall.ru/blog-kakie-byvayut-vidy-blogov-v-seti-internet> (дата обращения: 20.01.2024).
11. Amw «i made it outside!» // LiveJournal. amw blog. URL: <https://amw.livejournal.com/378872.html> (дата обращения: 16.03.2024).
12. Curiouswombat «A walk in the park...» // LiveJournal. curiouswombat blog. URL: <https://curiouswombat.livejournal.com/676029.html> (дата обращения: 15.03.2024).
13. Haventusedmycup «UnID'd teal chunky cardigan – Diesel??» // LiveJournal. haventusedmycup blog. URL: <https://sjsclotet.livejournal.com/8134.html> (дата обращения: 15.03.2024).
14. Herring S. C., Scheidt L. A., Kouper I., Wright E. A Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003–2004 // Blogging, Citizenship and the Future of Media. 2007. P. 3–20.
15. Jamesalexmichie «Will Inflation Make a Comeback?» // LiveJournal. jamesalexmichie blog. URL: <https://jamesalexmichie.livejournal.com/371299.html> (дата обращения: 15.03.2024).
16. Labscion «How To Manage Lab Information Management System Effectively?» // LiveJournal. labscion blog. URL: <https://labscion.livejournal.com/825.html> (дата обращения: 15.03.2024).
17. Mary Anderson «All the Treasures Have Been Found! Or Have They?» // LiveJournal. Mary Anderson blog. URL: <https://ext-5530001.livejournal.com/51013.htm> (дата обращения: 15.03.2024).
18. Naamahtumblr «My Response to Prof. Richardson» // LiveJournal. naamahtumblr blog. URL: <https://naamahtumblr.livejournal.com/11218803.html> (дата обращения: 15.03.2024).
19. Notte0 «So, the vaccine...» // LiveJournal. notte0 blog. URL: <https://notte0.livejournal.com/749542.html> (дата обращения: 15.03.2024).
20. Susandennis «Whew» // LiveJournal. susandennis blog. URL: <https://susandennis.livejournal.com/6075303.html> (дата обращения: 16.03.2024).
21. Turps33 «The new series of Taskmaster» // LiveJournal. turps33 blog. URL: <https://turps33.livejournal.com/1509105.html> (дата обращения: 16.03.2024).
22. Xriddlemethisx «Murder by words??» // LiveJournal. xriddlemethisx blog. URL: <https://xriddlemethisx.livejournal.com/1207487.html> (дата обращения: 15.03.2024).

* * *

1. Avilova A. A., Krasavskij N. A. O sociolekte блогеров (na materiale anglijskich setevyh dnevnikov) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1 (01). S. 32–36.
2. Gulakova I. I. Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoj situacii obshcheniya: dis. ... kand. filol. nauk. Oryol: Orlovskij gos. un-t, 2004.
3. Dzhambinova N. S. Aksiogennaya situaciya kak cennostnaya baza eticheskogo povedeniya (na primere zhanra pritchi) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2 (02). S. 13–16.
4. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. 5-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2008.
5. Karaulov Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. 7-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2010.
6. Konovalenko I. V. Rol' gendernogo faktora v kommunikativnom povedenii muzhchin i zhenschin: dis. ... kand. filol. nauk. Omsk: Omskij gos. universitet, 2003.
7. Krasavskij N. A. Kommunikativnye strategii i taktiki v rechevom zhanre «interv'yu» pri obsuzhdenii nemeckimi SMI voennyh sobytij na Ukraine // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 3. Т. 27. S. 68–80.
8. Kul'minskaya A. V. Social'naya obshchnost' блогеров: stanovlenie i razvitie v rossijskom obshchestve: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Ekaterinburg: Ural'skij gos. ped. un-t, 2013.
9. Sternin I. A. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya. Voronezh: Garant, 2015.

*The communicative tactics of the English-language blogger
and the ways of their expression*

The role of Internet communication in modern society is defined. The analysis of the concepts «blog», «blogger», «linguistic identity», «communicative strategy» and «communicative tactics» is given. The author describes the tactics of the control of the theme and its comprehension by the recipient and the tactics of self-presentation. There is revealed the correlation of these tactics with the lexical peculiarities of the texts of the English-language blogger.

Key words: *blog, blogger, communicative strategy, communicative tactics, term, phraseological unit, slang.*

(Статья поступила в редакцию 23.03.2024)

М. А. ПОПОВА

Волгоград

ПАРЕМИИ-ТРАНСФОРМЫ В МЕДИАТЕКСТЕ

Анализируются трансформированные паремии (паремии-трансформы), используемые в медиатекстах на русском и испанском языках, размещенных на новостных интернет-сайтах. Делается вывод об активном использовании трансформированных паремий в таких медиатекстах, определяются функции, которые выполняют паремии-трансформы: аттрактивная и экспрессивно-оценочная.

Ключевые слова: *медиатекст, паремия, трансформированная паремия (паремия-трансформ), аттрактивная функция, экспрессивно-оценочная функция.*

Медиатексты, размещаемые в сети Интернет, являются интересным материалом для исследователей языка СМИ, т.к. в них, как правило, отражаются новые тенденции в функционировании медиадискурса, а также очень заметны изменения, происходящие на всех уровнях русского и испанского языков.

Цель настоящей статьи – анализ функций трансформированных паремий (паремий-трансформов), используемых в медиатекстах на русском и испанском языках, размещенных на новостных интернет-сайтах.

Материалом исследования послужили 50 контекстов с использованием паремий-трансформов (25 на русском языке и 25 на испанском языке), размещенных на новостных интернет-сайтах в 2023 году.

Медиатекст – это «актуализированное в определённом медиаформате и объединённое общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [5, с. 28].

«Паремиологический фонд русского языка – это совокупность различных по времени происхождения и различных по степени востребованности в современной речевой практике народных изречений, различающихся структурными и семантическими особенностями и объединённых рядом специфических признаков, прежде всего таких, как естественность происхождения и устойчивость в воспроизведении в речи в тот или иной исторический период. Кроме того, паремиологический фонд русского языка является областью отражения, хранения и трансляции культурных ценностей народа» [1, с. 244].

Российские ученые определяют паремию как «родовое наименование для обозначения различных классов народных афоризмов, прежде всего пословиц, поговорок, загадок и примет, а также присловий, прибауток и под.» [2, с. 267].

В испаноязычной научной школе к паремиям относят «фразеологические единицы, представляющие собой краткое изречение поучительного характера, которое может обладать простой или комплексной синтаксической структурой, бытующее в речи того или иного народа и являющееся частью его социально-культурной жизни» [7, с. 29]. Испанские лингвисты к паремиям относят *refrán*, *proverbio*, *dicho*, *apoteigma*, *sentencia* и не всегда разграничивают эти понятия. Словарь Королевской Академии испанского языка определяет понятие «*refrán*» (пословица) как общеупотребительное остроумное меткое высказывание и в качестве синонимов приводит следующие понятия *proverbio*, *sentencia*, *dicho*. В то же время «*proverbio*» (поговорка) определяется посредством термина «*refrán*» [18]. В испанском языке выделяют такие черты паремий, как «краткость, поучительность, устойчивость формы, распространенность, собственные лингвистические признаки» [23, с. 15].

В медиатекстах, размещенных на новостных интернет-сайтах, выявлены как традиционные, так и трансформированные паремии.

В науке трансформированные паремии исследуются довольно давно, но только в XX веке появился термин, называющий данное явление. В. Мидер ввел термин «*antisprichwörter*», под которым он понимает «любое преднамеренное изменение пословицы и который объединяет языковые единицы, содержащие новую мудрость, основанную на традиционных пословичных структурах» [цит. по: 4, с. 22].

Использование паремий-трансформов в медиатекстах, размещенных на новостных интернет-сайтах, является подтверждением одного из фундаментальных свойств языка как функциональной системы – вариативности языковых единиц. Однако некоторые испанские лингвисты считают, что в данном явлении «отчетливо проявляется беспрецедентное искажение испанского языка, которое еще несколько лет назад трудно даже было себе представить» [24, с. 23] (Перевод наш. – М.П.).

Традиционные паремии, используемые в медиатекстах, размещенных на новостных интернет-сайтах, трансформируются в зависимости от замысла и целевой установки адресанта. При этом изменяется их семантика, усиливается образность, оценочность и экспрессивность.

Анализ нашего материала показал, что паремии-трансформы, выявленные в медиатекстах, размещенных на новостных интернет-сайтах, выполняют аттрактивную и экспрессивно-оценочную функции.

Аттрактивная функция паремий-трансформов (10 контекстов на русском языке и 15 на испанском языке) состоит в привлечении внимания адресата, что происходит за счет изменения лексического наполнения пословицы или поговорки и возникновения у них нового переносного значения.

Ср.: 1. *Здесь можно «выловить» рыбку, кальмара или креветку из «пруда» искусства* [3].

2. *Дрова, как и сани, лучшие готовить летом* [12].

3. *Затраты не бог весть какие, но это именно тот случай, когда дорог не сам обед, а «ложка внимания» к нему* [13].

4. *A mal tiempo, buena cabellera: Antonio David se hace un injerto capilar. (Al mal tiempo buena cara)* [15].

5. *No obstante, cada paciente es un mundo y lo que funciona en unos individuos no lo hace en otros, así que, una vez más, vuelve a ser fundamental el autoconocimiento personal. (Cada cabeza es un mudo)* [17].

Экспрессивно-оценочная функция (15 контекстов на русском языке и 10 контекстов на испанском языке) заключается в использовании паремий-трансформов для придания медиатексту экспрессии и оценочности. Оценка традиционно используется в качестве «одного из основных средств убеждения» в текстах, принадлежащих к различным дискурсам [8, с. 229]. Актуально свойство оценочности и для медиатекстов.

Паремий-трансформы, выполняющие данную функцию, наиболее часто встречаются в заголовках, названиях рубрик и разделов статей, что позволяет заранее предъявить адресату позицию адресанта.

Ср.: 1. *Где родился, там и адаптировался* [6].

2. *Однако, как вспоминал сам Березняк, «первый педагогический блин» стал для него «горьким комом»* [10].

3. *Audi e-tron Sportback 55 Quattro: el hábito hace al monje. (El hábito no hace al monje)* [14].

4. *Primavera tras primavera, cuando llega ese momento del destape y se acerca la puesta del bikini, nos acordamos de Santa Bárbara, como cuando truena, y, en el caso de que no nos sintamos a gusto con ella, intentamos ponerle remedio a la piel de naranja. (Acordarse de Santa Bárbara cuando truena)* [19].

5. *Mejor prevenir que curar. (Más vale prevenir que curar)* [21].

Оценочность и экспрессивность усиливают манипулятивный потенциал медиатекстов.

Ср.: 1. *Когда у зимы снега не допросишься* [6].

2. *Синица в руках: почему Китай не стал копировать советский «Квадрат»* [11].

3. *Ni paraíso sin serpiente ni cielo sin nubes. (No hay paraíso sin serpiente ni cielo sin nubes)* [20].

4. *Ojos que no ven (Ojos que no ven, corazón que no siente)* [22].

5. *No tires hoy, lo que puedes cocinar mañana. (No dejes para mañana lo que puedas hacer hoy)* [16].

Анализ аттрактивной и экспрессивно-оценочной функций паремий-трансформов, выявленных в медиатекстах, показал, что их использование усиливает воздействующий потенциал медиатекста. «*Аттрактивность, экспрессивность, оценочность <...> делают паремии, являющиеся лингвистическими единицами, еще и средствами воздействия на адресата, – т.е. риторическими средствами*» [9, с. 453].

Таким образом, анализ материала подтверждает выводы наших предыдущих исследований, в соответствии с которыми использование паремий-трансформов в медиатекстах, размещенных на новостных интернет-сайтах, придает данным текстам особую яркость и выразительность и свидетельствует о постоянном движении и развитии языка (см. подробнее: [9, с. 451–454]).

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2009.
2. Бредис М. А., Димогло М. С., Ломакина О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265–284.
3. Васильева Ж. На выставке в Еврейском музее науку объединили с шедеврами искусства // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/04/05/na-vystavke-v-evrejskom-muzee-nauku-obedinili-s-shedevrami-iskusstva.html> (дата обращения: 23.01.2024).
4. Васильева К. Н. Паремии-трансформы в интернет-коммуникации: структура, семантика, тематические группы: дис. ... канд. филол. наук: Моск. город. пед. ун-т. М., 2022.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Интеллектуальная издательская система Ridero, 2020.
6. Добрюха А. Для долголетия нам нужны прохладный климат и бурый жир // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27508.5/4769094/> (дата обращения: 23.01.2024).
7. Меньшакова Н. Н. Проблемы таксономии в паремиологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 2. С. 26–37.
8. Пригарина Н. К. Оценки как средство манипуляции в юридическом дискурсе. Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 229–235.
9. Пригарина Н. К., Попова М. А. Паремии в современных медиатекстах: лингвориторический аспект // Современное педагогическое образование. 2023. № 11. С. 451–454.
10. Разведка // Лента. ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/09/04/razvedka/> (дата обращения: 25.01.2024).
11. Синица в руках. Почему Китай не стал копировать советский «Квадрат» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/09/03/sinica-v-rukah-pochemu-kitaj-ne-stal-kopirovat-sovetskij-kvadrat.html> (дата обращения: 10.01.2024).
12. Снегирева М. 230 рублей за машину дров: узнали, как сельчане и дачники могут сэкономить на покупке топлива в Беларуси // Комсомольская правда. URL: <https://www.belarus.kp.ru/daily/27405/4602151/> (дата обращения: 23.01.2024).
13. Фурсова И. Помочь тем, кому труднее других // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/05/01/pomoch-tem-komu-trudnee-drugih.html> (дата обращения: 23.01.2024).
14. Album/motor // El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es/album/motor/2020/05/04/5eafcab221efa0a36a8b45bf.html> (дата обращения: 31.01.2024).
15. Antonio-david-se-hace-un-injerto capilarracha // El Confidencial. URL: https://www.vanitatis.elconfidencial.com/famosos/2019-01-30/antonio-david-se-hace-un-injerto-capilar-racha_1792846/ (дата обращения: 28.01.2024).
16. Comida-aprovechamiento-cocina-posguerra-sostenibilidad-crisis-climatica-brl // La Vanguardia. URL: <https://www.lavanguardia.com/vida/2023/10/05/9243195/comida-aprovechamiento-cocina-posguerra-sostenibilidad-crisis-climatica-brl.html> (дата обращения: 23.01.2024).
17. Deportes-fitness // El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es/ofertas-regalos/deportes-fitness/2021/03/09/603fe303fc6c83be288b4655.html> (дата обращения: 24.01.2024).
18. Diccionario de la lengua española de Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 25.02.2024).
19. Yodona/belleza // El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es/yodona/belleza/2023/04/19/643e66bdfdddf534c8b45b0.html> (дата обращения: 15.01.2024).
20. Ni-paraiso-sin-serpiente-ni-cielo-sin-nubes // El País. URL: <https://elpais.com/opinion/2021-09-30/ni-paraiso-sin-serpiente-ni-cielo-sin-nubes.html> (дата обращения: 15.01.2024).
21. Ofertas-regalos // El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es/ofertas-regalos/2020/10/13/5f831c4bfdddf905e8b45d2.html> (дата обращения: 10.01.2024).
22. Ojos-que-no-ven.html?rel=buscador_noticias // El País. URL: https://elpais.com/opinion/2023-09-28/ojos-que-no-ven.html?rel=buscador_noticias (дата обращения: 10.01.2024).
23. Sevilla J. Las paremias españolas: clasificación, definición y correspondencia francesa // Paremia. 1993. No. 2. P. 15–20.
24. Vilches Vivancos F. El lenguaje en los medios de comunicación. Madrid, 2017.

1. Alefirenko N. F. Frazzeologiya i paremiologiya: Ucheb. posobie. M.: Flinta; Nauka, 2009.
2. Bredis M. A., Dimoglo M. S., Lomakina O. V. Pareмии v sovremennoj lingvistike: podhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchij i lingvokul'turologicheskij potencial // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2020. T. 11. № 2. S. 265–284.
3. Vasilyeva Zh. Na vystavke v Evreyskom muzeye nauku obyedinili s shedevrami iskusstva // Rossiyskaya gazeta. URL: <https://rg.ru/2023/04/05/na-vystavke-v-evrejskom-muzee-nauku-obedinili-s-shedevrami-iskusstva.html> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
4. Vasil'eva K. N. Pareмии-transformy v internet-kommunikacii: struktura, semantika, tematicheskie gruppy: dis. ... kand. filol. nauk: Mosk. gorod. ped. un-t. M., 2022.
5. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya. Intellektual'naya izdatel'skaya sistema Ridero, 2020.
6. Dobryukha A. Dlya dolgoletiya nam nuzhny prokhladnyy klimat i buryy zhir // Komsomolskaya pravda. URL: <https://www.kp.ru/daily/27508.5/4769094/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
7. Men'shakova N. N. Problemy taksonomii v paremiologii // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki. 2020. T. 6. № 2. С. 26–37.
8. Prigarina N. K. Ocenki kak sredstvo manipul'yacii v yuridicheskom diskurse. Yurilingvistika. 2007. № 8. S. 229–235.
9. Prigarina N. K., Popova M. A. Pareмии v sovremennykh mediatekstah: lingvoritoricheskij aspect // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2023. № 11. S. 451–454.
10. Razvedka // Lenta. ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/09/04/razvedka/> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
11. Sinitsa v rukakh. Pochemu Kitay ne stal kopirovat sovetskiy «Kvadrat» // Rossiyskaya gazeta. URL: <https://rg.ru/2020/09/03/sinica-v-rukah-pochemu-kitaj-ne-stal-kopirovat-sovetskij-kvadrat.html> (data obrashcheniya: 10.01.2024).
12. Snegireva M. 230 rubley za mashinu drov: uznali, kak selchane i dachniki mogut sekonomit na pokupke topliva v Belarusi // Komsomolskaya pravda. URL: <https://www.belarus.kp.ru/daily/27405/4602151/> (data obrashcheniya: 23.01.2024).
13. Fursova I. Pomoch tem, komu trudneye drugikh // Rossiyskaya gazeta. URL: <https://rg.ru/2020/05/01/pomoch-tem-komu-trudnee-drugih.html> (data obrashcheniya: 23.01.2024).

Paroemia-transforms in media text

The transformed paroemias (paroemia-transforms), used in the media texts at the Russian and Spanish languages, that are posted at the news web-site, are transformed. There is concluded about the active usage of the transformed paroemia in such media texts, there are defined the functions that the paroemia transforms fulfill: attractive and expressive-evaluative.

Key words: *mediatext, paroemia, transformed paroemia (paroemia-transform), attractive function, expressive and evaluative function.*

(Статья поступила в редакцию 23.03.2024)

КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ НАРРАТИВНЫХ ПЕСНЯХ

Анализируются тексты современных китайских нарративных песен для очерчивания круга космологических знаний, имплицитно заключенных в них. Выделено три основных темы пресуппозиций, на которых основываются сюжеты песен: цикличность событий, понятие о пути и течение времени, подобное воде. Полученные выводы позволяют обратить внимание на указанные аспекты китайской философии при обучении китайскому языку и в ситуациях международного взаимодействия России и Китая.

Ключевые слова: космология, Китай, нарративная песня, пресуппозиция, путь, время, цикличность событий.

Современная китайская культура богата древними традициями, ритуалами и правилами, которые продолжают оказывать значительное влияние на поведение, восприятие мира и образ мышления китайцев в наши дни. Традиционная китайская культура, ее материальные и нематериальные компоненты, такие как предметы быта, атрибуты власти, правила поведения и соблюдения иерархии, предполагают большой плат имплицитных данных, которые должны пониматься участниками коммуникации во время того или иного внутрикультурного взаимодействия.

Высокая степень имплицитности позволяет говорить о китайской культуре как о высококонтекстной [3, с. 50]. Это заставляет нас обратить пристальное внимание на такую проблему, как многообразие и многослойность пресуппозиций, необходимых для конструктивной и эффективной коммуникации в китайском обществе. Перенимая древний опыт надстраивания дополнительных смыслов над актуализированной коммуникацией, современный китайский стиль общения и решения бытовых и рабочих вопросов предполагает включение в имплицитной форме разнообразных антецедентных факторов, аллюзии к значимым событиям, большую степень использования интертекстуальных связей и свободное оперирование широким набором фоновых знаний всеми участниками коммуникации.

Цель настоящей статьи – выявление и типологизация пресуппозиций космологического характера, которые с наибольшей частотностью проявляются в современных китайских песнях.

Рассмотрение древних космологических представлений китайцев в качестве источников имплицитных смыслов в таком популярном для китайской культуры виде искусства, как песни, позволит установить наиболее интенсивно привлекаемые в музыкальное творчество традиционные темы и идеи, созвучные современному мировосприятию китайцев, а также сделать выводы о степени преемственности культурных традиций в китайских песнях наших дней.

Песенное творчество как неотъемлемая часть китайской лингвокультурной традиции выступает одним из ее компонентов, наиболее ярко репрезентирующих переживания, мысли и чаяния народа. Китай – многонациональная страна. Многообразие ландшафта Китая и духовных основ населяющих его народов формируют неповторимый набор самобытных певческих практик, характерных для жителей этой страны. Их обширный пласт создает уникальный образ Китая разных эпох, выраженный в песнях. При

этом песни разных периодов отображают и традиционное китайское мировоззрение, и современные идеи, проблемы, взгляды. Вместе с тем присущая китайской культуре имплицитность требует наличия различных фоновых знаний как у создателей песен, так и у их слушателей.

Фоновые знания в нарративной песне мы определяем как «знания о культуре и реалиях народа, которыми обладают исполнитель и слушатель песни и которые способствуют лучшему её пониманию» [6, с. 152].

Авторы текста и музыки, которые не будут имплицитно обращаться к важным для жителей Китая фактам, событиям, ценностям и убеждениям, не получают достаточно широкий отклик китайской аудитории. Не искушенный в реалиях современного Китая и его прошлого слушатель хотя и сможет насладиться внешней красотой музыкального произведения и отдельными эксплицитно выраженными в нем смыслами, но не воспримет основной массы потенциально передаваемых через эту песню эстетических, прагматических и экстралингвистических данных. Для адекватного понимания китайской песни, считывания вложенных и транслируемых имплицитно культурных и прагматических пресуппозиций необходимо глубоко погружаться в быт современного Китая, знать его историю, традиции, картину мира.

Таким образом, изучение и типологизация пресуппозиций китайских песен позволит установить пласт необходимых знаний о Китае и его культуре и поможет в более успешном и эффективном подборе образовательных материалов для школьников и студентов при обучении китайскому языку и культуре Китая. Выводы, полученные в ходе исследования, важны для российско-китайской межкультурной коммуникации, установления и развития политических, экономических и социальных контактов, успешных международных отношений между Китаем и Россией.

Вслед за Н. Д. Арутюновой [1, с. 84–89] и Е. В. Падучевой [5] мы понимаем пресуппозиции как знания имплицитного содержания, закладываемые отправителем и нуждающиеся в декодировании получателем в ходе коммуникации. Они остаются неизменными вне зависимости от утвердительного или отрицательного характера ассерции высказывания [7].

Различные способы типологизации пресуппозиций сходятся в наличии прагматической пресуппозиции высказывания. Одним из важных подвидов пресуппозиций, выражаемых в языке, являются лингвокультурные пресуппозиции. Древние представления о мире, космогония и основы китайской натурфилософии являются неотъемлемой частью обширной базы лингвокультуры Китая. Рассмотрение их имплицитного выражения в китайских песнях позволит выявить самобытность современного китайского песенного творчества и очертить перечень базовых космологических знаний, необходимых для эффективной российско-китайской межкультурной коммуникации.

Материалом исследования послужили тексты 40 китайских нарративных песен конца XX – начала XXI вв., т.е. этапа реформ Дэн Сяопина и западного поворота во внешней политике Китая. Причиной выделения из общего пласта песен указанного периода именно нарративных песен стало многообразие критериев, по которым можно будет наилучшим образом выявить наличие отсылок к космологическим пресуппозициям. Так, могут быть рассмотрены характерные для нарративной песни персонажи, описываемые пространство и время, бинарные оппозиции, фоновые знания, множественные интертекстуальные связи, а также тематика песен, что в комплексе позволит сделать более значимые выводы в рамках исследования.

В ходе анализа собранного материала имплицитные, т.е. подразумеваемые, китайские космологические представления были выявлены в 14 из 40 песен (35%), что говорит об их важности для современного китайца, его жизни и интерпретации действительности.

Основными космологическими категориями, которые удалось вычлени́ть из пресуппозитивных смыслов песен, стали: цикличность событий, понятие о пути, течение времени, которое подобно водяному потоку. Рассмотрим ниже примеры из песен, где проявляются такие пресуппозиции.

Цикличность событий. Восприятие времени как циклического и спиралевидного процесса характерно для восточной традиции в целом, а не только для Китая. Оно восходит к древности, когда люди стремились объяснить мир вокруг себя. Наименьшая циклическая единица, которая заставляет задумываться о наличии повторяющихся событий – это сутки. В Древнем Китае сутки состояли из ста часов, каждый из которых длился чуть менее 15 минут, если переводить на современное исчисление времени. Каждый день начинался новый временной цикл. Большим циклом выступает год. Китайцы жили и трудились на земле, с нее и кормились. Именно поэтому и сезоны года они исчисляли по сельскохозяйственным меркам, соотносимым с движением луны. В конце января – начале февраля наступал новый сельскохозяйственный год. Он делился на 24 периода, называемых сезонами. Каждые шесть сезонов объединяются в один большой сезон, выстраивая смену весны, первого сезона года, лета, осени и зимы как его завершения. И до сих пор в Китае многие люди живут в деревнях, а значит, занимаются сельскохозяйственным трудом, следуют лунному календарю, передают эти свои знания детям. От первых посевов до сбора урожая и обработки земли известные события сменяют друг друга, давая пищу жителям Китая. Когда один цикл завершается, начинается следующий. Это глубокое понимание повторяемости процессов накладывает отпечаток на менталитет китайцев, особенности их поведения и восприятия мира [2, с. 91]. Через эту призму они оценивают не только себя, свое место в жизни и мир с его непрерывным историческим процессом, но и повседневные вещи, такие как встречи с друзьями, работа, отношения с родными и любовь. Именно теме любви посвящается большинство песен конца XX – начала XXI века. Пресуппозитивное отношение к любви как циклическому процессу прослеживается во многих из них.

Обратимся к тексту песни 《光阴的故事》 («Светлая история»), которая повествует о любви двух людей. Они волей судьбы были отделены друг от друга, лирический герой очень тосковал по возлюбленной, наблюдая за сменой сезонов. И когда жизнь всё-таки позволила им вновь встретиться и быть вместе, персонажи почувствовали, что вернулись в свою самую первую весну.

遥远的路程，昨日的梦 以及远去的笑声。 再次的见面我们又历经了 多少的路程。 不再是旧日熟悉的 我有着旧日狂热的梦。 也不是旧日熟悉的 你有着依然的笑容。 流水它带走光阴的故事 改变了我们。 就在那多愁善感而 初次回首的青春。	Дальний маршрут, вчерашний сон да далёкий смех. Чтобы вновь увидеть друг друга, мы прошли неблизкий путь. Уж не тот, кого ты знала давно, я мечусь в лихорадочном сне, Уж не та, кого знал я когда-то, ты всё тот же хранишь смех в лице. Водяным потоком светлая история изменила нас с тобой, И после стольких горестных и радостных переживаний мы впервые вернулись в нашу весну.

С одной стороны, восприятие ленты времени выражено эксплицитно, характерно для китайской культурной традиции и не может трактоваться как пресуппозиция. Однако такое поверхностное восприятие смены времен года обедняет глубокий смысл песни. По восточным и в том числе китайским представлениям любое последующее событие на спирали времени может быть просчитано, если обратиться к прошлому опыту нации и культуры. Благодаря этому прошлому опыту можно найти ответы на свои вопросы, точнее узнать, что ждет в будущем и как действовать дальше. Эти выводы делаются на основе изучения имеющейся в настоящий момент позиции на предыдущих исторических витках времени. Таким образом, на все вопросы будущего можно найти ответы в прошлом. Поскольку прошлая жизнь продолжила свое движение, не исчезла и не прекратилась, то в осмысливающем реальность человеке появляется чувство спокойного принятия жизни и того, что все решится благополучно. В соответствии с этим и лирический герой песни 《光阴的故事》 («Светлая история») терпеливо ждал, когда все «вернется на круги своя». Он был убежден, что именно так и случится. Выраженную лишь имплицитно информацию можно свести к следующей пресуппозиции: «Время циклично. Поэтому нам с тобой суждено было вновь встретиться».

Сама мелодия песни плавная и нежная, название ее – «Светлая история» – с самого начала дает нам надежду на хороший исход ситуации и встречу персонажей. Именно такое позитивное ожидание улучшения жизни и выступает лингвокультурной пресуппозицией, заключенной в песне. Китайское древнее речение «Живи, сохраняя покой. Придет весна, и цветы распустятся сами» как нельзя лучше отражает описываемую пресуппозицию и ее положительный энергетический посыл. Их же мы наблюдаем в песнях 《在雨中》 («В дождь»), 《过云雨》 («Проходящий ливень»), 《童话》 («Сказка»).

Но когда из года в год не удастся вернуться на «свое положение в позитивно закручивающейся спирали» времени и событий, представитель Китая может разочароваться в жизни, несмотря на благополучие в настоящем, печалиться, что оно не похоже на прошлое, в котором он раньше был так счастлив.

还记得那些寂寞的春天 那时的我还没留起胡须。 没有情人节也没有礼物 没有我那可爱的小公主 可我觉得一切没那么糟， 虽然我只有对爱的幻想。 在清晨在夜晚在风中， 唱着那无人问津的歌谣。 如果有一天我老无所依， 请把我留在在那时光里。 如果有一天我悄然离去， 请把我埋在这春天里。	Я еще помню ту тихую уединенную весну. Тогда я еще не отрастил усы и бороду. Не было Дня влюбленных и не было подарков, И не было той принцессы, которую я так люблю, Но я чувствовал себя вовсе не так скверно, Хотя о любви я тогда только мечтал. На заре, во мраке ночи и в порывах ветра Пел никого не интересующие народные песни. Если однажды я останусь ни с чем, То попрошу тогда оставить меня в свете той весны. Если однажды я тихо покину этот мир, То попрошу оставить меня в той весне.

И хотя персонаж песни 《春天里》 («В той весне») попадает в ментальную ловушку памяти, которая сглаживает негативное и уменьшает горести прошлого, он не способен осознать это и наслаждаться новым порядком вещей в жизни. Он, напротив, мечтает хотя бы после смерти оказаться снова в своей беззаботной весне, когда был совсем молод, одинок и беден. Но, увы, это невозможно, и главный герой песенного нарратива вынужден день за днем переживать внутренний конфликт, забывая ценить то, что у него есть в настоящем, и постоянно вызывая в памяти реминисцентные воспоминания. В отличие от свойственного восточным культурам циклического восприятия линии событий, имплицитно постулируемая идеализация прошлого может выступать не культурно-обусловленной прагматической, но общечеловеческой логической пресуппозицией.

Путь и следование ему. Неразрывно связано с цикличностью событий понятие самого пути, на котором эти события разворачиваются и которому следует или может следовать человек. Идея пути человека сводится в китайской философской традиции, прежде всего, к тому, что значение имеет не положительный или отрицательный исход какого-либо одного события, но все события выстраиваются в последовательность шагов [4, с. 526]. Следуя параллельно и одно за другим, они формируют уникальный путь человека. Поэтому все последующие события оказываются обусловленными всеми предыдущими, они разнозначны, как всякий шаг на пути. И вновь, подобно цикличности и спиралевидности временной последовательности, которая, вмещаема в поле реального в сознании китайцев, сама по себе дает надежду на лучшее носителям китайской культуры, идея пути тоже выступает своеобразной психологической опорой для китайцев. Это позволяет им легче переносить трудности жизни, проявлять больше покорности и упорядоченности в действиях. Такие ценностно-смысловые позиции и включаются в песню имплицитно в форме лингвокультурных пресуппозиций, когда внешне есть лишь намек на путь или его наличие. В песне «Светлая история» употребляется слово 路程 (неблизкий путь). Лирический герой подразумевает не буквальную дорогу, по которой они шли с возлюбленной, но ту жизнь, которую день за днем и год за годом они проживали. Таким образом, имплицитно выраженная пресуппозиция здесь может быть выражена как «Я верю, что последовательность всех событий вела меня к тебе. Ведь так устроена жизнь на земле».

Вода, текущая как время. Продолжая идею цикличности появления событий и следования своему пути, третья группа космологических пресуппозиций в китайских песнях связана с водой и временем, которое течет, как вода [2, с. 88]. Очень частый образ текущей в реке воды, водяного потока может трактоваться как та самая сила, которая ведет человека по его пути внутри спиралевидной последовательности событий. При этом образ продвигающейся вперед воды выражает китайское представление о течении, перемещении и балансе энергии. Приведем лишь несколько ярких примеров, отсылающих нас имплицитно к понятию энергетического потока, заложенному в китайской философской традиции восприятия жизни.

水向东流时间怎么偷	Вода потекла на восток так незаметно
流水它带走光阴的故事改变了我们	Водяным потоком светлая история изменила нас с тобой
江湖就该开扇窗	Реки и озера должны быть окошками

Выше представлены строки из песен 《光阴的故事》 («Светлая история», 《千里之外》 («За тысячу ли») и 《周大侠》 («Рыцарь Чжоу»). Содержащаяся в них имплицитная информация в форме космологических пресуппозиций может быть сведена к фразе: «Всё движется и меняется, следуя пути воды и потокам энергии. Так и должно быть. Так устроен мир». Это китайское понимание судьбы, однако, не равнозначно западной идее фатализма. Напротив, восточный взгляд утверждает важность и необходимость осознанного проживания всего, что происходит с человеком, так как лишь в этом случае удастся получить необходимый опыт и следовать своему пути, не сбиваясь.

Таким образом, космологические представления китайцев в полной мере находят отражение в современных китайских нарративных песнях. Это говорит о потребности у современной молодежи как основной части слушающих изучаемые песни в преемственности философских традиций своей страны, поддержании связи поколений и следования основным канонам древней китайской мысли. Поэтому для глубинного понимания эмоций, чувств и переживаний лирических героев китайских песен необходимо повышать лингвокультурную компетенцию изучающих китайский язык школьников, студентов и специалистов в области китаеведения с помощью знаний о философских основах восприятия мира, присущих китайскому народу с древности и до наших дней. Указанные аспекты важно учитывать и во время российско-китайских международных контактов для более эффективного взаимодействия двух стран.

В настоящей статье не рассматривались лингвокультурные пресуппозиции, которые можно выявить в видеоклипах современных китайских песен как особых видах кинонаратива. Они будут предметом наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. 1973. Т. 32. № 1. С. 84–89.
2. Бусыгина А. Ф. Фундаментальные категории духовной культуры Китая: Тай цзи и Инь-ян // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2018. № 3–1. С. 84–95.
3. Вилкова А. С. Высококонтекстные и низкоконтекстные культуры // Наука, образование и культура. 2019. № 3 (37). С. 49–51.
4. Николаев Д. В. Дао как феномен китайской философии и культуры // E-Scio. 2021. № 1 (52). С. 524–529.
5. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука. 1985.
6. Симоненко Н. Ю. Фоновые знания в китайских нарративных песнях 1924–1977 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (114). С. 151–155.
7. Yule G. Pragmatics. Oxford, Oxford University Press. 1996.

* * *

1. Arutyunova N. D. Ponyatie presuppozicii v lingvistike // Izvestiya AN SSSR. Seriya lit. i yazyka. 1973. T. 32. № 1. S. 84–89.
2. Busygina A. F. Fundamental'nye kategorii duhovnoj kul'tury Kitaya: Taj czi i In'-yan // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2018. № 3–1. S. 84–95.
3. Vilkova A. S. Vysokokontekstnye i nizkokontekstnye kul'tury // Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2019. № 3 (37). S. 49–51.
4. Nikolaev D. V. Dao kak fenomen kitajskoj filosofii i kul'tury // E-Scio. 2021. №1 (52). S. 524–529.
5. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu (Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij). M.: Nauka. 1985.
6. Simonenko N. Y. Fonovye znaniya v kitajskih narrativnyh pesnyah 1924–1977 gg. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 1 (114). S. 151–155.

*The cosmological foundation of presuppositions in modern
Chinese narrative songs*

The texts of the modern Chinese narrative songs for drawing the line of the cosmological knowledge, implicitly enclosed in them, are analyzed. There are revealed three basic themes of presuppositions, that the plots of the songs are based: cycling of events, concept of way and passing of time, similar to water. The conclusions allow us to pay attention to these aspects of Chinese philosophy in the process of teaching the Chinese language and in the situations of the international interaction of Russia and the People's Republic of China.

Key words: *cosmology, the People's Republic of China, narrative song, presupposition, way, time, cycling of events.*

(Статья поступила в редакцию 06.02.2024)

А. А. ШТЕБА
Волгоград

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СМЕШАННЫХ ЭМОЦИЙ И ИХ ПЕРЕВОД

Рассматривается проблема актуализации нечеткой эмотивности слов в аспекте перевода на примере языковой репрезентации смешанных эмоций. Художественная коммуникация моделирует ситуации естественного общения. Сопоставительный анализ оригинала и переводов фрагментов художественных произведений показал, что даже слова, номинирующие эмоции, не находят последовательного и регулярного средства выражения на языках перевода: сохраняется оценочная доминанта эмоции, но интенсивность, активность эмоции преобразуется. Анализ фильмонимов, содержащих номинации эмоций, продемонстрировал идентичный обнаруженному процесс трансформации эмоций в переводе с сохранением оценочного центра.

Ключевые слова: *нечеткая эмотивность, смешанные эмоции, перевод, эмотив, эмотивная лингвистика, эмотивные преобразования семантики слов.*

Вопросы эмоциональности и эмотивности не раз становились объектом пристального научного интереса. В последнее время актуальными становятся исследования, посвященные проблемам асимметрии эмоциональности и эмотивности [9, с. 55–60], неопределенной эмотивности [12, с. 36–43] и др. Настоящее исследование сфокусировано на смешанных эмоциях, их репрезентации и переводе.

Инвентарь конвенциональных базовых эмоций указывает на качественное преобладание отрицательных эмоциональных переживаний по сравнению с положительными.

ми. Для подтверждения данного положения о количественном превосходстве имен отрицательных эмоций над положительными мы обратились к базовым эмоциям, среди которых положительно-оценочные эмоциональные состояния являются гораздо менее частотными. Была рассмотрена количественная представленность словосочетаний, одним из компонентов которых являлась номинация эмоции радости (и ее словоформы), а другим – имена отрицательно-оценочных эмоций. При этом учитывалось месторасположение положительно- и отрицательно-оценочных эмоций в данных словосочетаниях.

Анализ основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) показал, что более частотно лексема *радость* располагается в постпозиции относительно наименований отрицательных эмоций (*страх и радость; гнев и радость*). Исключениями являются номинации смешанных эмоций *радости и печали, радости и грусти*. Однако расположение элементов в данных словосочетаниях носит, скорее, формализованный характер. Заметим, что по данным НКРЯ словосочетание *любовь и ненависть* (включая словоформы) встречается в 141 примерах (*ненависть и любовь* – в 49), словосочетание *добро и зло* (включая словоформы) – в 2789 примерах относительно словосочетания *зло и добро* (270 примеров). Словосочетания *радость и грусть, радость и печаль* имеют форму фразеологических сочетаний, конститутивные элементы которых занимают позиции внутри словосочетания не свободно, а по причине сложившейся конвенции. Такая частичная идиоматичность ограничивает свободные рамки сочетания элементов.

Размышляя о проблеме сохранения и передачи эмотивности в исходном языке и его переводе, В. И. Шаховский подчеркивал, что любой язык способен к трансляции любого семантического содержания, но это не гарантирует стопроцентных совпадений при выражении эмотивной составляющей [10, с. 72]. Последнее верно для эмоционально-смыслового содержания слова, где доступными для перевода являются аппроксимативные границы текста, но текст перевода всегда останется градуируемой по степени выраженности единицей, генерализацией относительно коммуникативного намерения автора текста на исходном языке.

Считается, что при переводе наибольшие затруднения вызывают случаи дескрипции и экспликации эмоций в тексте, поскольку косвенное описание эмоций предполагает более широкое пространство выбора переводческого решения по сравнению с номинацией эмоций [4, с. 241]. Например, при передаче эмоционального содержания художественных текстов с английского языка на русский фразы на языке перевода становятся более развернутыми, описание расширяется, детализированность увеличивается [8, с. 246]. Сопоставительный анализ оригинала и перевода произведения Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» в аспекте особенностей перевода кластера эмотивов с центром *радость* показал, что из выделенных 66 эмотивных средств выражения радости в тексте оригинале в переводе романа сохранено только 34 эмотива [6, с. 79–80]. Значимость передачи эмоциональной составляющей в переводе важна, поскольку речь идет не только о выражении эмоций, но и об индуцировании у реципиента планируемой эмоциональной реакции. В. В. Катермина указывает, что для художественного перевода значимо как сохранение стилистической окраски слова, так и передача нетрадиционности формы [5, с. 90], при этом форма становится семантической и прагматичной, активизирует скрытые рефлексивные векторы слова.

Язык представляет собой нелинейную систему, поэтому использовать для его описания двухполюсную логику кажется недопустимым на современном этапе развития социогуманитарных наук. Множественность интерпретации и содержательная неопределенность проявляются на уровне семантики. Теория нечетких множеств позволила выйти за пределы бинарных логических оппозиций [1, с. 105–108], полюсы которых не позволяют определить сущностные особенности некоторого объекта. Смешанные эмоции относятся к коммуникативному пространству нечеткой эмотивности, поскольку их ка-

тегоризация предполагает преодоление условной нормы эмотивности («четкой эмотивности»), внутри которой выделены номинация, дескрипция, экспликация.

Полученные ранее результаты исследования [11, с. 159–165] позволяют сделать вывод, что при переводе смешанных эмоций, относящихся к пространству нечеткой эмотивности, оценочная доминанта сохраняется, но, например, активность, интенсивность эмоций изменяются.

Материалы параллельного подкорпуса НКРЯ показывают, что неопределенная семантика оценочного прилагательного в исходном языке может становиться катализатором активизации нечеткой эмотивности в переводе в форме смешанной эмоции, когда эмоциональное состояние получает дополнительную конкретизацию:

Even a year of confinement has not dulled my familiarity, and when my fingers close around a scalpel, it feels as comfortable as a handshake with an old friend. – *Даже после года тюрьмы я не утратил навыков и, смыкая пальцы вокруг скальпеля, испытываю радость и трепет, как от теплого рукопожатия со старым другом* (Tess Gerritsen. The Apprentice (2002) | Тесс Герритсен. Ученик (И. А. Литвинова, 2015).

В случае представленности в тексте на исходном языке номинации эмоционального состояния, оценочные границы которого аппроксимативны, в переводе данное состояние также конкретизируется:

*Sophie's voice caught, and Langdon heard a sudden **melancholy** there, a painful past, simmering just below the surface.* – *Тут Софи умолкла, и Лэнгдон уловил в ее голосе **печаль и сожаление** о прошлом* (Dan Brown. The Da Vinci Code (2003) | Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004).

*En su devoción a la Virgen se descubre un sentimiento de humillación dolorosa, un torcedor, una **melancolía** que influye en su mente el recuerdo de su matrimonio indigno y estéril.* – *В ее преданности деве Марии чувствуется болезненное унижение, печаль и горечь воспоминаний о ее недостойном бесплодном браке* (Juan Valera. Pepita Jiménez (1874) | Хуан Валера. Пепита Хименес (А. Старостин, 1959).

*His **malice** is great and gives him a strength hardly to be believed in one so lean and withered. He could work much mischief still, if he were free.* – *Отчаяние и ненависть, горечь и страх сделали его невероятно опасным, так что, если б он был на свободе, я не удивился бы любому злодейству, совершенному этим злосчастным существом* (J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring (1954) | Джон Рональд Руэл Толкин. Властелин колец: Братство кольца (В. Муравьев, А. Кистяковский, 1982).

Возможен и обратный процесс преобразования уже получившей конкретизацию смешанной эмоции на исходном языке в семантически неопределенную лексическую единицу при переводе:

*Воины знают, что, по законам «Ясы», три дня они могут грабить и жечь город, и никто не смеет **остановить их радость и веселье**.* – *The soldiers know that, by the law of the Dzasak, they may three days loot and burn, and make merry, and none dare **say them nay!*** (Василий Ян. Батый (1942) | Vasili Yan. Batu-Khan (Lionel Erskine Britton, 1945).

Менее активное эмоциональное переживание рекуррентно заменяется более интенсивным:

*Bien que je sache, par les films sur la vie des plantes, que la sérénité de la nature est une fable, que seul son rythme, différent du nôtre, nous y fait croire, qu'un jardin est continuellement en proie à l'**érotisme, au vice, à l'inquiétude, à l'angoisse, à la haine**, aux agitations de toutes sortes et qu'il vit sur ses nerfs, j'admets qu'il ne possède pas le rire.* – *Хотя из фильмов о жизни растений я знаю, что безмятежность природы не более чем сказка, что только ее ритм, отличный от нашего, заставляет нас так думать; что сад постоянно одолевают чувственные, **порочные желания, страх, ненависть и другие страсти**, что он*

живет на нервах, — смех, я полагаю, все же ему неведом (Jean Cocteau. *Difficulté d'être* (1947) | Жан Кокто. Трудность бытия (М. Л. Аннинская, 2005).

Сказанное показательно подтверждает перевод фрагмента романа «Гарри Поттер и Волшебный камень», где неполные эмоции (*half joy, half sadness*) не только теряют признак неполноты, но и получают более активный конкретизатор:

He had a powerful kind of ache inside him, half joy, half terrible sadness. — Он испытывал ни на что не похожее пронзительное чувство, как будто кто-то смешал в единое целое и великую радость, и великую печаль (J. K. Rowling. *Harry Potter and the Sorcerer's Stone* (1997) | Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001).

Дополнительная коннотативная маркированность некоторых слов побуждает переводчика заменить номинации эмоций на те, которые не несут дополнительных эмоциональных созначений и относятся к одной тематической подгруппе:

But that barely registered by comparison with the relief, pleasure and exultation of acquiring the work. — Однако он сам того не заметил — столь велико было его облегчение, радость и восторг (Philip Hook. *Breakfast at Sothebys An A-Z of the Art World* (2013) | Филип Хук. Завтрак у Sotheby's. Мир искусства от А до Я (В. Ахтырская, 2014).

В английском языке *exultation* означает '*a feeling of triumphant elation or jubilation; rejoicing*' и сближается при переводе со словом *ликование*, которое в русском языке несет дополнительный смысл торжественности.

Сочинительная связь двух номинаций эмоций для выражения смешанной эмоции в переводе может заменяться глаголом с семантическим компонентом объединения (к примеру, *to steep* — *погружать, втягивать, вовлекать*), а отношения объединения модифицируются в преобразование одного в другое:

К утру выпал снег и, не тая, пролежал до полудня. Русские почувствовали радость и печаль. Россиядохнула в их сторону, бросила под бедные, измученные ноги материнский платок, побелила крыши барачков, и они издали выглядели домашними, по-деревенски. — *Snow fell early in the morning and lay there till noon. The Russians felt a joy that was steeped in sorrow. Russia herself was breathing over them, spreading a mother's shawl beneath their poor exhausted feet. The barracks, with their white roofs, looked like the huts in a Russian village* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960) | Vasily Grossman. *Life and fate. Part 1* (Robert Chandler, 1985).

Союз *и* соотносится с предлогом *with*, который аналогично указывает на совместность действия:

Одно упоминание этих имен вызывало содрогание и ненависть. — *The very mention of their names was enough to make people tremble with hate* (Д. Н. Медведев, М. Белыхова. Это было под Ровно (1948) | Dmitry Medvedev. *Stout hearts* (David Skvirsky, 1961).

В случае с выражением *Der Hass beflügelte* переводчик также использует прием создания смешанной эмоции в переводе, чтобы намеренно объективировать высокую интенсивность эмоционального состояния героя:

Alexander Silver stürmte über die Straße, fast mit der Schwungkraft von früher. Der Hass beflügelte ihn scheinbar (букв.: *ненависть переполняла*). — Александр Силвер ринулся через улицу почти с прежней своей отвагой и сноровкой. Очевидно, его окрыляли ненависть и праведный гнев (Erich Maria Remarque. *Das gelobte Land* (1965–1970) | Эрих Мария Ремарк. Земля обетованная (М. Л. Рудницкий, 2000).

Частотно при переводе текстовых фрагментов, репрезентирующих нечеткую эмоциональность в форме экспликации смешанных эмоций, переводчики прибегают к интенсификации, которая не обусловлена минимальным контекстом:

Пандион почувствовал одновременно радость и опасение, мышцы его напряглись, он невольно оцупал рукоятку отцовского меча. — *Pandion's sensations were mingled joy and fear, his muscles tensed and he involuntarily grasped the hilt of his father's sword* (Иван

Ефремов. На краю Ойкумены (1946) | Ivan Efremov. The Land of foam (George H. Hanna, 1957).

*The three men turned back suddenly upon him, in their faces surprise, **delight**, and incredulity.* – Все трое круто повернулись к нему; лица их выражали удивление, **радость** и недоверие (Jack London. The Burning Daylight (1910) | Джек Лондон. Время не ждет (В. Топер, 1956).

Синтагматическое расположение компонентов смешанной эмоции при переводе может варьироваться:

*Когда ты стоял под окном моего дома и звал меня: «Прекрасная моя, выйди, волосы мои полны ночной росой!» – я узнала тебя, я вспомнила тебя, и **радость и страх** овладели моим сердцем.* – *When thou didst stand beneath the window and didst call to me: 'My fair, come out, for my locks are filled with the drops of the night!' I knew thee, I remembered thee; and **fear and joy** possessed my heart* (А. И. Куприн. Суламифь (1907) | Alexandre Kuprin. Sulamith (Bernard Guilbert Guerne, 1928).

*Но происходившее сейчас, свою **печаль и радость**, они не могли скрыть друг от друга, и это влекло за собой неизбежные, переворачивающие изменения.* – *But they couldn't conceal what was happening now, they couldn't hide their present **joy and sorrow** – and this alone would have deep and inevitable consequences* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960) | Vasily Grossman. Life and fate. Part 3 (Robert Chandler, 1985).

*Здесь недостаточно чувства самосохранения, здесь необходимо возбудить в населении **отвращение и ненависть**.* – *And in this case it is not enough to rely merely on the instinct for self-preservation; it is necessary to stir up feelings of real **hatred and revulsion*** (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960) | Vasily Grossman. Life and fate. Part 1 (Robert Chandler, 1985).

***Презрение и ненависть**, тоска и любовь, гнев и смех, горький, как полынь, – вот чем до краев была налита поднесенная Мне чаша... нет, еще хуже, еще горче, еще смертельнее! – **Hatred and contempt**, love and anguish, wrath and laughter, – these filled to the brim the cup presented to Me... no, still worse, still more bitter, still more deadly!* (Леонид Андреев. Дневник Сатаны (1918–1919) | Leonid Andreev. Satan's Diary (Herman Bernstein, 1920).

Расположение в пре- или постпозиции номинаций положительно- или отрицательно-оценочных эмоций в исходном языке не предопределяет место номинации эмоции в переводящем языке. Интересными являются примеры с номинацией ненависти, которая в русском языке частотно помещается в постпозицию (*отвращение и ненависть; презрение и ненависть*), а при переводе оказывается в препозиции полученного словосочетания (*hatred and revulsion; hatred and contempt*).

При анализе особенностей перевода номинаций эмоций интерес представляют фильмонимы, прагматическая установка которых направлена не столько на достижение эквивалентного художественного эффекта, сколько на привлечение потенциального зрителя, вызов интереса и финальное получение прибыли производителем и дистрибьютором. Характерные черты перевода номинаций эмоций в фильмах подтверждают описанные выше наблюдения. Точные совпадения при переводе названий фильмов, содержащих номинации эмоций, являются низкочастотными. Например, при переводе названия фильма «*Fear and Desire*» (1952) на русский язык слово *desire* переведено как *вожделение* («*Страх и вожделение*»).

DESIRE – a desire is a strong wish to do or have something (Collins).

ВОЖДЕЛЕНИЕ – страстное желание; сильное чувственное влечение (БТС).

Обращает на себя внимание, что в английском языке слово *desire* обозначает не столько желание, сколько сильное (активное) желание, поэтому переводчиком выбрана номинация *вожделение*, имеющая семы силы, интенсивности.

Интересен пример перевода с точной передачей идиоматического выражения: художественный фильм «*Filles bleues, peur blanche*» (букв.: *Голубые девочки, белый страх*) получает в российском прокате название «*Со страхом и трепетом*». Выражение *peur blanche* (букв.: *белый страх*) или *être blanc de peur* (букв.: *быть белым от страха*) используется в значении 'испуг, ужас' (*terrorisé; effrayé*), а голубой цвет также отсылает к семантике холода, с которым ассоциируется страх. Поэтому переводчик использует две номинации эмоциональных состояний (более и менее активных), что соответствует оригинальному названию художественного фильма на уровне эмоциональной тональности.

Названия художественных фильмов «*Страх и ненависть в Лас-Вегасе*» так же, как и «*Страх и ненависть в Аспене*» (2021), представляют частично калькированный вариант перевода иноязычных текстов «*Fear and Loathing in Las Vegas*» («*Fear and Loathing in Aspen*»):

LOATHING – a feeling of great dislike and disgust (Collins); a feeling of intense dislike or disgust; hatred (Oxford).

Английское слово *loathing*, в отличие от типичного для номинации ненависти слова *hatred*, вбирает в себя дополнительные конкретизирующие семы отвращения, неприязни, а также данная лексическая единица выражает сравнительно большую интенсивность («*intense dislike*»).

Русский перевод названия художественного фильма «*Обитель радости*» (2000) представляет собой достаточно свободную интерпретацию оригинального названия «*The House of Mirth*»:

MIRTH – amusement which you express by laughing (Collins); amusement, especially as expressed in laughter (Oxford).

Английская номинация эмоции *mirth* подчеркивает сему веселья, увеселенья, а не только радости, которая не должна обязательно сопровождаться смехом. Таким образом, при переводе фильмонимов, содержащих номинации эмоций, в переводящем языке рекуррентно снижается интенсивность, наблюдается тенденция к выбору слова, имеющего менее активную степень проявления признака.

Французское слово *colère* (гнев) заменяется словом с менее интенсивным значением *злой* («*Les dieux en colère*» (букв.: *Боги в гневе*) переведено как «*Злые боги*»):

ЗЛОСТЬ – чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-либо; злоба (БТС).

ГНЕВ – чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо или чем-либо, обычно бурно проявляющееся (БТС).

Интенсивность эмоционального переживания понижается в следующих примерах: название фильма «*The Angry Silence*» переводится как «*Сердитая тишина*». Соответственно слово, обозначающее более активную эмоцию, заменяется словом с менее интенсивным значением:

СЕРДИТОСТЬ – раздражение; гнев (БТС).

ANGRY – when you are angry, you feel strong dislike or impatience about something (Collins).

ANGER – the strong emotion that you feel when you think that someone has behaved in an unfair, cruel, or unacceptable way (Collins).

Прием генерализации рекуррентен для фильмонимов с номинациями эмоций. Так, название «*Fear Paris*» переведено как «*Париж, я убью тебя*», фильм «*La grande peur dans la montagne*» (букв.: *Большой страх в горах*) получил название «*Легенда темной горы*», «*Pattie et la colère de Poséidon*» (букв.: *Патти и гнев Посейдона*) – «*Приключения аргонатов*», а «*Un homme en colère*» (букв.: *Человек в гневе*) – «*Мистер Правосудие*». В данных примерах номинации активных эмоциональных состояний/переживаний (*fear – la peur – страх, la colère – гнев*) либо полностью элиминируются при переводе, либо заменяются эмотивно окрашенной лексикой, отсылающей к иным эмоциям (*убивать*,

правосудие, приключение). Название французского художественного фильма «*Si vous n'aimez pas ça, n'en dégoûtez pas les autres*» (1978) переведено как «Раз вам не нравится, не мешайте другим». Данный вариант перевода частично отсылает к советской комедии «Кавказская пленница» (1967), где персонаж, которого сыграл Г. М. Визин, произносит фразу: «Тебе неинтересно, не мешай». Номинация эмоции вытесняется в переводе:

Dégoûter – приесться, надоедать; внушать отвращение; быть противным 2) (de) вызывать отвращение; отбивать охоту, вкус к чему-л. (НФРС).

Dégoût (m) – отвращение, разочарование, горечь (НФРС).

Обратная тенденция к интенсификации эмоционального переживания при переводе представлена далее: художественный фильм «*Deep Fear*» (2022) в российском прокате получает название «Подземный ужас»:

FEAR – an unpleasant emotion caused by the threat of danger, pain, or harm (Oxford).

УЖАС – чувство, состояние очень сильного испуга, страха перед чем-л. необыкновенно страшным (БТС).

Но данные примеры дополнительной интенсификация являются менее частотными.

Отсутствие каких-либо дополнительных лексических конкретизаторов в оригинальном названии фильма приводит к множественности вариантов толкования и перевода. Например, название художественного фильма «*Rage*» (1966) переведено как «Ярость», а фильм с аналогичным названием, выпущенный в 1995 году, назван «Гнев»:

RAGE – strong anger that is difficult to control (Collins); violent uncontrollable anger (Oxford).

ГНЕВ – чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо или чем-либо (БТС).

ЯРОСТЬ – сильный гнев, озлобление (БТС).

Исключение составляет перевод названия французского художественного фильма «*La rage*» номинацией «Исступление», в которой динамика и высокая активность эмоционального состояния сохранены:

RAGE (f) – ярость, бешенство; исступление; исступлённая страсть (НФРС).

ИССТУПЛЕНИЕ – состояние крайнего возбуждения, чрезмерной необузданности; неистовство (БТС).

Конкретизация номинации эмоции *rage* именем прилагательным не всегда улучшает адекватность передачи эмоциональной тональности: «*Silent Rage*» (1982) – «Безмолвный гнев». При конкретизации именами прилагательными *primal*, *fugitive* слово *rage* в названиях фильмов «*Primal Rage*» и «*Fugitive Rage*» («Первобытная ярость» и «Ярость отчаяния») переводится как *ярость*.

Сопоставление особенностей перевода фильмонимов позволяет наблюдать за скрытой нечеткой эмотивностью, поскольку фильмоним и его перевод представляют собой стимул и реакцию, которые должны быть рассмотрены как единое целое.

Репрезентация смешанных эмоций в коммуникации является ярким примером созидательной активности, которая усложняет систему и предлагает новое направление для ее дальнейшего развития – категоризация нечеткой эмотивности.

Список литературы

1. Альбеков Н. Н. Поле эмерджентности как модель определения потенциала нечетких лингвистических множеств // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 4. № 9. С. 105–108.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 (БТС).
3. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь: 70000 слов, 20000 ед. перевода. 5-е изд., испр. М.: Русский язык, 2000 (НФРС).

4. Гацура Н. И. Перевод средств создания эмотивности с английского языка на русский в романе Д. Мойес «До встречи с тобой» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 238–243.
5. Катермина В. В. Эмотивная лексика и перевод // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 82–91.
6. Мезенцева Т. А. Эмотивная лексика в оригиналах и переводах художественных произведений // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2016. № 1. С. 75–83.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 10.01.2024) (НКРЯ).
8. Петрова Ю. А. К проблеме перевода эмотивной лексики // Язык и культура: Сборник статей XXIX Международной научной конференции, Томск, 16–18 октября 2018 года / Отв. ред. С. К. Гураль. Ч. 2. Томск: Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2019. С. 241–246.
9. Солодовникова Н. Г., Гребнева Е. А. Асимметрия эмоциональности и эмотивности // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1. С. 55–60.
10. Шаховский В. И. Эмотивное значение и методы его описания: Учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: изд-во ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1983.
11. Штеба А. А. Проблема определения оценочной доминанты смешанной эмоции // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 159–165.
12. Штеба А. А., Никодимова А. Д. Неопределенная эмотивность: языковая категоризация микроэмоций // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2. С. 36–43.
13. Collins English Dictionary. Lonon: HarperCollins, 2018 (Collins).
14. The Oxford English Dictionary. London: Oxford University Press, 2012 (Oxford).

* * *

1. Al'bekov N. N. Pole emerdzhentnosti kak model' opredeleniya potenciala nechetkih lingvisticheskikh mnozhestv // Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2016. Т. 4. № 9. S. 105–108.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998 (BTS).
3. Gak V. G., Ganshina K. A. Novyj francuzsko-russkij slovar': 70000 slov, 20000 ed. perevoda. 5-e izd., ispr. M.: Russkij yazyk, 2000 (NFRS).
4. Gacura N. I. Perevod sredstv sozdaniya emotivnosti s anglijskogo yazyka na russkij v romane D. Mojes «Do vstrechi s toboj» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. Т. 13. Vyp. 2. S. 238–243.
5. Katermina V. V. Emotivnaya leksika i perevod // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2016. № 4 (23). S. 82–91.
6. Mezenceva T. A. Emotivnaya leksika v originalah i perevodah hudozhestvennyh proizvedenij // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki. 2016. № 1. S. 75–83.
7. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru/> (Data obrashcheniya: 10.01.2024) (NKRYA).
8. Petrova Yu. A. K probleme perevoda emotivnoj leksiki // Yazyk i kul'tura: Sbornik statej XXIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Tomsk, 16–18 oktyabrya 2018 goda / Otв. red. S. K. Gural'. Ch. 2. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gos. un-t, 2019. S. 241–246.
9. Solodovnikova N. G., Grebneva E. A. Asimmetriya emocional'nosti i emotivnosti // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1. S. 55–60.
10. Shahovskij V. I. Emotivnoe znachenie i metody ego opisaniya: Ucheb. posobie k spekursu. Volgograd: izd-vo VGPI im. A. S. Serafimovicha, 1983.
11. Shteba A. A. Problema opredeleniya ocenochnoj dominanty smeshannoj emocii // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 159–165.
12. Shteba A. A., Nikodimova A. D. Neopredelennaya emotivnost': yazykovaya kategorizaciya mikroemocij // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2. S. 36–43.

The representation of mixed emotions and their translation

The problem of actualization of unclear emotiveness of words in the aspect of translation at the example of the linguistic representations of mixed emotions is considered. The fictional communication models the situation of natural communication. The comparative analysis of the original and the translation of the fragments of the fictional works demonstrated that the words, nominating the emotions, don't find the successive and regular expressive means at the languages of translation: the evaluative dominant of emotions is saved, but the intensity and activity of emotions are transformed. The analysis of filmonyms, containing the nominations of emotions, demonstrated the identical process of the transformation of emotions to the discovered one in the translation with the conservation of the evaluative center.

Key words: *unclear emotiveness, mixed emotions, translation, emotive, emotive linguistics, emotive transformations of words' semantics.*

(Статья поступила в редакцию 17.02.2024)

Е. В. КУЗНЕЦОВА

Волгоград

НАЗВАНИЯ МЕЛКОЙ РЯБИ НА ВОДЕ В РУССКИХ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ

Рассматриваются наименования мелкой ряби на воде, функционирующие в русских говорах. Дialeктная лексика анализируется в структурно-семантическом, историко-этимологическом и лингвогеографическом аспектах. Структурно-семантическое варьирование диалектизмов исследуется с привлечением материалов общерусских и региональных диалектных словарей и в рамках системного подхода к описанию диалектной лексики.

Ключевые слова: диалектология, лексический атлас, диалектная лексика, диалектизм, лексика природы, ландшафтная лексика.

С момента появления первых лингвогеографических карт в начале XX в. до настоящего времени, когда над федеральными академическими проектами работают вместе ученые и студенты всей России, диалектный материал, собранный для создания карты и нанесенный на нее, вызывает живой научный интерес [1, с. 68–77]. «Лексический атлас русских народных говоров» – современный проект АН РФ. Структура Программы «Лексического атласа русских народных говоров» [10] обусловлена системным подходом к отражению лексики говоров на картах. Вопросник Программы нацелен на описание диалектной лексики с характерной для нее детализацией наименований, отражающих своеобразие природных, бытовых, хозяйственных условий той или иной местности. В результате структурирования и детализации собранного для атласа материала у исследователя появляется возможность рассматривать лексику больших или малых тематических групп, сопоставляя материал нескольких вопросов (карт), прослеживать в рамках одной карты структурное варьирование диалектизмов, при сопоставлении нескольких карт – их семантическое варьирование в рамках всего диалектного пространства русского языка. Материалом настоящего исследования является лексика, собранная по вопросу Программы ЛАРНГ 486 «Мелкая рябь», как картографируемая, так и отведенная от картографирования.

Системный принцип отбора материала для Атласа и языковая логика предполагают включение в Программу ЛАРНГ, помимо собственно диалектной, и лексики литературного языка [2, с. 356–374].

В рассмотренном нами материале были зафиксированы следующие общерусские лексемы и описательные наименования, в том числе наименования, повторяющие формулировку вопроса.

Вопрос 486 «Мелкая рябь»: **зыбь** (ср. лит. ‘легкое колебание водной поверхности, рябь на водной поверхности’ [15, I, с. 625]), **рябь, мелкая рябь** (ср. лит. **рябь** ‘легкое колебание, колыхание водной поверхности, а также мелкие волны от такого колебания; зыбь’ [15, III, с. 748]).

Далее рассмотрим собственно диалектную лексику, представленную в нашем материале.

Лексема **зыбь** в вопросе 486 «Мелкая рябь» (около 170 фиксаций) относится к общерусским наименованиям, что подтверждается контекстами: *Море зыбью делается; Зыбь – это волны маленькие, когда ветер, так морищит; Когда ветерок небольшой есть, на реке зыбь появляется; Вода стоит, зыбь бывает. Ветер дует, в заводе зыбь; Река зябнет, по ней зыбь такая идет, судорога мелкая* и др., – т.е. **зыбью** называется мелкая рябь незначительное волнение поверхности воды на водоеме или в луже.

Лексема **зыбь** имеет значительное количество фиксаций, входит в число самых частотных наименований. При этом в 28 пунктах для данной лексемы фиксируется также значение ‘высокая, большая волна’. Не исключено, что в указанных 28 районах разные значения слова зафиксированы в разных населённых пунктах и тоже не пересекаются. Следовательно, можем утверждать, что оба значения лексемы **зыбь** нашли свои ниши в лексической системе русских говоров.

В рамках вопроса 486 «Мелкая рябь» корень **-zyb-** характеризуется значительной словообразовательной активностью, в материале зафиксированы лексемы **зыбь, зыб, зыбок, зыбок, зыбók, зыбка, зыбь, зыбица, зыбун**. Соотнеся перечисленные лексемы с системой литературного языка, выявляем следующие диалектные различия. Фонематическими являются диалектизмы **zyb, зыбь**, если рассматривать начальный **в-** как протетический в составе корня. Если же рассматривать **в-** как префикс или часть префикса, то диалектизм является лексико-словообразовательным. Семантическим диалектизмом можно считать лексему **зыбун** (ср. лит. **зыбун** ‘трясина, болото, покрытые слоем растительности, образующиеся при зарастании озер, рек и т.п.’ [15, I, с. 625]). Лексемы **зыбок, зыбок, зыбók, зыбка, зыбица** совмещают словообразовательные и семантические различия, являясь собственно лексическими диалектизмами. Уменьшительно-ласкательные суффиксы **-к-, -ок-, -иц-** в этих лексемах актуализируют сему ‘маленький’, которая в общерусской лексеме **зыбь** остается материально не выраженной.

Существительные **зыбók, зыбка** зафиксированы в СРНГ. **Зыбók** – с несколькими значениями, среди которых: ‘прикрепляемый к потолку деревянный шест, на который вешают детскую колыбель’ (со ссылкой на Даля), ‘волна (на реке, море) без ветра или несоразмерная с ним’ (Черномор) [14, вып. 12, с. 29]. Таким образом, лексемой **зыбók**, по данным СРНГ, в говорах обозначается существенная по размерам волна. Лексема **зыбка** имеет 13 значений, в основном связанных с колебанием или качанием чего-либо, среди которых широко распространенное ‘детская колыбель (обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине)’, а также значение ‘качели’ (Пск., Олон.) и др. Мы предполагаем, что **зыбка** в значении ‘мелкая рябь’ является словообразовательным омонимом к **зыбка** ‘колыбель’, поскольку **зыбка** ‘мелкая рябь’ образовалось от **зыбь** ‘рябь’ плюс уменьшительный суффикс **-к-**; **зыбка** ‘колыбель’ образовалось от **зыбать** ‘качать’ плюс суффикс **-к-** ‘предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом’ [6, с. 236].

Лексемы **зыбь, зыбица**, зафиксированные в материалах ЛАРНГ, видимо, являются словообразовательными инновациями в современных говорах, поскольку не упоминаются в лексикографических источниках. Вопрос о статусе начального **в-** в составе слова **зыбь** остается открытым, предполагая три возможных варианта решения: **в-** может быть протетическим в составе корня слова, **в-** может быть отдельным префиксом, **в-** может быть частью префикса **вз-**, часто встречающегося в нашем материале (см. ниже), который добавился к корню **-zyb-**, и на стыке произошло сокращение удвоенного согласного [з].

Продолжая анализировать материалы вопроса 486 «Мелкая рябь», отметим наличие в ответах 20 фиксаций слова **зябь**. Диалектизм, безусловно, семантический, по-

сколькx *лит. зябь* – это ‘осенняя вспашка поля, а также поле, вспаханное с осени под осенний посев’ [14, вып. 1, с. 625]. *Зябь* буквально – это ‘зябнущая почва’.

Корень *-зяб-* восходит к *о.-с. *zēb-* ‘кусать, раскусывать, прорываться’; значение ‘мерзнуть’, по утверждению этимологов, появилось в русском языке позже, в XVIII в., причем нет четкого понимания того, как оно сформировалось. П. Я. Черных предполагает цепочку «прорываться, прорасть – росток – мерзнуть (сыграло роль представление о ростке, как о чем-то хрупком, нуждающемся в обогреве и защите)» [17, I, с. 332]. М. Фасмер упоминает *ст.-слав.* форму *зѣбж* ‘мерзну’ и объединяет корень *-зяб-* (*зябнуть*) с *знобить, прозябать, зуб* [16, II, с. 111]. В «Этимологическом словаре русского языка» Г. А. Крылова *зябнуть* также объединяется с *зуб* и предполагается такой переход значения: растения дают почки (*зубки*), а иначе – *зябнут*, еще в холодное время. Таким образом, начальное *зябнуть* ‘давать зубки’ переосмыслилось в ‘мерзнуть’ [18, с. 154]. Этимологически корень *-зяб-* не выражал значений, связанных с колебаниями воды или с болотными вязкими почвами. Корни *-зяб-* и *-zyb-* не являются родственными.

Корень *-zyb-* восходит к *о.-с. *zyb-*, изначально имевшему значения ‘волнистость, колебания водной поверхности’ или ‘топкое болотистое место, трясина» [17, I, с. 332].

Мы видим, что в русских говорах произошло смешение корней *зяб-* и *-zyb-*. Можем предполагать, что явилось предпосылкой такого смешения. На поверхности лежит фонетическое сходство корней как основная причина этого явления. Более того, в говорах зафиксированы формы корня *-zyb-* с мягким [з], т.е. *-зиб-*. Например, *зибун*, ‘легко проваливающаяся поверхность болота, состоящая из слоя торфа, под которым находится трясина, зыбун’ (Кыштым. Новосиб.) [14, вып. 11, с. 364]. Такой произносительный вариант еще более сближает рассматриваемые корни.

Лексикографические материалы предоставляют нам своего рода семантические доказательства процесса смешения рассматриваемых корней в говорах русского языка. Так, у Даля мы находим значения, которые могут быть связующими элементами, переходными стадиями между корнями: здесь в словарной статье *Зябнуть* указаны как переносные значения лексем *зябь* ‘трещина в лесе, в лесине, которую рвет морозом’, *зяблина* ‘гниль в дереве, снаружи, от трещины» [4, I, с. 698]. Гниль имеет консистенцию, запах, вид, близкие к трясине, которую называют *зыбью*.

СРНГ также указывает на смешение в говорах корней *-зяб-* и *-zyb-* в значении ‘топь, трясина’: *зыбель* ‘топь, трясина’ (Олон.). – Ср. *зыбель, зыбельник* [14, вып. 12, с. 369]. Похожим образом могло произойти смешение этих корней в значениях, связанных с колебанием водной поверхности, только в этом случае основанием стал перенос на основе сходства: зябнувший человек – «зябнущая» вода. Мурашки на коже замерзшего человека похожи на рябь на воде. В итоге мы имеем в ответах лексему *зябь* со значением ‘мелкая рябь на воде’ и подтверждающие это значение контексты типа: *Река зябнет, по ней зыбь такая идет, судорога мелкая*. В примере видно, что глагол *зябнуть* и существительное *зыбь* воспринимаются говорящим как родственные.

На первом месте по количеству фиксаций и по количеству словообразовательных вариантов в ответах на вопрос 486 «Мелкая рябь» находятся, безусловно, лексемы с корнем *-ряб-*. Помимо указанных выше общерусских наименований, в ответах зафиксированы диалектные лексемы *рябица, рябийца*, (а также фонетические варианты, например, *рабица*), *работá, рябóта, рябйна, рябка, на́рябь, наря́бь*, единичные *рабы, ряба, рябишка, рябу́йна, рябца́*.

Из всех перечисленных словообразовательных вариантов только лексема *работá* фиксируется в СРНГ со значением ‘колебание водной поверхности, рябь (на воде)’ (Моск.) [14, вып. 35, с. 335]. У Даля есть указание на существительное *работá* со значением ‘качество по прилагательному рябой’, которое в целом не противоречит интересующему нас значению [4, IV, с. 124]. Следовательно, это образование функционирует в

русских говорах довольно долго. Лексема **рябина** в СРНГ указывается только со значениями, связанными с растениями (рябиной и другими) [14, вып. 35, с. 331]. **Рябка** упоминается в СРНГ со значениями, далекими от нашего: 'куропатка' (Даль) и 'рябая ко-рова' (Урал.) [14, вып. 35, с. 334].

Особо следует отметить существительное **рябица**, которое не зафиксировано ни в СРНГ, ни у Даля, при этом насчитывает около 80 фиксаций в материале. Образовано это существительное от **рябь** при помощи суффикса **-иц(а)**. Это регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные женского рода с уменьшительно-ласкательным, только с уменьшительным или только с ласкательным значением (*веицица, землица, косица, лужица, сестрица* и т.п.) [6, с. 220]. Активность слова в современных говорах подтверждается его неоднократными фиксациями в современных региональных диалектных словарях, изданных в 2000-х гг. **Рябица (рябйца)** со значением 'мелкая рябь, зыбь' зафиксировано в следующих словарях: «Словарь вологодских говоров» [11, 9, с. 79], «Владимирский областной словарь: лексика природы» [3, с. 104], «Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь» [7, с. 247], «Комплексный тематический словарь лексики современных русских говоров Урала» [5]. Таким образом, можно говорить об относительной новизне этого словообразовательного варианта по сравнению с другими перечисленными.

Лексемы **рябишка, рябушина, рябца, рабы, ряба** также не зафиксированы в СРНГ, не упоминаются в каких-либо значениях в словаре Даля, что вполне объяснимо: это единичные наименования в материале вопроса, являющиеся словообразовательными и/или семантическими (**ряба**) инновациями.

Единственное в материале приставочное образование с рассматриваемым корнем – существительное **на́рябь**. В словаре Даля оно упомянуто со значением 'мелкая рябь, на поверхности чего-либо' [4, II, с. 465], в СРНГ же не зафиксировано. В материале вопроса 486 есть 15 карточек с этой лексемой. Анализируя диалектные словари, мы нашли лексему **на́рябь** только в Дополнениях к «Словарю русских говоров Среднего Урала», изданных в 1996 г. [13, с. 332], следовательно, предполагаем, что лексема **на́рябь** (как и **рябица**) относительно нова в русских говорах.

Далее в рамках вопроса 486 «Мелкая рябь» рассмотрим существительное **бру́я (бруя́)**. Интересной представляется внутренняя форма этого слова. СРНГ отмечает оба ударных варианта со значением 'рябь на воде (не от ветра, а от быстрого течения, плывущего судна и т.п.)' (Свердл., Новоросс., Даль) [14, вып. 3, с. 212]. В. Даль связывает существительное **бруя** 'струя' с глаголом **бруйть** 'сильно стремиться, струиться руслом' [4, I с. 132]. Глагол **бруйть** в СРНГ фиксируется в двух значениях: 'стремительно, быстро течь' (Даль, без указ. места) и 'жужжать, гудеть' (без указ. места) [14, вып. 3, с. 201], с похожим значением 'издавать гудящий звук, жужжать' (Лит. ССР, Латв. ССР) здесь же зафиксирована форма **бруять** [14, вып. 3, с. 212].

М. Фасмер объединяет существительное **бруя** в значении 'струя', с рус. **бруйть** 'быстро течь, струиться', блр. **бруй** 'страдающий недержанием мочи', **бруйць** 'мочиться', **брулі** мн. 'моча', польск. **bruić, bruć**. Указывает на родство **бруя** с литовскими, греческими, армянскими словами со значениями 'продираться, пробиваться', 'источник'. Мы видим, что корень **бруй-** пришел изначально в русский язык со значениями, связанными с течением жидкости, далее путем метонимического переноса в русских говорах появились значения, связанные со *звуками*, издаваемыми текущей жидкостью, и далее со *звуками*, подобными издаваемым жидкостью. Значение 'мелкая рябь на воде' у существительного **бруя**, судя по всему, является самым поздним, считаем, что оно образовалось также путем метонимического переноса с обозначения движения жидкости на название внешнего вида поверхности жидкости (при течении воды на ней образуется рябь).

Отдельно следует отметить наименования с некартографируемыми корнями *мырь* и *хвѣльки*. *Мырь* отмечается СРНГ со значением ‘волнение, рябь на поверхности воды, производимые камнем, затонувшей корягой’ (Амур., Волог., Смол. Иркут.) [14, вып. 19, с. 60]. В. Даль приводит форму *мыр* в словарной статье *мы́рить*: вода *мы́рит*, кружится в сувое, роет берег. (Арх.). *Мыр* – ‘место, где вода *мы́рит* от затонувшей коряги’ (сев.) [4, II, с. 365]. Невысокую частотность этого слова можно объяснить продолжающимся в настоящее время расширением первичного его значения ‘рябь, возникающая в результате попадания в воду какого-либо предмета’ и возникновением ЛСВ ‘мелкая рябь (без указания на причину волнения поверхности воды)’.

Лексема в форме мн. числа *хвѣльки* является украинизмом в русских говорах, ср. *укр. хвиля* ‘водяной вал, волна’, т.е. *хвѣльки* буквально – ‘маленькие волны’. В русских говорах функционируют варианты и с твердым, и с мягким [в], которые отмечаются и в словаре Даля, и в «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева. Однако значение в русских диалектах не ограничивается наименованием волны, а значительно расширяется. У Даля *хвѣля* (юж. зап.), *хвиль*, *хвыль* (Твр.), *хвилю́га* (Твр. Пск. Влд.), *хвылю́га*, *хвилю́за*, *хвылю́за* (Пск. Твр.) – ‘непогода, хиль, хилая погода, мокредь, дрябня, хижа, лепень, мокрый снег; вьюга, метель’ [4, IV, с. 545]. Э. М. Мурзаев отмечает лексему *хвиля* ‘волна, буря, порыв ветра’ (*укр.*), а также русские диалектные формы *хвиль*, *хвыль*, *хвыля*, *хвилюга*, *хвилюза* [9, с. 592]. Значение ‘мелкая рябь, небольшая волна’, возникшее у словообразовательного варианта *хвѣльки*, благодаря наличию уменьшительного суффикса, – хороший пример словообразовательной активности диалектной лексики, которая является средством расширения семантики корней слов.

Продолжая тему развития и изменения диалектной лексики, следует сказать о единицах, отведенных от картографирования. Слова, отведенные от картографирования, выглядят, на первый взгляд, как неточные, неверные наименования описываемого явления (хотя ошибки собирателей, конечно, тоже не исключены). Однако эти единицы интересны в плане анализа того, как развивается структура и семантика литературных и диалектных единиц в современных говорах, например, как путем метафорического или метонимического переноса, добавления аффиксов, изменения грамматических характеристик расширяется семантика некоторых корней. В материалах вопроса 486 «Мелкая рябь» зафиксированы лексемы *барáшки*, *буру́нчики*, *бе́лка*, *белкі́*, которые первично обозначают белую пену на волнах, пенящиеся волны. Все слова имеют уменьшительно-ласкательные суффиксы, привносящие в значение слова сему ‘маленький’, что, возможно, и явилось средством развития значения ‘мелкая рябь’. Слова *толкунѣц*, *толкунцы*, *толкушка*, *толчея* в русских говорах обозначают ‘волны, сталкивающиеся и разбивающиеся друг о друга’ [14, вып. 44, с. 192]. Речь, видимо, идет о небольших волнах, сталкиваются мелкие волны, близкие по виду к ряби, следовательно, для носителя диалекта логичным становится ответ *толкунцы* и др. на вопрос о названии мелкой ряби в говоре. Примером активного словотворчества в говорах являются образные окказиональные наименования мелкой ряби, например, *дорога*, *зайчики*, *рыбешка*, *рыбья* чешуя, которые основаны на метафорическом переносе и создают яркие зрительные образы.

Подводя итоги анализа материала ЛАРНГ по вопросу 486 «Мелкая рябь», отметим, что диалектная лексика в рамках рассматриваемой микротемы показывает активное словообразовательное варьирование (*зыбь*, *зыб*, *зы́бок*, *зыбок*, *зыбо́к*, *зы́бка*, *взыбь*, *зы́бица*, *зыбун*). При этом значительное количество вариантов имеют статус единичных фиксаций, т.е. являются словообразовательными инновациями (*рябушина*, *рябца* и др.), что находится в рамках общедиалектной активности словообразовательного варьирования, отмечаемой исследователями говоров. Анализ с опорой на региональные диалектные словари и другие лексикографические источники позволил отметить в на-

шем материале также семантическое варьирование диалектной лексики: расширение и сужение значений слов, метафорические и метонимические переносы при формировании значения (*зябь, бруя*). И, безусловно, рассмотренная лексика характеризуется фонетическим варьированием: акцентные варианты (*бру́я, бруя́*), варианты фонемного состава (*ря́бица, ра́бица*).

Список литературы

1. Брысина Е. В., Супрун В. И. Становление и развитие русской лингвогеографии и лингвокартографии // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1 (01). С. 68–77.
2. Вендина Т. И. Русская диалектная лексика в лингвогеографическом аспекте // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 356–374.
3. Владимирский областной словарь: лексика природы / Р. С. Канунова, Е. М. Матсапаева, К. В. Епифанова; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2012.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1–4. М.: Рус. яз., 2000.
5. Демидова К. И. Комплексный тематический словарь лексики современных русских говоров Урала: Учеб. пособие. (Электронный ресурс). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015.
6. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. Ок. 1900 словообразов. единиц. 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2005.
7. Кошарная С. А., Алейник А. С., Медведева А. И. Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь: 3 700 слов / Под общ. ред. С. А. Кошарной. Белгород: ООО «Эпицентр», 2017.
8. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Кн. изд-во, 1979.
9. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.
10. Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. В 2-х ч. Ч. 2. СПб.: Науч.-изд. центр «Нега», 1994. С. 212–335.
11. Словарь вологодских говоров: Учеб. пособие по русской диалектологии / Вологодский гос. пед. ин-т. Вып. 6. Вологда: Русь, 2002.
12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. Вып. 1–6 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 1994–2005.
13. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–47 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., Словарный сектор. М.: Наука, 1965–2014.
15. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1–4 / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1–4 / Пер. с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2007.
17. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. Т. 1–2. Изд. 4-е, стер. М.: Рус. яз., 2001.
18. Этимологический словарь русского языка / Сост. Г. А. Крылов. СПб.: Victory, 2004.

* * *

1. Brysina E. V., Suprun V. I. Stanovlenie i razvitie russkoj lingvogeografii i lingvokartografii // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1 (01). S. 68–77.
2. Vendina T. I. Russkaya dialektnaya leksika v lingvogeograficheskom aspekte // Slavyanskij al'manah. 2016. № 1–2. S. 356–374.
3. Vladimirskij oblastnoj slovar': leksika prirody / R. S. Kanunova, E. M. Matsapaeva, K. V. Epifanova; Vladim. gos. un-t im. A. G. i N. G. Stoletovyh. Vladimir: Izd-vo VLGU, 2012.

4. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. T. 1–4. M.: Rus. yaz., 2000.
5. Demidova K. I. Kompleksnyj tematicheskij slovar' leksiki sovremennyh russkih govorov Urala: Ucheb. posobie. (Elektronnyj resurs). 2-e izd., ispr. i dop. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2015.
6. Efremova T. F. Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo yazyka. Ok. 1900 slovoobrazov. edinic. 2-e izd., ispr. M.: AST: Astrel', 2005.
7. Kosharnaya S. A., Alejnik A. S., Medvedeva A. I. Opyt oblastnogo slovaryya Belgorodchiny. Differencial'no-sopostavitel'nyj slovar': 3 700 slov / Pod obshch. red. S. A. Kosharnoj. Belgorod: OOO «Epicentr», 2017.
8. Merkur'ev I. S. Zhivaya rech' kol'skih pomorov. Murmansk: Kn. izd-vo, 1979.
9. Murzaev E. M. Slovar' narodnyh geograficheskikh terminov. M.: Mysl', 1984.
10. Programma sobiraniya svedenij dlya leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov. V 2-h ch. CH. 2. SPb.: Nauch.-izd. centr «Nega», 1994. S. 212–335.
11. Slovar' vologodskih govorov: Ucheb. posobie po russkoj dialektologii / Vologodskij gos. ped. in-t. Vyp. 6. Vologda: Rus', 2002.
12. Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej: V 6 vyp. Vyp. 1–6 / Gl. red. A. S. Gerd. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgsk. un-ta, 1994–2005.
13. Slovar' russkih govorov Srednego Urala. Dopolneniya / Pod red. A. K. Matveeva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1996.
14. Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–47 / Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz., Slovarnyj sektor. M.: Nauka, 1965–2014.
15. Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. T. 1–4 / RAN, In-t lingv. issled.; pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus. yaz.: Poligrafresursy, 1999.
16. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. T. 1–4 / Per. s nem. i predislavie O. N. Trubachyova. 4-e izd., ster. M.: Astrel': AST, 2007.
17. Chernyh P. Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2-h t. T. 1–2. Izd. 4-e, ster. M.: Rus. yaz., 2001.
18. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka / Sost. G. A. Krylov. SPb.: Victory, 2004.

Naming of ripple effects at water surface in the Russian territorial dialects

The naming of ripple effects at water surface, functioning in the Russian dialects, is considered.

The dialectal vocabulary is analyzed in the structural and semantic aspect, historical and etymological aspect and linguogeographical aspect. The structural and semantic variation of dialectisms is discovered with the attraction of the material of the All-Russian and regional dialectal vocabularies and in the context of the system approach to the description of the dialectal vocabulary.

Key words: *dialectology, lexical atlas, dialectal vocabulary, dialectism, nature vocabulary, landscape vocabulary.*

(Статья поступила в редакцию 13.02.2024)

С. М. РУДОМЕТОВА

Волгоград

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОВОРА С. ВЕРХНЕПОГРОМНОЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (на материале диалектологической экспедиции 2023 г.)

Описывается современное состояние говора с. Верхнепогромное Волгоградской области, анализируются фонетические, грамматические и лексические особенности на современном этапе развития.

Ключевые слова: волгоградские говоры, диалект, верхнепогроменский говор, севернорусские особенности, южнорусские особенности.

В настоящее время российские диалектологи активно занимаются исследованием народной речи. Одним из направлений этой деятельности является работа по составлению Лексического атласа русских народных говоров, материал для которого собирается в ходе диалектологических экспедиций. С 1946 года и по настоящее время на кафедре русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета ведется работа по сбору и исследованию материалов говоров Волгоградской области.

В данной статье будут рассмотрены языковые особенности говора с. Верхнепогромное Волгоградской области.

В Среднеахтубинском районе Волгоградской области располагается село Верхнепогромное, которое было основано в 1777 г. оренбургскими и донскими казаками, посланными в Ахтубинскую пойму за участие в пугачевском бунте (1773–1775 гг.). В первые годы своего существования оно называлось Верхняя Погромная слобода (1777–ок. 1783). Свое название она получила в память о прежнем месте службы оренбургских казаков – редуте Погромный Самарской укрепленной линии (Самарской дистанции).

Самарская дистанция – это учрежденная в 1736 г. линия крепостей вдоль р. Самара. Общая протяженность дистанции составляла около 430 верст. Службу в каждой из крепостей несли небольшая команда из гарнизонных солдат и казачий отряд. В начале 1770-х гг. в состав дистанции от устья Самары к ее верховьям входили город Орск, приписной городок Алексеевск, крепости Мочинская (слобода служилых татар), Красносамарская, Борская, Елшанская и Бузулукская (главная на дистанции), редут Погромный, крепости Тоцкая, Сорочинская и Новосергиевская, редут Полтавский и крепость Переволоцкая (1773–1775) [5]. О редуте Погромный упоминается в Оренбургской пушкинской энциклопедии [2].

До начала строительства Сталинградской ГЭС существовало три отдельных посёлка: Верхнее Погромное (народное название Каляманы), Среднее Погромное (народного названия не имело) и Нижнее Погромное (народное название Городок). В настоящее время территория поселков Среднепогромное и Нижнепогромное является северной частью г. Волжский.

Говор с. Верхнепогромное входит в группу волжских говоров Волгоградской области. Волжские говоры – гетерогенные. Л. М. Орлов выделил 7 групп говоров волгоградского Поволжья, но говор с. Верхнепогромное не принадлежит ни одной из этих групп [3, с. 91–93]. Он входит в группу среднерусских говоров, которую выделила Р. И. Кудряшова [1, с. 40–41].

В современном состоянии верхнепогромненскому говору присущи следующие фонетические, грамматические и лексические черты.

1. Фонетические особенности говора с. Верхнепогромное:

- аканье, яканье (*агарОт, намадОры, вчарА, тьякА, вядром*), которое является типичной особенностью волгоградских говоров, южнорусских в своей основе;
- полная редукция гласных (*вырсли, сковрады*);
- выпадение звука в интервокальном положении (*баушка, када, волский*);
- отсутствие перехода [е] в [о] под ударением (*вЕдра, вЕдров*);
- перенос ударения с флексии на основу (*не мОгу, скОворода, сЕмью, скАжу*);
- типичный переход ударенного [а] в [о] после твердых согласных (*плОтють, вОрим, сОдим*).

В южнорусских говорах на месте [а] под ударением звучит [о]. Возникло это диалектное различие тогда, когда древнее неподвижное ударение на окончании в формах настоящего времени этих глаголов стало в части говоров заменяться подвижным ударением, что обусловлено аканьем – совпадением *о* и *а* в одном звуке в первом предударном слоге. Когда в формах *варишь, салишь* и т.п. ударение передвигалось на корень, говорящие должны были заменить предударный гласный [а] ударным [а] или [о]. В одних случаях этот выбор говорящими ударного гласного соответствовал его этимологии, в других случаях – нет [4, с. 35].

- Аналогические замены ударенного [а] на [о] после твердых согласных [1, с. 10];
- лексикализованный переход начального [а] в [И] в лексеме *игурцЫ*; такое произношение [и] на месте [а] второго предударного слога в начале слова встречается на территории восточных среднерусских акающих говоров [4, с. 53], в медведицких говорах и в цокающих мешчерских говорах Волгоградской области [1];

- переход начального звука [в] в [у] (*унУки, ус'О*);
- переход [чн] в [шн] (*горчишное масло, круглосуточный магазин, малошная каша*).

Во многих говорах в результате диссимилиации согласных более последовательно, чем в литературном языке, произошло изменение сочетания *чн* в [шн] [4, с. 77].

- [Г] взрывной (*года уже ни те, што раньше, агарот у нас там; самагонку ставили на стол, галушки делали*).

В работе Л. М. Орлова указано, что смычно-взрывной звонкий задненёбный [г] известен в части волжских говоров, в том числе в западных ахтубинских говорах [3, с. 14].

2. Грамматические особенности говора с. Верхнепогромное:

- [т'] в формах глаголов 3 лица ед. и мн. ч. (*ражиствУють, живёть, идёть, ра-стёть, поливають*);

- переход глаголов 2 спряжения в 1 (*не плОтют, вхОдют*).

В южнорусских говорах у глаголов с безударными окончаниями эти два спряжения, в основном, не различаются [4, с. 145].

- Флексия *-е* в формах родительного и предложного падежей единственного числа имен существительных (*у маме, в степе*);

- флексия *-ов* в формах родительного падежа множественного числа имен существительных (*подружков, машинок, конфеточков, ведров, могилков, овечков*);

- безударная флексия *и/ы* в формах именительного падежа множественного числа имен существительных *ребяты, девчаты, утяты* и т.п. (*Были парасяты, делали павидлы*);

- флексия *-е* в формах родительного падежа у местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа (*у мене, у тебе: мене спрашивают, тебе ни видна*);

- флексия *-ый* после заднеязычных у имен прилагательных (*горький, высокий, худенький*);

– стяженные формы имен прилагательных и неличных местоимений (*чистоплотна, така (таку), стара, кака (какая)*).

Стяженные окончания распространены в севернорусских говорах, а также в говорах к востоку от Москвы. У местоименных прилагательных *какой, такой* стяженные формы широко распространены [4, с. 137].

– Особые формы притяжательных имен прилагательных (*женихова родня, нивестина*);

– употребление предлога *у* вместо *в* (*у хате, у час ночи, у доме*); предлога *с* вместо *из* (*варенье с вишни, с груш, с яблок варили кампот*); предлога *в* вместо *у* (*в саседях был, в маеи падруги*); предлога *от* вместо *для* (*трафки от печени, от желудка*);

– лексикализованное употребление предлога *в* (*играть в гармонь*);

– постпозитивная частица *–то* (*баню-то, дорогу-то проложили*), типичная черта севернорусских говоров.

3. Лексические особенности говора с. Верхнепогромное

По словам местных жителей, население с. Верхнепогромное называли *Каляманами*, а село Нижнее Погромное и его население – *Городок*. В Городке до революции располагалось относительно богатое население, проживавшее в отстроенных домах и имевшее хороший достаток, в то время как про *каляманов* говорили: «Каляманы – нищета». Местному населению приходилось проживать в ветхих самодельных постройках, либо в землянках.

В Словаре русских народных говоров зафиксированы следующие наименования, близкие по звучанию номинации *Каляманы*:

Калама, *ы, жс*. Кошелек с деньгами, мошна. Волог., Баженов. *Велика ли у ты калама-то?* Волог., 1902 [7, вып. 12, с. 334].

Калема, *ы, жс*. Косноязычный, неразборчиво произносящий слова, бормочущий человек. Холмог. Арх., 1907 [7, вып. 12, с. 350].

Коламат, *а и у, м*. 1. Суета, беспокойство. *Стольки у восень коламаты*. Красногор. Брян., 1970. 2. Крик, шум. *Коламаты наделали*. Новозыбк. Брян., 1963 [7, вып. 14, с. 169].

Из приведенных примеров к названию местных жителей наиболее близок вариант **калема** ‘косноязычный, неразборчиво произносящий слова, бормочущий человек’, т.к. в говоре данная лексема вследствие яканья может произноситься как *каляман*. **Коламат** в значении ‘суета, шум, крик и беспокойство’ тоже может иметь отношение к образованию прозвища местных жителей, если предположить их крикливый, суетливый характер.

Между жителями соседних сел Верхнепогромное и Нижнепогромное существовало противостояние, которое иногда переходило в традиционные уличные кулачные бои, называемые в народе *кулачками* и устраиваемые по принципу «село на село», предпочтительно зимой. В таких боях участвовали только мужчины. Мы узнали поговорку, которая использовалась, чтобы подшутить над соперниками и спровоцировать драку: *Чашки, ложки, чугуны, каляманы – брехуны*.

Жители с. Верхнепогромное вспоминают, как ходили на кулачки и устраивали подобные драки с жителями соседних сел.

Кулачки ‘кулачный бой, драка’. (*Мы на кулачки ходили. Чашки, ложки, чугуны – Каляманы брехуны – такой дразнилкой часто и начинались кулачки*).

Село у нас тогда делилось на городки и каляманы, и вот они не дружили, стенка на стенку ходили друг на друга, вечно какие-то разборки были).

В Словаре русских народных говоров зафиксирована лексема *кулачиться* со значением ‘бить друг друга кулаками, драться’ [7, вып. 16, с. 54]. Местные жители рассказали, что о неместных, тех, кто приехал в село, говорили: *Их очень много, и говорили о*

них, что на бревне по Волге приплыли. Таких людей называли *пришлые* ‘прибывшие из города, неместные жители’.

Рассмотрим и другие лексические единицы верхнепогроменского говора.

Среди детских уличных игр отмечается такое название, как *кулюшки* ‘игра в прятки’. Выбранный с помощью считалки игрок должен *кулюкать*, т.е. водить. Лексема с подобным значением зафиксирована в СРНГ в курских, челябинских, сибирских, воронежских говорах: *Кулюкать* – играть в прятки. Дождаясь, пока играющие прячутся, произносить с закрытыми глазами определенные слова [7, вып. 16, с. 76].

В Словаре донских говоров Волгоградской области встречается лексема *кулючки* с подобным значением [6, с. 216].

Есть и другие названия игр, например, *чижик* ‘игра на тренировку меткости’ (*есть чижик обыкновенный, а есть китайский*). К сожалению, детального описания данных видов игры нами получено не было.

Игра в хлюст ‘один из видов карточных игр’ (*играли в хлюста на паску. Каждый ложил по яйцу, потом раздавались карты и то ли по очкам, то ли по масти карт каждый забирал себе яйца. Выигрывал тот, у кого больше всего яиц*).

Большинство лексических единиц, записанных нами, отражают быт и трудовую деятельность жителей.

АрбУзница ‘квадратная тележка для перевозки арбузов’. В СРНГ встречается лексема *арбузница* в волжских говорах со значением ‘небольшая баржа, приспособленная для перевозки арбузов с низовьев Волги вверх по реке’ [7, вып. 1, с. 271].

БазЫ ‘загон для скота’ (*зимой найдем на базы скатину кармить*). Широко употребляется в русских говорах (донских, саратовских, рязанских, пензенских и др.) [7, вып. 2, с. 47].

Голик ‘старый веник из сухой травы’ (*твердым голиком чистили полы*). С подобным значением лексема зафиксирована в СРНГ в вологодских, новгородских, архангельских, вятских, новосибирских, пензенских, смоленских говорах [7, вып. 5, с. 294].

ДвухОлка ‘телега с двумя колёсами’.

ГрУбка ‘небольшая печь для приготовления пищи и отопления дома’. В Словаре русских народных говоров зафиксирована данная лексема в курских, орловских, тульских, калужских, воронежских, рязанских, пензенских, смоленских и других говорах [5, вып. 7, с. 105]. В Словаре донских говоров Волгоградской области тоже зафиксирована данная лексема с подобным значением [6, с. 123].

Доёнка ‘ведро, в которое доят молоко’ (*В даёнку малако сабирали мы*). В Словаре донских говоров Волгоградской области лексическая единица *доёнка* встречается с подобным значением [5, с. 144].

ЗЕмбель ‘корзина из камыша’ (*идёшь, несёшь зембель*). В Словаре донских говоров встречается данная лексема с подобным значением: ЗЕмбель [зёмбиль], -я, -и, м. Плетеная из куги, чакана сумка, корзина [6, с. 208].

КолОда ‘посуда для рубки капусты’ (*в колоде рубили капусту, шоб потом солить*). С подобным значением встречается слово в рязанских говорах [7, вып. 14, с. 154].

Кошёлка ‘приспособление для ловли рыбы’. В Словаре донских говоров зафиксирована данная лексема с подобным значением [6, с. 269].

КизИки ‘спрессованный кирпичиками и подсушенный навоз’ (*Гарели кизики сильна*). С подобным значением в Словаре донских говоров Волгоградской области зафиксирована лексема *кизек* [6, с. 243].

Кутник ‘место, лежанка между стеной и печью’ (*кутник у нас был, накидали мы туда шубников, тулупов и лежим*). В Словаре русских народных говоров лексема *кутник* означает широкую лавку наподобие ларя, с дверками или решеткой с боковой стороны, расположенную вдоль задней стены дома, у входной двери (служит

для спанья). Была зафиксирована в архангельских, ярославских, пинежских говорах [7, вып. 16, с. 171].

Чалмушка 'блюдо из арбуза' (в кажуре арбуза мякоть перемешивали с солью и хлебом, и потом ели ложкой, и называли чалмушкой).

Рассмотренная лексика смешанная, в большинстве своем южнорусская или общерусская: *колода, базы, арбузница, грубка, кизики*, но часто употребляется и севернорусская: *кутник, голик, зыбка, ухват, кови*.

Говор с. Верхнепогромное Среднеахтубинского района Волгоградской области смешанный: содержит типичные южнорусские черты: аканье, яканье, [т'] мягкий в окончаниях глаголов 3 лица, но также и севернорусские черты: взрывной [г], постпозитивную частицу *-то*, стяженные формы имен прилагательных и неличных местоимений. Лексика говора смешанная, содержит и общерусские наименования предметов быта, и южнорусские (*колода, базы, арбузница, грубка, кизики*), и севернорусские (*кутник, голик, зыбка, ухват, кови*).

Проанализировав современное состояние говора с. Верхнепогромное Среднеахтубинского района Волгоградской области, мы пришли к выводу, что говор сохраняет диалектные особенности на всех уровнях языка.

Список литературы

1. Кудряшова Р. И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: Учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 1997.
2. Оренбургская пушкинская энциклопедия. Путешествие–1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы / Авт. и сост.: д-р ист. наук Р. В. Овчинников, акад. Л. Н. Большаков. Оренбург: Печ. дом ДиМур, 1997.
3. Орлов Л. М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1984.
4. Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
5. Самарская дистанция // Хронос. Всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/land/russ/samar_dist.html?ysclid=lvmmn06ke3321677463 (дата обращения: 22.02.2024).
6. Словарь донских говоров Волгоградской области / Сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брыкина, В. И. Супрун / Под ред. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 1– 52. Л.-СПб.: Наука, 1965–2023 (СРНГ).

* * *

1. Kudryashova R. I. Slovo narodnoe. Govory Volgogradskoj oblasti v proshlom i nastoyashchem: Ucheb. posobie. Volgograd: Peremena, 1997.
2. Orenburgskaya pushkinskaya enciklopediya. Puteshestvie – 1833. Realii «Istorii Pugacheva». Prototipy «Kapitanskoy dochki». Issledovateli i interpretatory / Avt. i sost.: d-r ist. nauk R. V. Ovchinnikov, akad. L. N. Bol'shakov. Orenburg: Pech. dom DiMur, 1997.
3. Orlov L. M. Russkie govory Volgogradskoj oblasti: Ucheb. posobie. Volgograd: Izd-vo VGPI im. A. S. Serafimovicha, 1984.
4. Russkaya dialektologiya: Uchebnik dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij / Pod red. L. L. Kasatkina. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2005.
5. Samarskaya distanciya // Hronos. Vsemirnaya istoriya v internete. URL: http://www.hrono.ru/land/russ/samar_dist.html?ysclid=lvmmn06ke3321677463 (data obrashcheniya: 22.02.2024).
6. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / Sost. R. I. Kudryashova, E. V. Brysina, V. I. Suprun / Pod red. R. I. Kudryashovoj. Volgograd: Izdatel', 2011.
7. Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1– 52. L.-SPb.: Nauka, 1965–2023 (SRNG).

***The functioning of the dialect of the Verkhnepogromnoe rural settlement
of the Volgograd region (at the material of the dialectological
expedition in 2023)***

*The modern state of the dialect of the Verkhnepogromnoe rural settlement of the Volgograd region
is described. The phonetic, grammatical and lexical peculiarities at the modern
stage of development are analyzed.*

Key words: *Volgograd dialects, dialect, Verkhnepogromenskiy dialect, Northern Russian
specific features, Southern Russian specific features.*

(Статья поступила в редакцию 05.03.2024)

Н. В. ТИТАРЕНКО

Волгоград

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИСПАНСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-УРБАНИЗМОМ**

Рассматриваются фразеологические единицы испанского языка с компонентом-урбанизмом. Анализируются основные терминологические проблемы современной испанской фразеологии. Уделяется внимание анализу национально-культурной специфики испанских фразеологизмов, в состав которых входит наименование города, описываются некоторые группы фразеологических единиц с компонентом-урбанизмом, характеризуются их основные признаки и особенности.

Ключевые слова: *испанский язык, фразеологизм, национально-культурная специфика, метафора, символ.*

Спектр изучаемых иностранных языков в современном мире, где правят законы и процессы глобализации, достаточно обширен и разнообразен. Согласно данным Института Сервантеса, в 2023 году изучали испанский язык как иностранный более 23 миллионов человек в 111 странах мира, что делает его вторым (после китайского) по распространенности [5, с. 32]. Конкретный язык (в данном случае испанский) таким образом становится достоянием мира. Многие языковые процессы на современном этапе протекают как глобальные, свойственные практически каждому языку. Фразеологический корпус является именной той частью языка, которая сохраняет его своеобразие, отражая культурные паттерны, аксиологические установки, национальную специфику.

В испанской лингвистической традиции фразеология на современном этапе углубляется больше в узус, чем в теоретическое структурирование и анализ. М. Секо, создавая свой фразеологический словарь, утверждал, что «fraseología recubre no solo las locuciones en sentido propio, sino todas las combinaciones de palabras que, en su práctica de idioma, no son formadas libremente por el hablante, sino que se le dan ya prefabricadas, como “paquetes” que tienen en la lengua un valor propio establecido por el uso tradicional» [4, с. XIII] («Фразеология охватывает не только выражения в собственном смысле, но и все словосочетания, которые в своей языковой практике не образуются говорящим свободно, а даются ему уже готовыми в виде «связок», которые имеют в языке собственное значение, установленное традиционным употреблением») (Перевод здесь и далее наш. – Н.Т.).

Группы слов, объединенные единым смыслом, давно привлекают внимание лексикографов и включаются в словари под различными наименованиями: *giro, idiotismo, solecismo, modismo, locución, expresión idiomática, frase proverbial, frase figurada familiar, frase hecha, dicho, manera de decir, expresión* и т.п.

В теоретических работах по испанской фразеологии зачастую смешиваются явления фразеологизации и развития переносных значений слов и словосочетаний, поэтому одним из основных критериев выделения фразеологической единицы (ФЕ) обычно считается невыводимость значения ФЕ из суммы значений ее составляющих [2, с. 23].

Анализируя существующие на данную тему работы, К. Отаола Олано приходит к выводу, что основным признаком ФЕ является то, что она «*se comporta denotativamente como si fuera una única pieza léxica*» [7, с. 52] («*денотативно ведет себя так, как если бы это был единый лексический фрагмент*»).

В словаре *Diccionario Fraseológico Documentado del Español Actual* авторы предлагают использовать термин *locución* и дают ему следующее определение: «*agrupaciones más o menos fijas de palabras; conjuntos que tienen su función gramatical (nombre, pronombre, adjetivo etc.) como la tienen las palabras individuales; y que también, como si fuesen palabras individuales, tienen un valor estable propio. Este valor no es la suma de los valores de sus componentes*» [4, с. XII] («*более или менее устойчивые сочетания слов; словосочетания, имеющие свое грамматическое значение (имя, местоимение, прилагательное и др.) так же, как оно есть и у отдельных слов; и имеющие собственное устойчивое значение, как если бы они были отдельными словами. Это значение не является суммой значений его компонентов*»). Уточняя терминологическую базу, авторы конкретизируют и понятие *modismo*, констатируя, что оно лишь видовое по отношению к первому и относится только к образным или народным выражениям: «*expresión imaginativa, pintoresca o folklórica*» [4, с. XIII]. Не включаются в объем фразеологии пословицы (*refranes*) и устойчивые словесные комплексы (*combinaciones fijas que son denominaciones normales*).

При всей сложности феномена для испанских лингвистов важен факт того, что «*los modismos no son solo hechos lingüísticos sino también culturales*» [9, с. 7] («*фразеологизмы являются не только фактами лингвистическими, но также и культурными*»). Понимание и применение ФЕ есть не что иное, как межкультурная компетенция, для которой, по мнению И. Иглесиаса, в полной мере важно комбинировать понимание культуры собственной с ее адаптацией к культуре общей [6].

Большая часть фразеологического корпуса языка метафоризирована, при этом основное значение, заложенное в ФЕ, приобретает новые оттенки, играет новыми красками. Г. Рейес справедливо замечает, что «*las metáforas e ironías no son adornos de la conversación sino medios de comunicar gamas muy amplias de implicaturas de diferente rango*» [8, с. 63] («*метафоры и ирония – это не приукрашивание разговора, а средство передачи очень широкого спектра имплицатур различного ранга*»).

Урбанистические фразеологизмы есть своего рода сгустки культурно значимой информации, поскольку раскрывают свое значение метафорически, передавая гамму ассоциаций, связанных с названием того или иного города.

В испанской фразеологии можно выделить несколько типов ФЕ, семантика которых связана с названиями городов:

1. Фразеологизмы, построенные на основе метафорического переосмысления образа города, упоминающегося в Библии, мифах, всемирно известных литературных произведениях и т.п.

Поскольку данные тексты наполнены символикой, упоминаемый в них город становится городом-символом, его название метафорически переосмысливается и приобретает ассоциативные коннотативные оттенки. Многие из подобных ФЕ, как правило, фиксируются в нескольких языках и образуют межъязыковую фразеологическую параллель. Приведем примеры.

Torre de Babel (вавилонская башня) – ‘многолюдное, шумное место’ – значение этой ФЕ восходит к библейской легенде о сооружении в Древнем Вавилоне башни до небес с целью добраться до Бога, которую разгневанный Бог разрушил и смешал языки людей, чтобы они не могли понимать друг друга. *Caballo de Troya* (троянский конь) – ‘обманчивая услуга, тайный замысел’ – выражение восходит к одному из эпизодов древнегреческого эпоса, когда греки спрятали воинов в огромном деревянном коне, которого преподносили в качестве дара троянцам. *Ser la Meca* (Мекка) – ‘место, куда стремят-

ся, предмет поклонения' – священный город магометан, привлекающий миллионы паломников. *Gólgota (Голгофа)* – 'место мучений, страданий' – холм в окрестностях Иерусалима, где, по евангельскому преданию, был распят на кресте Иисус Христос.

2. Фразеологизмы, построенные на основе метафорического переосмысления образа города, с названием которого в том или ином национальном языке связаны похожие ассоциации. Национально-культурная специфика таких ФЕ проявляется в использовании именно того урбанизма, который наделен в данном языке похожими ассоциациями. Приведем примеры.

В результате переосмысления ситуации *доставлять предметы туда, где они находятся в избытке* рождается метафорическое значение 'заниматься бесполезным делом', которому именно использование урбанизма придает в разных языках свой культурный код, – например, в испанском языке это *llevar hierro a Vizcaya* (букв. *доставлять железо в Бискайю*), который в русском языке при дословном переводе теряет коннотативные смыслы, поскольку для многих русских людей этот культурный код не расшифровывается. Однако данная модель актуальна и для русского языка, где подобное значение выражено в ФЕ *ездить в Тулу со своим самоваром*.

Значение 'выдавать за открытие всем известную истину, говорить банальные вещи как нечто новое' в испанском языке передается фразеологизмом *descubrir el Mediterráneo* (букв. *открыть средиземноморье*), что в русском языке находит свое отражение в ФЕ подобной модели с значением *открыть Америку*.

Значение 'очень далеко' само по себе обозначает место, поэтому локальные метафоры, топонимы, всевозможные выражения с использованием урбанизмов и без них в разных языках метафоризируются в соответствии с национальным культурным кодом: *de aquí a Lima/Pekín (отсюда до Лимы/Пекина)*.

Города во многом создают атмосферу жизни людей, влияют на их характер и образ мыслей, что рождает вокруг них множество закрепляющихся со временем культурных смыслов-символов. Самая обширная группа фразеологизмов, конечно, состоит из единиц, в переосмыслении которых город и есть та самая ось, вокруг которой рождается метафорическое фразеологическое значение, отражающее национально-культурную специфику. В этой группе можно выделить разнообразные виды классифицирования ФЕ: по характеристике, по степени семантической слитности, по определению ядра и т.п. В данной работе предлагается анализ фразеологизмов с компонентами-урбанизмами по степени осознания носителями языка наличия компонентов-урбанизмов в семантике ФЕ.

1. Урбанизм не осознается носителями языка как таковой: стерлась топонимическая закреплённость, либо такого города не существует. Например, выражение *tomar las de Villadiego* со значением 'очень быстро, поспешно уходить от нежелательной ситуации' утратило внутреннюю форму, поскольку города с таким названием уже нет. По мнению некоторых лингвистов, это был небольшой городок возле Бургоса, что, однако, так и остается загадкой. Во фразеологизме *estar en babia* 'быть рассеянным' урбанизм не осознается носителями языка как таковой, что отражено в современном написании единицы: город *Babia* в ней пишется со строчной буквы. Хотя существует и историческая трактовка фразеологизма, которая связана с тем, что свой летний отпуск королевский двор проводил в окрестностях Леона. Подобное явление наблюдается и с единицей *en las quimbambas* 'очень далеко', но в данной ситуации в дополнение к изменению написания со строчной буквы добавляется и утрата восприятия урбанизма как такового, что связывается с необычным планом выражения (написанием и звучанием в полной мере), характерным для кубинской провинции.

2. Урбанизм осознается носителями языка и участвует в равной степени с другими компонентами в метафоризации и создании внутреннего образа фразеологизма. Например, ФЕ *adiós, Madrid (que te quedas sin gente)* 'формула прощания с кем-то не-

значительным, нежелательным; восклицание разочарования о потере чего-либо имеет несколько историй своего толкования. Каждая из них связана с Мадридом, а точнее, именно с тем, что это столица, большой город, в который приезжают в поисках успеха, денег, славы, самореализации и т.п. Фразеологизм *revolver Roma con Santiago* 'искать во всех местах, прибегнуть к помощи совершенно разных источников' построен на метафорическом переосмыслении образов двух городов, считающихся для католиков основными местами паломничества, при этом совершенно разными по месторасположению и по идеям.

3. Урбанизм не только осознается носителями языка, но и является основным ядром, образующим смысл и внутреннюю форму, символ фразеологизма. Таковыми являются, например, ФЕ, базу которых составляют стереотипы, связанные с представлениями о самом городе, его традициях, о жителях города, их характере и т.п. Приведем примеры. В фразеологизме *estar en las Batuecas* 'замечаться, витать в облаках' отражено мнение испанцев о том, что в Батуэкасе живут дикари; в ФЕ *entre Pinto y Valdemoro* 'в неопределенной ситуации' упоминаются названия городов, расположенных очень близко, граница между ними четко не определена; ФЕ *de Madrid al cielo* 'самое лучшее место' передает несколько заносчивые представления жителей Мадрида о себе и о своем городе.

Анализируя фразеологический корпус испанского языка, можно заметить, что он, как справедливо замечает современный фразеолог Х. Кантера Ортис де Урбина, «extraordinariamente rico y muy numerosas expresiones, locuciones y frases hechas que, además de permitirle expresar las ideas, le ofrecen los medios más adecuados para manifestar cualquier suerte de sentimientos y las más íntimas emociones» («необычайно богат, очень многочисленные выражения, фразеологизмы и устойчивые сочетания помимо того, что позволяют выразить идеи, предлагают наиболее подходящие средства для выражения любого рода чувств и самых сокровенных эмоций») [3, с. 10].

Специфика фразеологизмов с компонентом-урбанизмом в испанском языке в полной мере подтверждает и иллюстрирует положение о том, что фразеологический фонд языка хранит и экстериоризирует факты национальной культуры.

Список литературы

1. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; ЛЮКС, 2005.
2. Титаренко Н. В. Национально-культурный компонент фразеологизма в сопоставительном аспекте (на материале русского, английского и испанского языков): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2008.
3. Cantera Ortiz de Urbina J. Por la pureza y por el esplendor de nuestro idioma. Centro virtual Cervantes. Biblioteca fraseológica y paremiológica. Serie «Monografías». 2012. № 1.
4. Diccionario fraseológico documentado del español actual: Locuciones y modismos españoles / M. Seco, O. Andrés, G. Ramos. Madrid, Aguilar, 2005.
5. El español: una lengua viva. Informe 2023 // Instituto Cervantes, 2023.
URL: https://www.cervantes.es/imagenes/File/espanol_lengua_viva_2023.pdf (дата обращения: 07.02.2024).
6. Iglesias I. Construyendo la competencia intercultural: sobre creencias, conocimientos y destrezas // Carabela. 2003. № 54. P. 5–28.
7. Otaola Olano C. Lexicología y semántica léxica. Aplicaciones a la lengua española. Madrid: Ediciones Académicas, 2004.
8. Reyes G. El abecé de la pragmática. Madrid: Arco Libros, 1996.
9. Prieto M. Hablando en plata (de modismos y metáforas culturales). Madrid: Edinumen, 2006.

1. Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar': okolo 6000 frazeologizmov / Pod red. V. M. Mokienko. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Astrel'; AST; LYUKS, 2005.

2. Titarenko N. V. Nacional'no-kul'turnyj komponent frazeologizma v sopostavitel'nom aspekte (na materiale russkogo, anglijskogo i ispanskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd: Volgogradskij gos. ped. un-t, 2008.

The national and cultural specific features of the Spanish phraseological units with the urbanism component

The phraseological units of the Spanish language with the urbanism component are considered. The basic terminological problems of modern Spanish phraseology are analyzed. The author pays attention to the analysis of the national and cultural specificity of the Spanish phraseological units, including the names of towns, in its content. There are described some groups of the phraseological units with the urbanism component, there are characterized their basic features and peculiarities.

Key words: *Spanish language, phraseological unit, national and cultural specific features, metaphor, symbol.*

(Статья поступила в редакцию 10.02.2024)

О. Н. ТЮТЮНОВА
Волгоград

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
КРИТИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ
(на примере немецкоязычных интернет-комментариев)**

Рассматриваются лингвостилистические способы выражения критики в интернет-комментариях к трансляции выступлений современных политических деятелей Германии. Анализируются немецкоязычные примеры эксплицитно и имплицитно выраженной личной антипатии и негативной оценки. Особое внимание уделяется иронии и аллюзии как средствам выражения авторской интенции. Проведенное исследование дополняют комментарии страноведческого характера для интерпретации скрытой в интернет-комментариях критики в адрес немецких политиков.

Ключевые слова: *политический дискурс, интернет-комментарий, ирония, аллюзия.*

Современные научные работы лингвистов показывают, что исследование политического дискурса не ограничивается только изучением свойственных ему жанров и описанием его институциональной природы. К анализу привлекаются тексты непрофессиональных агентов дискурса, т.е. обычных граждан, активно участвующих в обсуждениях политических событий (Н. Д. Голев, И. В. Савельева, С. В. Оленев и др.). Анализ так называемого обыденного политического дискурса представляется для прагмалингвисти-

ки не менее интересным, поскольку он включает в себя понимание авторской интенции и описание разнообразных речевых жанров с многочисленными стилистическими возможностями, которые не только отражают уже сформированное политическое сознание граждан, но и оказывают прямое воздействие на его формирование, что в результате может привести к желаемым изменениям на политической арене [5, с. 37].

Несмотря на большое количество опубликованных за последнее десятилетие научных работ, в которых предметом лингвистического анализа является интернет-комментарий, существуют разные определения и подходы к изучению данного языкового феномена. Общим для всех дефиниций является то, что интернет-комментарий рассматривается как самостоятельный виртуальный жанр, создающий пространство для обмена мнениями и обратной связи, усиливающий чувство принадлежности к группе единомышленников путем выражения личного отношения и оценки. Н. Г. Асмус представляет интернет-комментарий как текст, обладающий свойствами монологического и диалогического жанров. Такое сосуществование двух форм нацелено на получение ответной реакции и выражается при помощи элементов оценочных, информативных, императивных и ритуальных речевых жанров в зависимости от коммуникативной цели [1].

Т. И. Стеклова выделяет жанрообразующие характеристики интернет-комментария: оценочность, императивность, реактивность и ориентирование на дальнейшую коммуникацию, а также лингвостилистические особенности: использование лексики разговорного стиля, элементов просторечия, разнообразных приемов экспрессии, которые апеллируют к эмоциям и разуму человека [3, с. 82–89].

Нельзя не согласиться с выводами исследователей С. В. Ивановой и В. М. Зубаревой о том, что одна из основных целей интернет-комментария заключается в выражении оценки и личного отношения к представленным фактам, событиям и т.п. [2].

Говоря об оценке политических событий, предлагаемых в интернет-комментариях, отметим, что стимулом к написанию комментария у непрофессиональных агентов политического дискурса является прежде всего высказывание критики. Учитывая тот факт, что открытость и полная свобода интернет-комментария как особой площадки виртуальной коммуникации носит иллюзорный характер, критический настрой интернет-пользователей зачастую маскируется иронией, фольклорными и литературными аллюзиями, языковой игрой и прочими средствами выражения эмотивности, обращениями к реалиям, прецедентным феноменам и т.д. В связи с этим можно заключить, что понимание скрытой критики связано с наличием у читателей интернет-комментария фоновых знаний и достаточно полного представления об общественной жизни актуального периода. Задача читателя состоит в распознавании этого «зашифрованного послания» и в декодировании оценочного суждения [4].

Для анализа интернет-комментариев мы выбрали двухчасовую трансляцию официального выступления канцлера Германии Олафа Шольца, которая осуществлялась немецкой государственной телекомпанией ZDF [6].

Обоснуем выбор языкового материала и опишем страноведческий фон видеоматериала.

28 ноября 2023 г. канцлер ФРГ Олаф Шольц выступил в Бундестаге с официальным объяснением в связи со сложившимся бюджетным кризисом. Речь шла о постановлении Федерального конституционного суда о неправомерности использования выданного в период пандемии COVID-19 кредита в размере 60 миллиардов евро на финансирование климатических и экологических проектов. Перед коалиционным правительством, состоящим из представителей Социал-демократической партии, Партии зеленых и Свободной демократической партии, стояла непростая задача сформировать федеральный бюджет, не нарушая конституционный порядок, перераспреде-

лить и изыскать средства для уже согласованных проектов, а также убедить слушателей и зрителей в положительном исходе и скорейшем выходе из затруднительного финансового положения и тем самым вернуть утраченное доверие избирателей. Федеральный канцлер пообещал не сокращать государственную финансовую помощь, направленную на поддержку предприятий и граждан при сохраняющихся высоких ценах на энергоносители, а также прочие текущие государственные расходы, инвестиции в модернизацию экономики и поддержку Украины. Вслед за выступлением канцлера на пленарном заседании последовали двухчасовые дебаты, в ходе которых оппозиция подвергла жесткой критике бюджетную политику правительства Шольца и призвала кабинет министров немедленно изменить политический курс. Трансляцию телеканала ZDF посмотрели более 220 тысяч зрителей, на странице с видео интернет-пользователями оставлено более двух тысяч комментариев. В приводимых нами примерах сохранены авторская орфография и пунктуация.

В ходе работы над языковым материалом мы пришли к выводу, что интернет-комментарии читателей демонстрируют очень высокий уровень эмоциональности благодаря использованию разнообразных лингвостилистических средств. Кроме того, нельзя не отметить упоминание большого количества реалий и частое обращение к прецедентным феноменам, аллюзиям и сравнениям, меняющим эмоциональный фон интернет-комментария от легкой иронической коннотации до откровенного глумления и ядовитого сарказма в адрес политических деятелей и комментируемого собрания в Бундестаге.

С точки зрения содержания мы распределили все отобранные нами примеры интернет-комментариев по трем тематическим группам: 1) комментарии к внешности и характерам политических деятелей, 2) комментарии, оценивающие процесс пленарного заседания и 3) комментарии к содержанию докладов.

Сам факт комментирования внешнего вида или костюма выступающего политика обесценивает его статус и отвлекает от содержательной стороны доклада. Презрительный тон прослеживается в следующих комментариях к внешнему виду политиков: *Wie lange haben sich Lindner und Habeck nicht mehr rasiert? Keine Zeit? Kein Geld?; Hat sie Erdbeerwoche?* (о цвете блузки К. Дрёге, Союз 90/Зеленые); *Warum sehen afd-Politiker nicht wie normale Menschen aus?; Graf mützenich* (о Р. Мютценыхе, Социал-демократическая партия).

Для описания внешности авторами комментариев используется в первую очередь стилистически сниженная лексика со словарными пометами *salopp*, *abwertend*, *scherzhaft*, например, *Visage, Eierkopf, Birne: Ich kann die Visagen nicht mehr sehen!!; ich wünschte meine zukunft wäre so strahlend wie herrn scholz seine birne; Glaubst der Eierkopf seine geseiere selber? Käferkopf!*

Кроме того, интернет-пользователями используются сравнения, характеризующие внешность политических деятелей в неприглядном свете: *ach... Merz baut sich auf wie ein Hausdrachen* (о Ф. Мерце); *der sieht aus wie unser Leichenbestatter* (о Р. Мютценыхе); *schau mal wie das Zwerglein Scholz hämisch grinst!!! Scholz sieht bisschen aus wie Mr. Magoo* (об О. Шольце). В последнем примере упоминается персонаж из одноименного мультфильма. Мистер Магу – богатый эксцентричный лысый мужчина небольшого роста, который из-за плохого зрения часто попадает в различные комичные и опасные для него самого и окружающих ситуации. Лысина Олафа Шольца стала отдельным стимулом и предметом язвительных комментариев: *Sehr schön wie sich aufs Scholz Glatze ein Heiligenschein zurecht reflektiert; Der Heiligenschein ist definitiv erkennbar; wie lange poliert der scholz seine Glatze?; Sie glänzt wie ein polierte bowling kugel.*

Участники чата отмечают лживость и беспринципность политической элиты Германии, описывая ее представителей как слабохарактерных, мягкотелых, зависимых лю-

дей. Наиболее часто отрицательные характеристики передаются словами с компонентом значения 'ложь, обман': *Lügenolaf; Dieser falsche fuffi...; Luegenbaron; Was für ein Lügner, aber das kennen wir ja von ihm; Alice in ihren Lügen-Wunderland!*

Критика профессионального бессилия и политической немощи очевидна в следующих комментариях с упоминанием реалией, использованием профессионального экономического термина и риторического вопроса: *Nixkönner an der Macht; Selbst Schalke 04 hat mehr Eier; Habeck, weiß er mittlerweile was ne Insolvenz ist?* Упомянутый немецкий футбольный клуб Шальке 04 занимает в турнирной таблице 14 место из 18, имеет внушительный список антирекордов и является одной из худших команд Бундеслиги.

Политические деятели как группа управленцев производят впечатление жалких дилетантов и, как представляется зрителям трансляции, не имеют специальной подготовки и систематических знаний, поэтому становятся объектом едкой насмешки: *Hahaaa! Scholz diese Lachnummer...; Oberschlumpf von Bürokratienhausen; Gurkentruppe...; So ein Witzkabinett.* Интернет-сообществом высмеивается и утрата ими здравомыслия, в комментариях иронизируют по поводу возможной невменяемости и умопомешательства политических деятелей, например, *Leidet dieser Mensch an geistiger Umnachtung? Frage für einen Freund; Wer hat die gewählt? Kommt die aus der Pöbel-Psychiatrischen Anstalt?; Impfcloons wegsperren.* Здесь необходимо дать краткое пояснение к слову *Impfclohn*: в недавнем прошлом СМИ активно обсуждали меры по увеличению числа подростков и детей в программе вакцинирования от коронавируса. Одним из таких способов стало привлечение профессиональных клоунов, которые, работая при центрах вакцинации, отвечали за хорошее настроение и избавляли детей от страха перед уколom.

Описывая участников пленарного заседания как обманщиков, людей с психическими отклонениями и непрофессионалов, авторы комментариев оценивают само мероприятие и процесс обсуждения в Бундестаге как несерьезное, легковесное действо, зрелище развлекательного характера, к которому нельзя относиться серьезно.

Приведем примеры: *Was für eine Freak-Show; Wieder mal eine großartige Comedy Show von Scholz und genossen!! Was für ein kindergarten; Was für ein respektloser Zirkus; Ich habe mir schon comedy gesehen, da wurde weniger gelacht... ; Ist das die Heute Show?; «Rot-grünes Narrenschiff» – Franz Josef Strauss; Eine Tragödie vom feinsten wird im DE Bundestag präsentiert; Der Bundestag die Schwatzbude; Alte Männer und alter Frauen benehmen sich wie im Kindergarten; aufgepasst jetzt kommt die grüne schwurbelshow; Kindergarten oder Irrenhaus!?!; Gebrüder Grimm in live; Kasperle Theater.*

Прокомментируем использование прецедентных имен и аллюзий в приведенных выше примерах. «Heute-show» является популярной в Германии развлекательной телевизионной передачей с постоянным ведущим Оливером Вельке. Ее отличительными особенностями считают язвительную иронию, злобные шутки, закадровый оглушительный хохот и шумные аплодисменты, а также специфическую подачу материала – ведущий комментирует последние политические новости в стиле серьезного диктора телеэфира. В следующем примере упомянут «Корабль дураков» – это аллегоричное название художественных произведений, которые стали широко известными благодаря поэме Себастьяна Бранта и картине Иеронима Босха. Государственный деятель ФРГ Франц Йозеф Штраус, будучи председателем Христианско-социального союза в период канцлерства Гельмута Коля, занимал видное место в политической жизни Германии. Уже в 1986 г. он предсказал «зелено-красную катастрофу» и предостерегал от ошибок данного политического курса. Красно-зеленую коалицию он называл «красно-зеленым кораблем дураков» под названием «Утопия».

Следующие примеры аллюзий также связаны с прославленными историческими личностями. Кайзер Вильгельм II в свое время пренебрежительно назвал парламент

«Schwatzbude», что буквально переводится как «говорильня», а имена знаменитых собирателей сказок, лингвистов и исследователей фольклора Якоба и Вильгельма Гриммов стали именами нарицательными, олицетворяющими такие качества, как богатое воображение и умение рассказывать небылицы.

Интересным нам кажется обращение к аллюзиям и реалиям культуры и народного творчества. Например, Касперле является комическим персонажем немецкого национального фольклора и театра марионеток, который следует давним традициям ярмарочных артистов-клоунов Европы. Изначально спектакли кукольного театра Касперле отличались грубым и вульгарным юмором, а поведение персонажей носило ярко выраженные сатирические и клоунские черты.

В комментариях зрителей трансляции мы прослеживаем два коммуникативных намерения. С одной стороны, они выражают отвращение к организованному собранию и демонстрируют пренебрежение к участникам данного протокольного мероприятия. С другой стороны, они в ироническом ключе описывают свои поступки или планируемые действия как ответную реакцию на транслируемые из Бундестага выступления политиков. Парадоксальность заключается в том, что в качестве ответной реакции гражданами планируется выключение звука или ускорение передачи видео, чтобы не уснуть, пойти поесть или заняться прочими домашними делами: *Das Panoptikum kostet den Steuerzahler 1 Mrd. € pro Jahr – noch Fragen?; Ich werde mich hier verpiseln. Hier geht's nur noch steil bergab; Die Grünen sprechen, ich mach Ton aus! Zurücklehnen, Show genießen, der Aufschlag kommt. oh man, hier kommt nix bei rum.. Ich geh Schnee schippen. Oh, die Grünen wieder.....ich geh mal essen; Kann man nur sich anschauen wenn man die Wiedergabegeschwindigkeit erhöht und selbst dann schläft man fast ein wenn der Scholz redet.*

В ходе телевизионного эфира зрители видят не только докладчика, но и весь зал пленарных заседаний, крупные планы лиц федерального канцлера, представителей той или иной партии, а также наблюдают реакции слушателей, выраженные мимикой, жестами, аплодисментами. В чате к онлайн-трансляции участники обсуждения оставляют комментарии, касающиеся поведения политиков, которое, по их мнению, не соответствует ни статусу мероприятия, ни занимаемой должности. Интернет-сообществом отмечаются как низкий уровень вовлеченности представителей кабинета министров и партийных лидеров (*Noch nicht einmal das Kabinett, der «Sauhaufen», hört seinem Kanzler aufmerksam zu*), так и их чрезмерная импульсивность (*Kann mir mal einer sagen, was die saufen, die bei der Scheiße auch noch klatschen?*) и пренебрежение элементарными этикетными правилами (*haben die Stühle Rollen? Nur noch Ingwertee!*). Авторами комментариев используются риторические вопросы, восклицания, вульгаризмы и инвективы.

Раскачивание на стуле, гомерический смех, неуместные и неистовые рукоплескания, попавшие в кадр помощники с подносами и стаканами с водой не превзойдут по количественным характеристикам комментарии по поводу использования политиками мобильных телефонов в зале Бундестага во время пленарной сессии: *Was machen die eigentlich alle am Handy? Clash of Clans spielen?; Die Affen sitzen da und ziehen sich TikTok Videos rein; wäre ein Klatschband sinnvoller so wie bei der heuteshow – dann müssen sie nicht ständig das handy weg legen; Habeck daddelt bei LinkedIn nach einem neuen Arbeitgeber, weiss er doch dass er es schon bald auf dem freien Markt verdammt schwer haben wird «er war noch nicht mal bemüht».* Для выражения критики в данных комментариях авторы обращаются к метафорическим сравнениям, риторическим вопросам, в текстах упомянуты названия популярной стратегической игры, устанавливаемой на мобильное устройство, всемирно известной социальной сети развлекательного характера и платформы для поиска работы.

Самую большую группу составили комментарии, темой которых является критика содержания докладов и заявлений политиков на пленарном заседании. Приведем несколько примеров, которые содержат языковые единицы с экспрессивной окраской и оценочным компонентом: *das übliche gewäsch; kindisches Geschwätz; bei der Rede hätte er auch zwei Augenklappen tragen können!!; oh haben wir wieder Märchenstunde!; Was quatscht die da für einen Bockmist; Die Regierungserklärung war ein Witz; Futter für die Fische.*

В комментариях к содержанию докладов подчеркиваются ложь и противоречивость, невыполнимость озвучиваемых мер и решений. Интернет-пользователи критикуют публичные обещания докладчиков, сопоставляя их громкие заявления с реальным положением дел в стране и обществе. Таким образом, они, во-первых, подчеркивают свои неоправданные ожидания: *Warum hab ich bei Scholz von Anfang bis Ende das Gefühl, dass er nur lügt; Die Nase wächst und wächst...; wow, 2 Sätze und schon gelogen...; Alice Weidel und Wahrheit ist wie Mäcces bietet gutes Bioessen...; Mir hat diese Folge der Heute Show besonders gut gefallen. Den Dobrindt Darsteller über vorausschauendes Handeln, Finanzen und Betrug reden zu hören, war mein absolutes Highlight...; Habe ich die Rücktrittserklärung verpasst?*

Во-вторых, обращение к реалиям и аллюзиям (Гельмут Шмидт, Конрад Аденауэр, Вильгельм Либкнехт, Август Бебель, Вилли Брандт) как способу выражения имплицитной критики свидетельствует о хорошей осведомленности и широкой эрудиции интернет-аудитории, которая констатирует катастрофический упадок и деградацию современной политической системы Германии: *Helmut Schmidt steht gleich wieder auf.. man man; Adenauer dreht sich im Grab um; Also ich verspüre ein Erdbeben... wilhelm liebknecht, august bebel, helmut schmidt und willy brandt beginnen zu rotieren.*

Подтверждение вышесказанному находим в комментариях, посвященных недавним скандалам с участием современных политических руководителей Германии, активно обсуждаемым в СМИ. Особого внимания заслуживают сообщения участников чата, в которых упоминается неприятный случай из биографии федерального канцлера. Олаф Шольц выступал свидетелем и давал объяснения по поводу вскрывшейся схемы налогового мошенничества. Еще занимая пост мэра Гамбурга, он мог оказать пособничество одному из немецких банков, который уклонился от многомиллионных налоговых выплат. Связь своей партии с финансовой аферой Шольц отрицал, однако признал, что встречался с экс-председателем банка, но подробностей встречи вспомнить не может. Данное наигранное и лживое состояние «беспамятства» стало характеристикой канцлера Германии, о которой не могли не вспомнить зрители телетрансляции: *Die Hälfte war gelogen und die andere Hälfte kann er sich nicht erinnern; Kann Herrr Scholz sich morgen noch an seine Rede und seine Versprechungen erinnern?; Hat der kleinste vergesslichste Olaf aller Zeiten zu tief ins Glas geschaut??? Oder was raucht der??? lügt der eh nicht immer??? Time to say goodbye to Ampel. Münchhausen wäre stolz auf Scholz.*

Также нами выявлены примеры иронических комментариев, которые относятся к главным темам выступления федерального канцлера – экономии бюджетных средств и перераспределению государственного финансирования (*Ist vermutlich nicht einmal sein privates Handy, sondern das Diensthandy was wir Steuerzahler ihm bezahlen; Wenn jeder Krieg auf der Welt bei uns eine Krise auslöst, dann gute Nacht*), экономии ресурсов и переход на «зеленые» энергоносители (*Bin für ein Handyverbot im Bundestag, das spart Strom; Mikrofon abstellen hilft Energie sparen!; Schnee auf der Solaranlage = NULL grüner Strom; Strom wird bald rationiert, dank der Energiewende!*).

Интересными нам кажутся коммуникативные приемы, к которым прибегают участники обсуждения, оставляя комментарий по поводу содержательной стороны выступлений политической элиты. К ним мы относим вопросительные комментарии, когда интернет-пользователь приводит цитату из выступления политика и добавляет свой риторический вопрос, например: *Gaspeicher sind gut gefüllt Heisst wieviele Tage???* (в ка-

честве реакции на убеждение канцлера в контроле над ситуацией с нехваткой энергоресурсов); *Welche Verfassung denn bitte? Für welches Volk eigentlich ist der Kanzler?* (в качестве реакции на заявление о следовании конституционным принципам и заботе о населении страны); *der Klimawandel hat wieder zugeschlagen. es fällt Schnee. was sagen die Experten zu dieser Notlage?* (в качестве реакции на заявление о необходимости продолжать реализовывать экологические проекты и переходить на «зеленые» источники энергии); *ich hab Arbeit, danke. Brauchen sie nen Screenshot von meinem Gehalt? Aber nicht neidisch werden* (в качестве реакции на высказывание о мерах по борьбе с безработицей и бедностью). Такие вопросительные комментарии создают ощущение участия в прямом диалоге с политиками.

Следующим коммуникативным приемом является обращение к высшим силам и всемогущему богу с мольбой о помощи: *Lieber Gott, schenk uns einen Corona Mutanten mit der Letalität von Ebola. Binnen von 6 Monaten wäre die grassierende Dummheit auf der Welt wirkungsvoll eingedämmt!* В комментарии ниже использован прецедентный текст – цитата из молитвы «Отче наш» с неожиданной измененной концовкой: *HERR ERLÖSE UNS VON DEM BÖSEN! DER AMPEL!!!*

Интернет-комментарии также отражают представления участников обсуждения о желаемом будущем или идеальном состоянии для жизни в стране. В контексте настроения большинства зрителей в комментариях по поводу желаемого будущего читаем критику актуального положения, с языковой точки зрения выраженную иронией, зевгмой и парадоксом: *Deutschland gleich Dooftland!; Nur Deutschland faxt noch; Sieht man an Deutschland Infrastruktur... BRD Investiert überall nur nicht in der BRD; CDU will cannabis weiter verbieten.. unwählbar; jetzt geht es zurück in die Steinzeit; Bitcoin rettet alles; WIR BRAUCHEN GANZ DRINGEND EINEN DRITTEN WELTKRIEG ODER EINEN KOMETEN MIT 20 KM DURCHMESSER.*

Подведем итоги.

Анализ интернет-комментариев к выступлению федерального канцлера Олафа Шольца и дебатам председателей партий показал, что главным коммуникативным намерением участников обсуждения является выражение негативной оценки в адрес политических деятелей, присутствовавших на пленарном заседании в Бундестаге, а также критика содержания их докладов. С этой целью в текстах комментариев используются разнообразные лингвостилистические средства, передающие пренебрежение как в эксплицитной, так и в имплицитной формах. Такими лингвостилистическими средствами являются инвективная лексика, сниженная лексика, парадокс, ирония и сарказм, зевгма и аллюзии. Обращение к прецедентным текстам и прецедентным феноменам служит как эффективным средством усиления иронического тона, экспрессии, так и механизмом оказания эмоционального воздействия. Наличие фоновых знаний является важнейшим условием понимания и осмысления передаваемой в комментарии критики, скрытой в высказываниях зрителей. Лингвостилистические возможности выражения скрытой критики в интернет-комментариях к политическим выступлениям не только формируют особый авторский стиль комментария. Благодаря иронии и аллюзиям они создают остро необходимый возмущенным гражданам источник позитива, передают атмосферу единства мнений обычных жителей и национального единения перед лицом глобальных катастрофических изменений в политической сфере.

Список литературы

1. Асмус Н. Г. Анализ лингвопрагматических особенностей интернет-комментария в период борьбы с коронавирусом COVID-19 (на материале британских СМИ) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2 (40). URL: <https://journals.csu.ru/index.php/znak/article/view/438> (дата обращения: 29.03.2024).

2. Иванова С. В., Зубарева В. М. Жанровые особенности коммента как интернет-текста // Вестник Башкирск. ун-та. 2013. № 4. URL: http://journal.ugatu.su/index.php/vestnik_bsu 2013. № 4 (дата обращения: 29.03.2024).
3. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2013. № 1 (9). С. 82–89.
4. Фенина В. В. Ирония в обыденном политическом дискурсе (на материале интернет-комментариев пользователей сайта «Эхо Москвы») // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. URL: <https://globalf5.com/Zhurnaly/Yazykoznanie-Lingvistika/Vestnik-VGU-Lingvistika/vypusk-2015-1> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. М.: Гнозис, 2004.
6. Haushalts-Krise: Regierungserklärung von Kanzler Scholz | ZDFheute live. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5GwFbcyXVbU&t=4475s> (дата обращения: 29.03.2024).

* * *

1. Asmus N. G. Analiz lingvopragmaticeskikh osobennostej internet-kommentariya v period bor'by s koronavirusom COVID-19 (na materiale britanskikh SMI) // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2021. № 2 (40). URL: <https://journals.csu.ru/index.php/znak/article/view/438> (дата обращения: 29.03.2024).
2. Ivanova S. V., Zubareva V. M. Zhanrovye osobennosti kommenta kak internet-teksta // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2013. № 4. URL: http://journal.ugatu.su/index.php/vestnik_bsu/ 2013/№ 4 (дата обращения: 29.03.2024).
3. Steklova T. I. Kommentarij kak rechevoj zhanr i ego variativnost' // Zhanry rechi. 2013. № 1 (9). С. 82–89.
4. Fenina V. V. Ironiya v obydennom politicheskom diskurse (na materiale internet-kommentarijev pol'zovatelej sajta «Ekho Moskvyy») // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2015. № 1. URL: <https://globalf5.com/Zhurnaly/Yazykoznanie-Lingvistika/Vestnik-VGU-Lingvistika/vypusk-2015-1> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya. M.: Gnozis, 2004.

The linguostylistic means of expressing the critics of the political leaders (at the example of the German-language Internet commentaries)

The linguostylistic ways of expressing the critics in the Internet commentaries to the translation of the speech of the modern political leaders of Germany are considered. The author analyzes the German-language examples of the explicitly and implicitly expressed personal antipathy and negative assessment. It is paid special attention to irony and allusion as the means of expressing the author's intention. The conducted study is added by the commentaries of the country specific nature for the interpretation of the concealed critics in the Internet commentaries towards the German politicians.

Key words: *political discourse, Internet commentary, irony, allusion.*

(Статья поступила в редакцию 29.03.2024)

ЭЛЛИПСИС В РАССКАЗАХ ВОЛЬФГАНГА БОРХЕРТА

Установлен факт активного употребления эллипсиса в рассказах немецкого писателя XX века Вольфганга Борхерта. Посредством использования эллипсиса тексты В. Борхерта приобретают такие черты, как динамика, экспрессия, художественная выразительность.

Эллипсис создает значительную напряженность в рассказах писателя, способствует раскрытию авторского коммуникативного замысла. Часто эллиптические конструкции применяются вкупе с такими стилистическими средствами, как синтаксический параллелизм, лексический повтор, сравнение. Эллипсис выполняет в рассказах В. Борхерта эмоциональную, экспрессивную и художественно-изобразительную функции.

Ключевые слова: эллипсис, функция, экспрессия, стилистический прием, рассказ, персонаж.

Исследование эллипсиса относится к числу традиционных вопросов, обсуждаемых учеными [2, с. 592; 6; 8, с. 92–97; 9, с. 883–886]. Дискуссионными остаются проблемы классификации эллиптических конструкций, их функций и т.п. Некоторые ученые понимают эллипсис как разновидность неполного предложения [8, с. 92–97; 10; 14]. Другие исследователи полагают, что эта фигура речи занимает промежуточное положение между полным и неполным предложением [6]. Для эллиптических предложений, как и для неполных предложений, характерна недостаточность грамматических связей.

Интерес представляют собой причины использования эллипсиса в речи. Немецкий ученый В. Юнг главной причиной применения эллипсиса называет языковую экономию, понимая под данным термином отсутствие избыточных членов предложения [15]. Обращение к определениям эллипсиса, предлагаемым в словарях, позволяет заключить, что исследователи акцентируют внимание на его структуре. «Эллипсис (элизия) – пропуск (выкидка) элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации», – утверждается в известном словаре О. С. Ахмановой [1, с. 608]. По мнению Е. В. Падучевой, эллипсис – это структура, которая содержит «опущенный» элемент, восстанавливаемый при обращении к контексту, либо к ситуации речи [10, с. 172]. Е. С. Скобликова высказывает аналогичную точку зрения, понимая под эллипсисом «пропуск легко воспроизводимого члена предложения» [13, с. 147]. С позиций структуры это явление рассматривается в германистике. Так, немецкие ученые К. Ганзель и Ф. Юргенс предлагают понимать эллипсис как самостоятельные и завершенные синтаксические формы, не являющиеся отклонениями от нормы. Исследователи используют при этом следующие терминологические варианты – «компактные структуры» (kompakte Strukturen), «равноценные предложению высказывания» (satzwertige Äußerungen), предложения-эквиваленты (Satzäquivalente) [16, с. 187].

Полагаем, что обсуждаемый феномен, нередко используемый в речи, не менее интересно и продуктивно рассматривать с прагмалингвистической позиции, а именно в функциональном аспекте. Широкое распространение эллипсиса в языке, в частности, в таких функциональных стилях, как разговорная речь и художественная речь, объясняется значительным прагматическим потенциалом данной стилистической фигуры. Иными словами, эллипсис посредством своеобразного сжатия речевого высказывания оказывает воздействие на читателя/слушателя, вызывая у него эмоциональные реакции.

По мнению Ю. А. Бельчикова, «эллипсис обычно присущ разговорной речи, для которой характерны конструкции с «незамещенной» синтаксической позицией. Он об-

условлен свойственной разговорной речи ситуативностью и наличием невербальных средств непосредственного речевого общения (жестов определенной семантики). Эллипсис иногда вызван и структурной организацией текста <...>; он широко используется в ораторской речи, в художественной литературе как стилистическая фигура, придающая тексту динамичность, большую выразительность, усиливающая его экспрессивность» [2, с. 592].

Характеризуя функции эллипсиса, М. П. Брандес утверждает, что данная стилистическая фигура распространена в беллетристике, она выступает как реалистическое воспроизведение естественной речи персонажей в диалогах, а также как средство выражения эмоционального состояния протагонистов. В несобственно-прямой речи эллипсис выступает средством имитации устного характера высказывания [5, с. 101].

В. П. Москвин выделяет следующие функции эллипсиса: 1) языковая экономия, 2) эмфатизация и 3) изобразительность [9, с. 884].

В нашей статье ставится следующая задача – выявить основные функции эллипсиса в рассказах В. Борхерта и определить стилистические приемы, используемые вкупе с эллиптическими конструкциями.

Материалом для исследования являются тексты рассказов В. Борхерта «Мой бледный брат» («Mein bleicher Bruder»), «Вот – наш манифест» («Das ist unser Manifest») и «Ради» («Radi»).

Обратимся к языковым примерам с соответствующей интерпретацией.

Рассказ В. Борхерта «Мой бледный брат» (W. Borchert. Mein bleicher Bruder), как показывает анализ, изобилует случаями использования эллипсиса. Автор повествует о погибшем на войне солдате, лежащем на белом снегу: «*Noch nie war etwas so weiß wie dieser Schnee. Er war beinah blau davon. Blaugrün. So fürchterlich weiß*» (подчеркивание здесь и далее наше. – А.Ф.). / Не было ещё ничего белей этого снега. От этого он казался почти голубым. Иссиня-зелёным. Такой ужасно белый (перевод А. Равиковича) [12]. Для описания снега автор использует названия различных его оттенков. Два последних предложения содержат только определения, выраженные именами прилагательными; другие компоненты отсутствуют. В данном случае эллипсис употребляется во избежание дублирования информации, а также создает стилистический прием парцелляции, придавая речи интонационную экспрессию. В приведенном примере реализуются такие функции, как художественно-изобразительная и экспрессивная.

Описывая внешний облик солдата, писатель прибегает к целому ряду эллиптических конструкций, чтобы создать наиболее полную картину происходящего: *Ein Bündel Lumpen. Ein lumpiges Bündel von Häutchen und Knöchelchen und Leder und Stoff. Schwarztrot überrieselt von angetrocknetem Blut. Sehr tote Haare, perückenartig tot. Verkrümmt den letzten Schrei in den Schnee geschrien, gebellt oder gebetet vielleicht: Ein Soldat. Fleck in dem niegesehenen Schneeweiß der saubersten aller Sonntagmorgende. Stimmungsvolles Kriegsgemälde, nuancenreich, verlockender Vorwurf für Aquarellfarben: Blut und Schnee und Sonne. Kalter kalter Schnee mit warmem dampfendem Blut drin. Und über allem die liebe Sonne. Unsere liebe Sonne*» / Связка лохмотьев. Лохматый пучок из человеческой кожицы и косточек, кожи и ткани. Чёрно-красным запеклась подсохшая кровь. Безжизненные волосы, похожие на парик, – мертвы. Искривлён последним криком из снега, проклятием или просьбой: солдат. Пятно в невиданной снежной белизне чистейшего из всех воскресных утр. Эмоциональная картина войны, богатая нюансами, небрежный упрек акварельным краскам: кровь, снег и солнце. Холодный, холодный снег с тёплым паром крови в середине. И над всем – милое солнце. Наше милое солнце (Там же).

Как можно заметить, все предложения в данном отрывке – эллиптические. Большую часть составляют предложения с отсутствующими глаголами с семантикой бытия в роли сказуемого: *Kalter kalter Schnee mit warmem dampfendem Blut drin. Und über allem die liebe Sonne. Unsere liebe Sonne.*

Выявлены также примеры, в которых отсутствуют вспомогательные глаголы, идущие в связке со смысловыми глаголами, и имена существительные в функции подлежащего: *Schwarzrot überrieselt von angetrocknetem Blut. Sehr tote Haare, perückenartig tot. Verkrümmt den letzten Schrei in den Schnee geschrien, gebellt oder gebetet vielleicht: Ein Soldat.*

В рассказе имеют место малозначимые структуры, которые (например, в виде вспомогательных глаголов) опускаются автором, чтобы придать тексту особый стиль и ритм: *Ganz erbärmlich siehst du ohne deine gute Laune aus. Und in dieser blöden Stellung. Warum hast du denn die Beine so ängstlich an den Bauch rangezogen? Ach so, hast einen in die Eingeweide gekriegt. Hast dich mit Blut besudelt. Sieht unappetitlich aus, mein Lieber. Hast dir die ganze Uniform damit bekleckert. Sieht aus wie schwarze Tintenflecke / Очень со-страдаемый вид у тебя без твоей ухмылки. И в этом дурацком месте. Почему так испуганно поджал ты ноги к животу? А, у тебя заворот кишок. Ты себя замарал кровью. Выглядит неаппетитно, мой дорогой! Да у тебя запятнана вся униформа. Похоже на чернильные пятна* (Там же).

В предложениях «...hast einen in die Eingeweide gekriegt. Hast dich mit Blut besudelt» и «Sieht unappetitlich aus, mein Lieber. Sieht aus wie schwarze Tintenflecke» автором используется наряду с эллипсисом синтаксический параллелизм. При этом в обоих случаях опускаются подлежащие, выраженные местоимениями *du* и *es*. Данные примеры иллюстрируют разговорную речь в монологе персонажа. Использование эллипсиса в приведенном примере создает определенную эмоциональную напряженность у читателя.

В следующих примерах, содержащих эллипсис, отмечаем наличие многочисленных лексических повторов, которые выполняют эмоциональную функцию в тексте рассказа. Автор акцентирует внимание читателя на своем внутреннем мире, мире глубоких переживаний: *Ja. Ja ja. Ja ja ja. Jetzt ist es aus mit deiner guten Laune, mein Lieber. Mit deiner ewigen guten Laune / Да, да, да. Да, да, да! Кончились твои шуточки, дорогой! Твоё неизменно хорошее настроение* (Там же); *Nie mehr, mein Lieber. Nie nie mehr. ...Jetzt nicht mehr, mein Lieber. Von jetzt ab nicht mehr. Nie mehr, du / Ты вообще никуда не пойдёшь, ты понял? Никогда, мой милый! Никогда, никогда!* (Там же); *Du oder ich, wie? Du oder ich? Wer ist jetzt Mein bleicher Bruder Hängendes Lid? Wie? Wer denn, mein Lieber, du oder ich? Ich etwa? / Ты или я? Ты или я? Кто теперь «Мой бледный брат, Отвисшее Веко? Как? Кто, мой милый, ты или я? Я всё-таки?* (Там же).

Стоит подчеркнуть, что эти предложения отличаются максимальной краткостью, характерной для прямой речи персонажа. В них выражаются смятение героя и его жалость по отношению к погибшему товарищу. В приведенных примерах передана атмосфера эмоционального напряжения, вызванного трагической гибелью одного из персонажей рассказа.

Высокочастотно употребление эллиптических предложений и в рассказе В. Борхерта «Вот – наш манифест» (W. Borchert. Das ist unser Manifest). В этом произведении писателем передано восприятие немцами окончания Второй мировой войны, а именно: смешение чувств потерянности, коллективной вины за ужасы фашистских преступлений и облегчения, что все кошмары уже позади.

Нами были выявлены контексты рассказа, в которых использован эллипсис вкупе с рядом других стилистических приемов. Их применение в произведении В. Борхерта создает своеобразный ритм и экспрессию. Приведём примеры: *Männergesang, Soldatengegröl, sentimental und übermütig, männlich und baßkehllich, auch von den Jünglingen männlich gegrölt» / Мужской хор, солдатский рев, сентиментальный и наглый, мужественный и гортанный, у юношей – тоже мужской* (перевод А. Карельского) [3]. В отрывке из рассказа автор прибегает к стилистической фигуре *парентеза*. Мы видим своеобразную «разрозненность» частей речи: здесь встречаются не только имена существительные (*Männergesang, Soldatengegröl*) и прилагательные (*sentimental, übermütig,*

männlich, baßkehligh), но и причастие прошедшего времени без вспомогательного глагола *haben* (*auch von den Jünglingen männlich gegrölt*).

Следующий текстовый пассаж наглядно демонстрирует значительный прагматический потенциал эллипсиса. Посредством него задан тон и ритм повествования: *Dann versuche zu sein über deinen lilanen Abgründen. Denn der Morgen, der hinter den Grasdeichen und Teerdächern aufsteht, kommt nur aus dir selbst. Und hinter allem? Hinter allem, was du Gott, Strom und Stern, Nacht, Spiegel oder Kosmos und Hilde oder Evelyn nennst – hinter allem stehst immer du selbst. Eisig einsam. Erbärmlich. Groß. Dein Gelächter. Deine Not. Deine Frage. Deine Antwort. Hinter allem, uniformiert, nackt oder sonstwie kostümiert, schattenhaft verschwankt, in fremder fast scheuer ungeahnt grandioser Dimension: Du selbst. Deine Liebe. Deine Angst. Deine Hoffnung*» / Тогда попытайся над этим хаосом, над лиловой твоей бездной – быть. Ибо утро, встающее за поросшими травой плотинами, за просмоленными крышами, – взойдет только из собственной твоей души. А что за всем этим? За всем, что зовешь ты богом, звездой или рекою, космосом или ночью, Хильдой или Эвелиной, – за всем этим стоишь ты сам. Холоден и одинок. Жалок. И велик. Твой смех. Твои слезы. Твои вопросы. Твои ответы. За всем этим – в униформе ли, наг ли, в любом обличье и в любых одеждах, призрачная неверная тень, чуждых, почти пугающих, немыслимо гигантских размеров: ты сам. Твоя любовь. Твой страх. Твоя надежда (Там же).

Приведенный выше отрывок, как можно видеть, построен по принципу антитезы. Антитеза, по мнению ряда исследователей, относится к числу главных стилистических фигур, образующих контрастные художественные образы [5].

Нередко в рассказе наблюдаем в эллиптических предложениях такой стилистический прием, как лексический повтор: *Erbärmlich. Groß. Dein Gelächter. Deine Not. Deine Frage. Deine Antwort... Deine Liebe. Deine Angst*.

В следующем отрывке писатель использует прием сравнения, разбивая предложения на эллиптические составляющие, построенные с помощью синтаксического параллелизма: *Nein, unser Wörterbuch, das ist nicht schön. Aber dick. Und es stinkt. Bitter wie Pulver. Sauer wie Steppensand. Scharf wie Scheiße. Und laut wie Gefechtslärm*» / Нет, словарь наш неизыскан, некрасив. Но весом. И вонюч. Этот запах – он горький, как у пороха. Кислый, как у степного песка. Резкий, как у дерьма. И слышен за версты, как гром канонады (Там же).

Рассмотрим еще один рассказ, посвященный погибшему на войне солдату, – «Ради» («Radi»). Герой рассказа Ради погиб на войне в СССР еще совсем юным мальчиком, а теперь является во сне рассказчику. Автор сравнивает холодную руку Ради с холодной заснеженной землей, на которой лежит его бездыханное тело, а также с землей из места, где живет рассказчик. При помощи многократного повтора анафорических эллиптических предложений автор привлекает внимание читателя, воздействуя на его органы чувств, вызывая соответствующую эмоциональную реакцию: *Er griff nach meiner Hand. Er fühlte sich an wie Schnee. Ganz kühl. Ganz lose. Ganz leicht*» / Он взял меня за руку. Его рука была как снег. Очень холодная. Очень легкая. Очень мягкая (перевод Е. Каменного) [4]. *Er hielt mir die Erde hin. Sie war wie Schnee. Wie seine Hand war sie, mit der er vorhin nach mir gefasst hatte: Ganz kühl. Ganz lose. Ganz leicht*» / Он протянул мне жменю земли. Он была как снег. Как его рука, которой он меня схватил ранее: очень холодная, очень легкая, очень мягкая (Там же). «*In den Vorgärten sah überall Erde durch den Schnee. Sie war kühl. Und lose. Und leicht*» / Возле крыльца из-под снега проступала земля. Она была холодная. И легкая. И мягкая (Там же).

Элиминированные подлежащие и сказуемые позволяют лучше прочувствовать общую атмосферу в произведении (*Ganz kühl. Ganz lose. Ganz leicht.*). Определения, выраженные прилагательными, ставят акцент на текстуре снега, земли и руки покойного солдата.

Подведем итоги.

У понятия «эллипсис», судя по изученной научной литературе, есть разные толкования, имеют место разнообразные подходы к определению статуса эллиптических предложений. Часто смешиваются понятия «эллипсис» и «неполнота предложения». Решение данной проблемы требует комплексного подхода к анализу грамматических, семантических и стилистических особенностей предложений этого типа, а также детального изучения каждой из составляющих их частей.

Одной из особенностей идиостиля немецкого писателя В. Борхерта является высокочастотное использование эллиптических конструкций, выполняющих эмоциональную, экспрессивную и прагматическую функции. Применение эллипсиса в рассказах В. Борхерта создает в них высокую степень напряжения, вызывает у читателя эмоциональную реакцию (сочувствие, жалость). Эллипсис выполняет в рассказах В. Борхерта эмоциональную, экспрессивную и художественно-изобразительную функции.

В рассказах В. Борхерта эллиптические конструкции применяются вкупе с целым рядом таких стилистических средств, как синтаксический параллелизм, парцелляция, лексический повтор и сравнение.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005.
2. Бельчиков Ю. А. Эллипсис // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 592.
3. Борхерт В. Вот – наш манифест / Пер. А. Карельского // Борхерт В. Избранное. М.: Художественная литература, 1977.
4. Борхерт В. Ради / Пер. Е. Каменного // URL: <https://proza.ru/2017/01/20/1755> (дата обращения: 01.04.2024).
5. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: Учебник. М.: Высшая школа, 1983.
6. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.
7. Гулямова З., Толибова З. Характерные функции и семантическая сущность стилистического приема антитезы // European journal of literature and linguistics. 2015. № 3. URL: https://publishing.org/media/uploads/journals/journal/Literature_3_2015.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
8. Казенин К. И. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 92–97.
9. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007.
10. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956.
12. Равикович А. Вольфганг Борхерт Мой бледный брат // Стихи. ру. URL: <https://stihi.ru/2015/09/28/6970> (дата обращения: 01.04.2024).
13. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М.: Просвещение, 1979.
14. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Ред. и коммент. Е. С. Истриной. 2-е изд. Ленинград: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1941.
15. Юнг В. Грамматика немецкого языка. СПб.: Лань, 1996.
16. Gansel Ch., Jürgens F. Textlinguistik und Textgrammatik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.

* * *

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: KomKniga, 2005.
2. Bel'chikov Yu. A. Ellipsis // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V. N. Yarceva. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. S. 592.

3. Borkhert V. Vot – nash manifest / Per. A. Karelskogo // Borkhert V. Izbrannoye. M.: Khudozhestvennaya literatura. 1977.
4. Borkhert V. Radi / Per. E. Kamennogo // Proza.ru. URL: <https://proza.ru/2017/01/20/1755> (data obrashcheniya: 01.04.2024).
5. Brandes M. P. Stilistika nemeckogo yazyka: Uchebnik. M.: Vysshaya shkola, 1983.
6. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike. M.: Nauka, 1975.
7. Gulyamova Z., Tolibova Z. Harakternye funktsii i semanticheskaya sushchnost' stilisticheskogo priema antitezy // European journal of literature and linguistics. 2015. № 3. URL: https://ppublishing.org/media/uploads/journals/journal/Literature_3_2015.pdf (data obrashcheniya: 15.01.2024).
8. Kazenin K. I. O nekotorykh ogranicheniyah na ellipsis v russkom yazyke // Voprosy yazykoznaniya. 2007. № 2. S. 92–97.
9. Moskvina V. P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'. 3-e izd., ispr. i dop. Rostov n/D: Feniks, 2007.
10. Paducheva E. V. O semantike sintaksisa. Materialy k transformacionnoj grammatike russkogo yazyka. M.: Nauka, 1974.
11. Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii. 7-e izd. M.: Uchpedgiz, 1956.
12. Ravikovich A. Volfgang Borkhert. Moy blednyy brat // Stikhi. ru. URL: <https://stikhi.ru/2015/09/28/6970> (data obrashcheniya: 01.04.2024).
13. Skoblikova E. S. Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya. M.: Prosveshchenie, 1979.
14. Shahmatov A. A. Sintaksis russkogo yazyka/ Red. i komment. E. S. Istrinoy. 2-e izd. Leningrad: Uchpedgiz, Leningr. otделение, 1941.
15. Yung V. Grammatika nemeckogo yazyka. SPb.: Lan', 1996.

Ellipsis in the stories of Wolfgang Borchert

The fact of active usage of ellipsis in the stories of the German writer of the XXth century Wolfgang Borchert was established. By the means of using the ellipsis, the texts of W. Borchert obtained the following features: dynamics, expression and artistic expression. Ellipsis creates the significant intention in the stories of the writer and supports the discovery of the author's communicative conception. The elliptical constructions are often used together with such stylistic means as syntactic parallelism, lexical repetition and simile. Ellipsis fulfills the emotional, expressive and figurative artistic functions in the stories of W. Borchert.

Key words: *ellipsis, function, expression, stylistic device, story, character.*

(Статья поступила в редакцию 14.04.2024)

А. А. ФОКИН
М. Р. АРАКЕЛОВА
Ставрополь

К ВОПРОСУ О ПАРАМЕТРАХ КЛАССИФИКАЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО
НАСЛЕДИЯ И. Д. СУРГУЧЁВА

Объектом исследования выступают эпистолярное наследие писателя И. Д. Сургучёва, проблемно-тематические, жанровые аспекты его писем, подходы к классификации эпистолярного архива писателя. И. Д. Сургучёв известен как писатель-знатковец, писатель-неореалист, один из ярчайших представителей литературы русского зарубежья первой волны. В этом измерении его эпистолярное наследие обладает исключительной ценностью, на непосредственных свидетельствах формирует картину литературных связей внутри определенного исторического периода. Предлагаемая классификация эпистолярия позволяет охарактеризовать своеобразие художественной системы И. Д. Сургучёва в эволюции русского реализма и истории драматургии первой половины XX в., его подлинное место в литературном процессе эпохи.

Ключевые слова: реализм, эпистолярный, письмо, архив писателя, автор, творческая биография, история литературы, И. Д. Сургучёв.

Количество издаваемой эпистолярной литературы всегда было огромно. В академических собраниях сочинений классиков русской литературы письма практически всегда занимают не менее трети объема всех томов. Например, в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого письмам, а их более 8,5 тысяч, отведено тридцать томов из девяноста; в академическом собрании А. И. Герцена – десять из тридцати томов также отдано «нетленному», по словам самого писателя, эпистолярному наследию. Письма писателей разных эпох активно публиковались в таких изданиях, как «Литературный архив», «Литературное наследство», иных научных изданиях, литературно-художественных журналах. Не утрачен интерес к этому типу документов как источнику биографических сведений, творческой лаборатории русских писателей, средству историко-генетического анализа их произведений и в наши дни.

Издание отдельных писем, эпистолярного наследия художника слова в целом всегда требовало большой и систематической работы по их разысканию и собиранию, изучению и описанию, решению текстологических проблем, вопросов атрибуции, установления адресатов, дат, комментирования. Принципиальный интерес представляют проблемы жанра писем, их типологии и классификации.

В отечественном литературоведении накоплен огромный опыт по подготовке к публикации эпистолярия русских классиков XIII–XX веков, решен ряд теоретических проблем, отчасти нивелирован терминологический разнобой, выработаны текстологические принципы, параметры подготовки эпистолярного документа к печати. Тем не менее изучение эпистолярного наследия каждого конкретного писателя требует от исследователя не только опоры на сложившиеся научные традиции, но и поиска новых подходов к решению определенных задач.

Главным ориентиром для специалистов, связывающих свою научную деятельность с изучением и публикацией эпистолярных текстов, до сих пор остается Третий выпуск сборника статей «Вопросы текстологии», изданный в 1964 г. Академией наук СССР [12]. Теоретико-методологические принципы, указания и рекомендации его авторов не утратили своей актуальности по сей день. В предложенном Е. И. Прохоровым определении жанра письма установлены четкие признаки классификации эпистолярных документов по типам «личное письмо» и «публичное письмо», которые не позволяют один и тот же документ относить и к публицистике, и к личному письменному обращению [12, с. 17–18]. Однако в эпистолярном наследии почти каждого русского писателя можно обнаружить документы, которые одновременно предполагают необходимость личного ответа адресата и относятся к деловым бумагам, т.е. могут быть причислены и к тому, и к другому типу.

Принято различать два типа эпистолярных изданий – для специалистов и для массового читателя. Научное издание писем отличают факсимильность, палеографическое описание, сведения об обнаружении, месте хранения, шифре и фонде. В популярных изданиях, рассчитанных на широкий круг читателей, такие подробности излишни, в этом случае на первое место выступают биографическая и художественная ценность писем. Этой точке зрения противоречит мнение Н. К. Гудзия, который полагал, что письма частные, предназначенные для прочтения лишь их адресатами, как бы ни были они «значительны по своему содержанию или по своим художественным достоинствам, не относятся к сочинениям» [7, с. 196].

Действительно, публичные письма подчас вообще нельзя рассматривать вне сферы художественного творчества писателя. Именно поэтому важен не отказ от изучения и публикации писем, а принципы их классификации: по адресату, по теме (письма о каком-либо идейном направлении, литературном течении), по содержанию (письма, касающиеся отдельного произведения, той или иной литературной или бытовой проблемы) [12].

Ценность литературного произведения, по мнению П. Бурдье, определяется не его автором, а совокупностью участников литературного процесса, т.е. читателями, критиками, историками искусства, издателями, канонизирующими инстанциями (салонами, творческими союзами и т.п.), участвующими в производстве ценности [6]. Другими словами, в сферу научного анализа должны попадать все документы, связывающие автора с современниками. Для понимания литературного процесса, в том числе в пределах одного литературного произведения, необходимо понять образ мысли писателя как человека определенной культурной эпохи. Важно не то, что он образно декларирует как автор произведения, а его непосредственное личное высказывание, каковым по большей части и является письмо, – спонтанно выраженное «я», свидетельствующее о том, что человек думает и чувствует в конкретный, указанный им самим момент времени.

Обзор современной научной литературы по типологии и классификации писем показывает, что в этой области литературоведческих исследований есть еще проблемы и ученые предлагают пути их решения. Так, в статье А. В. Бояркиной обращается внимание на необходимость более четкого разграничения в литературном наследии писателей деловой корреспонденции и частного письма [5]. Э. Б. Арутюнян рассматривает категорию этикетности как ведущую категорию организации текстов эпистолярного жанра [2]. В диссертации Л. В. Нижниковой письма анализируются с позиций лингвистики и прагмалингвистики по содержательно-тематическому признаку, и в качестве основного типологического критерия, формирующего языковые показатели письма, учитывается фактор адресата. Исследователь предлагает выделять интимно-дружеские, личностно-деловые, письма с общественно-значимой проблематикой, философские, общественно-политические и литературоведческие письма [11, с. 145]. Напротив, Н. И. Белунова отрицает возможность использования тематического критерия. В ее исследовании доми-

нантным типологизирующим признаком частного дружеского письма выступает диалогизация. Такая позиция позволяет выделить следующие типы писем: «инициальные и реагирующие письма; дружеские и интимно-дружеские письма» [3, с. 7]. Т. С. Каирова исходит из функциональной классификации и предлагает рассматривать эпистолярный по трем основным, с ее точки зрения, сферам функционирования писем: «частные письма; письма в редакции газет или видным деятелям эпохи по вопросам политики, культуры, общественной жизни; эпистолярные тексты, используемые в литературе (путевые заметки, мемуары, художественные произведения)» [8, с. 8–9]. Н. Беттузия, основываясь на соответствии писем главным функциям языка, предлагает группировать эпистолярный по трем типам: «информативное письмо (деловое); побудительное (просьба, приглашение, требование, рекомендация); контактоустанавливающее (благодарность, извинение, поздравление и т.п.)» [4, с. 11].

Как видим, письмо было и остается, пожалуй, самым непредсказуемым, «индивидуальным» жанром, «не поддающимся» жесткому типологическому обобщению, с неограниченным набором языковых средств, свободным варьированием между темами, «эффектом достоверности и непосредственного соучастия в описываемом» [10, с. 216].

Эпистолярное наследие писателя Ильи Дмитриевича Сургучёва (1881–1956) – на данный момент выявлено, атрибутировано и описано более 400 писем – позволяет основываться на разных классификационных критериях и показателях, а при исследовании и публикации по необходимости опираться на наиболее продуктивные, в зависимости от цели и решаемых задач. Под письмом (эпистолярием) понимается концептуально, информативно и прагматически значимое письменное речевое произведение, категориальными признаками которого являются «дистанцированный характер общения между автором и адресатом, обязательность письменной формы речевого контакта, особая роль экстралингвистических факторов, политематичность, стандартная структура и ориентация на конкретного адресата» [9, с. 87].

Единого архива писателя не существует, его письма рассредоточены по разным хранилищам России и мира. Поэтому при подготовке биобиблиографического справочника (указателя) актуализируется необходимость архивной классификации писем И. Д. Сургучёва с указанием места их хранения, шифра и фонда. Такая классификация предоставляет самые широкие возможности для будущих разысканий и находок.

Отдельной классификации требуют письма И. Д. Сургучёва, хранящиеся в разных фондах Архива А. М. Горького (ИМЛИ РАН), рукописного отдела и архива Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), Государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТМИ ГИК), музея Московского художественного академического театра, Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина, Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей), Государственного архива Ставропольского края. Часть писем И. Д. Сургучёва из этих хранилищ уже опубликована [13], но далеко не все.

Значительные коллекции писем И. Д. Сургучёва, нуждающиеся в описании, классификации и публикации, хранятся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (США), Библиотеке Конгресса США, Архиве Национального театра (Норвегия, Осло), Русском Заграничном историческом архиве в Праге (Чехия), Архиве русской эмиграции в Библиотеке современной международной документации (BDIC) в г. Нантер (Франция) и др.

При подготовке собрания сочинений И. Д. Сургучёва, в которое, по сложившейся традиции, должны быть включены и письма, целесообразно опираться прежде всего на хронологический критерий. Весь эпистолярный массив писателя классифициру-

ется в соответствии с корневой периодизацией его творческой биографии: доэмигрантский период (до ноября 1920 г.) и эмигрантский период (до ноября 1956 г.). Безусловно, в этом случае, независимо от адресата, тематики, содержания, формальных, функциональных и этикетных характеристик, письма должны публиковаться с сохранением стилистической индивидуальности автора, живого языка эпохи и располагаться в хронологической последовательности с необходимым палеографическим и архивным (библиографическим) комментарием.

Изучение творческой биографии писателя, истории создания и публикации его отдельных произведений, а в случае его драматургии – постановочной судьбы пьес, требует применения иных классификационных критериев. Например, в комплексе доэмигрантских писем выделяется наиболее значительный блок, содержательно связанный с идейным направлением книгоиздательства «Знание». Они объединяются и по именам адресатов (А. М. Горький, К. П. Пятницкий, С. П. Боголюбов, В. С. Миролубов и др.), и по содержанию (большей частью речь в них идет об издании произведений И. Д. Сургучёва в сборнике «Знание» и первых двух томах его сочинений, о восприятии этих произведений публикой и критикой, об общественно-политической и литературной ситуации 1910-х гг.). Хронологически, но не тематически из этого комплекса писем выбивается лишь письмо М. Горькому, датированное 1928 г.

Похожий блок корреспонденций представляют письма И. Д. Сургучёва в Книгоиздательство писателей в Москве (КПвМ), пайщиком которого он стал осенью 1915 г.: заведующему и секретарю товарищества, отдельным его пайщикам (Н. С. Ангарскому (Клестову), И. А. Бунину, В. В. Вересаеву, Н. Д. Телешову, Л. Н. Урванцову и др.). В них раскрывается история публикации произведений И. Д. Сургучева в сборниках «Слово», третьем и четвертом томах его сочинений, подробности взаимодействия с кругом писателей-неореалистов.

Эти два объемных блока дополняют письма литературным издателям, редакторам журналов, критикам (В. А. Тихонову, Ф. Д. Батюшкову, А. А. Измайлову, К. К. Арсеньеву, И. И. Ясинскому, А. И. Котылеву, Д. В. Философову, В. В. Розанову, Д. М. Цензору и др.).

Отдельный содержательно-тематический блок составляют и так называемые «театральные» письма И. Д. Сургучёва. Они связаны с постановками его пьес «Торговый дом», «Осенние скрипки», «Письма с иностранными марками» до ноября 1920 г. включительно. Это переписка с выдающимися отечественными режиссерами (А. И. Сумбатовым, В. И. Немировичем-Данченко, В. В. Лужским), артистами театров (М. Г. Савиной, М. Ф. Андреевой), членами правления Союза драматических и музыкальных писателей (Б. И. Бентовиным, Л. Н. Урванцовым и др.).

Весьма важным представляется выделение блока «общественно-политических» писем И. Д. Сургучёва 1900–1920 гг., в который могут быть включены его корреспонденции в газеты и журналы, общественные и иные организации, государственные инстанции. Их объединяет монотематичность содержания, жесткая клишированность этикетной рамки, языковые клише официально-делового стиля, стандартная официально-деловая структура. Однако значительная часть этих писем, безусловно, относится к «чистой» публицистике, тогда как другая – к деловой и официально-деловой переписке.

Собственно частные письма (к родителям, сестрам, брату, жене, другим родственникам и близким друзьям) составляют сравнительно небольшой блок сохранившегося доэмигрантского эпистолярия И. Д. Сургучёва. Они насыщены разговорной, сниженной и даже интимной лексикой, модальными и эмотивными стилистическими средствами; этикетная рамка содержит субъективно-модальные формулы. Особые коллекции в этом ряду занимают письма Т. В. Бочаровой (Цыриной) – жене писателя и Е. П. Пешковой – супруге М. Горького, коллегам-писателям – А. К. Лозина-Лозинскому, Н. Е. Лещинскому, Б. А. Лазаревскому.

Совершенно обособленно предстают на фоне всего эпистолярия И. Д. Сургучёва его фронтовые письма периода Первой мировой войны. Они позволяют оценить, как менялось мировоззрение и психологическое состояние писателя по мере все большего его включения в боевые действия. Некоторые из них, адресованные сослуживцам и подчиненным, напоминают форму приказа, поручения, требования. Из этих коротких, в 2–3 строки, корреспонденций можно «выудить» информацию об условиях службы, ходе военных действий.

Наибольший пласт известного эпистолярия И. Д. Сургучёва эмигрантского периода составляют письма в различные благотворительные эмигрантские организации и творческие союзы (Правление Союза журналистов Праги, Комитет по улучшению быта писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии, Правление парижского Союза русских писателей и журналистов, Совет объединенного Зарубежного Союза русских писателей и журналистов, Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции), должностным лицам этих и других организаций (К. П. Бельговскому, М. Л. Заблочному, А. А. Яблоновскому, Л. Ф. Магеровскому, Н. В. Чайковскому, П. Б. Струве, С. А. Иванову, С. В. Познеру, В. Ф. Зеелеру). Как правило, это обращения о ссуде, помощи в том или ином деле, той или иной жизненной ситуации. Большая их часть кратка и малоинформативна, но встречаются и развернутые, с подробным описанием причин обращения с просьбой, изложением обстоятельств, принудивших к подаче прошения. Такие письма представляют огромный интерес с точки зрения описания эмигрантского быта русских писателей и других деятелей культуры первой волны русской эмиграции.

Особый интерес представляет блок зарубежных писем И. Д. Сургучёва, связанный с его театральной и кинематографической деятельностью (Н. Н. Евреину, Е. А. Полевицкой, В. Н. Унковскому, А. Н. Ивалю, Н. Д. Янчевскому), переводами его пьес на иностранные языки и их постановками в театрах стран Европы и Америки (Г. В. Ратову, Сергею Горному (А. А. Оцупу), П. П. Ельфимову и др.). Многие письма этого блока написаны на французском, английском, немецком языках и адресованы видным европейским издателям, режиссерам театра и кино, переводчикам.

В отдельный блок выделяются письма в редакции русских эмигрантских газет и журналов, прежде всего газеты «Возрождение», писателям и критикам, входившим в круг этих изданий (И. А. Бунину, И. С. Шмелеву, А. И. Куприну, Г. Д. Гребеншикову, С. К. Маковскому). Эти письма представляют интерес не только с точки зрения творческой биографии И. Д. Сургучёва, но и имеют более широкое историко-литературное значение.

Среди интимно-личных писем этого периода выделим коллекцию писем Отцу Давиду (Чубову), однокашнику И. Д. Сургучёва по Ставропольской духовной семинарии. Известно, что о. Давид (Чубов) был духовником русского религиозного философа Ивана Александровича Ильина, который еще в конце 1930-х увлекся творчеством И. Д. Сургучёва, коллекционировал вырезки из газет с его произведениями, а по окончании Второй мировой войны особо интересовался его судьбой в своей переписке с И. С. Шмелевым и Д. Чубовым.

К частной классификации можно отнести объединения писем по одной теме, например, письма о каком-либо одном произведении, адресованные одному адресату и т.п. Во всех этих случаях вероятно нарушение хронологического принципа в построении коллекции эпистолярного архива писателя. Тем не менее такой подход к классификации возможен и в некоторых случаях целесообразен. Наиболее показательны в этом отношении классификации писем, посвященные самым известным произведениям И. Д. Сургучёва: повестям «Губернатор», «Мельница», «Еленучча, или Песни о любви», пьесам «Торговый дом», «Осенние скрипки», «Реки вавилонские», «Игра», рассказу «Соседка».

Безусловно, подробный, детальный анализ эпистолярного наследия И. Д. Сургучёва на уровне жанра и поэтики, формальных, структурных и содержательных показате-

лей, реализуемых типизированных ситуаций позволит представить классификации писем по объему, содержанию («с точки зрения общей оценки настроения, выраженных эмоций, отражения личности автора, или отношения к адресату, логики изложения и качества оформления, подробности изложения» [1, с. 95]), особенностям оформления, месту в эпистолярной коммуникации, времени написания, способу и месту отправки, количеству адресатов и т.п.

Рассмотренные в методологической части статьи исследовательские практики, касающиеся описания и классификации писем известных писателей, и наш анализ эпистолярного наследия И. Д. Сургучёва позволяют сделать вывод о степени изученности вопроса. Все существующие на данный момент публикации писем писателя являются частичными и незначительными. Большая часть его эпистолярного наследия до сих пор не была изучена, описана, классифицирована и опубликована. Процесс выявления оригиналов писем не доведен до конца, в связи с чем затруднено их изучение. Существующие исследования эпистолярного наследия писателя, фонды отечественных и зарубежных архивов, музеев и библиотек позволили выявить большое количество неопубликованных документов, предложить параметры для их классификации по личным фондам адресатов, формальным, жанровым и содержательно тематическим показателям.

Тематика эпистолярного наследия И. Д. Сургучёва многообразна: события личной жизни, творческая работа и т.д. Важно, чтобы анализ его эпистолярия производился с учетом широкого исторического контекста и событийной составляющей частной жизни участников эпистолярной коммуникации в рамках определенного временного среза. В таком представлении эпистолярного наследия имеется большой научный потенциал, т.к. через литературные связи писателя раскрываются черты литературного процесса эпохи в целом.

Список литературы

1. Акимова Т. П. Концепт «письмо» и особенности его вербализации в русском эпистолярном тексте XIX–XX вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 3. С. 93–102.
2. Арутюнян Э. Б. Функционирование речевого этикета в королевском эпистолярном наследии (XV–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2000.
3. Белунова Н. И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX–первой четверти XX века как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, 2000.
4. Беттузия Н. Особенности структуры текста русской корреспонденции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1984.
5. Бояркина А. В. Типологические характеристики частного письма (на материале немецкоязычных текстов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 3. С. 145–150.
6. Бурдые П. Структуры. *Habitus*. Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас: Учеб. пособие / Сост., пер. и вступ. Ст. А.В. Веденеевой. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 16–31.
7. Гудзий Н. К. По поводу Полных собраний сочинений писателей // Вопросы литературы. 1959. № 6. С. 196–206.
8. Каирова Т. С. Интеграция содержательно-концептуальной информации в эпистолярных текстах (на материале эпистолярного наследия Франции XVIII века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1989.
9. Курьянович А. В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике: монография. Томск: ТГПУ, 2013.
10. Курьянович А. В. Эпистолярный дискурс как средство современной межличностной и социальной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 215–224.
11. Нижникова Л. В. Письмо как тип текста: дис. ... канд. филол. наук. Одесса: Одесский ун-т, 1991.

12. Принципы издания эпистолярных текстов. Вып. 3. М.: Наука, 1964. (Вопросы текстологии / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
13. Сургучёв И. Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Письма 1906–1944 годов / Под ред. А. А. Фокина. Ставрополь: ТоварищЪ, 2013.

* * *

1. Akimova T. P. Koncept «pis'mo» i osobennosti ego verbalizacii v russkom epistolyarnom tekste XIX–XX vv. // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie. 2016. T. 15. № 3. S. 93–102.
2. Arutyunyan E. B. Funkcionirovaniya rechevogo etiketa v korolevskom epistolyarnom nasledii (XV–XIX vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb.: Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gercena, 2000.
3. Belunova N. I. Tekst družheskogo pis'ma tvorcheskoj intelligencii konca XIX–pervoj chetverti XX veka kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya (kommunikativnyj aspekt): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb.: S-Peterb. gos. un-t, 2000.
4. Bettuziya N. Osobennosti struktury teksta russkoj korrespondencii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: In-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina, 1984.
5. Boyarkina A. V. Tipologicheskie harakteristiki chastnogo pis'ma (na materiale nemeckoyazychnyh tekstov) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. 2009. Vyp. 3. S. 145–150.
6. Burd'e P. Struktury. Habitus. Praktiki // Sovremennaya social'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Habermas: Ucheb. posobie / Sost., per. i vstup. st. A. V. Vedenevoj. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1995. S. 16–31.
7. Gudzij N. K. Po povodu Polnyh sobranij sochinenij pisatelej // Voprosy literatury. 1959. № 6. S. 196–206.
8. Kairova T. S. Integraciya sodержatel'no-konceptual'noj informacii v epistolyarnyh tekstah (na materiale epistolyarnogo naslediya Francii XVIII veka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: Mosk. gos. in-t inostr. yaz. im. M. Toreza, 1989.
9. Kur'yanovich A. V. Teoreticheskie voprosy izucheniya epistolyariya v sovremennoj lingvistike: monografiya. Tomsk: TGPU, 2013.
10. Kur'yanovich A. V. Epistolyarnyj diskurs kak sredstvo sovremennoj mezhlichnostnoj i social'noj kommunikacii // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2008. № 4. S. 215–224.
11. Nizhnikova L. V. Pis'mo kak tip teksta: dis. ... kand. filol. nauk. Odessa: Odesskij un-t, 1991.
12. Principy izdaniya epistolyarnyh tekstov. Vyp. 3. M.: Nauka, 1964. (Voprosy tekstologii / Akad. nauk SSSR. In-t mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo).
13. Surguchyov I. D. Sbranie sochinenij: V 7 t. T. 1: Pis'ma 1906–1944 godov / Pod red. A. A. Fokina. Stavropol': Tovarishch», 2013.

***Considering the issue of the parameters of classification
of epistolary heritage by I. D. Surguchev***

The epistolary heritage of the writer I. D. Surguchev, the problem-thematic and genre aspects of his letters and the approaches to the classification of the epistolary archive of the writer are considered as the object of the study. I. D. Surguchev is known as the writer-the member of the «Knowledge» association, the Neo-Realist writer and one of the most outstanding representatives of literature of the Russian abroad of the first wave. In this measurement system his epistolary heritage has a particular value and forms the picture of literary connections within the definite historical period at the demonstrative evidence. The suggested classification of epistolary allows to characterize the identity of the fictional system of I. D. Surguchev in the evolution of Russian realism and the history of the dramatic art of the first half of the XXth century and his honest place in the literary process of the epoch.

Key words: realism, epistolary, letter, archives of writer, author, creative biography, history of literature, I. D. Surguchev.

(Статья поступила в редакцию 05.04.2024)

Л. В. ЖАРАВИНА

Волгоград

Е. А. ОРЛОВА

Элиста

**ЛЕГКОСТЬ БЫТИЯ В ХРОНОТОПЕ ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ:
ЕВДОКИЯ РОСТОПЧИНА И БОРИС ЗАЙЦЕВ**

Соотношение философско-религиозных понятий «легкость» и «красота» рассматривается в проекции на характерологию повести Е. П. Ростопчиной «Палаццо Форли» и романа Б. К. Зайцева «Золотой узор». Художественный текст анализируется в аспекте презентации гендерного начала, что позволяет представить хронотоп женской красоты в парадигме этико-эстетической соотнесенности образов на экзистенциальном уровне. Подчеркивается обусловленность литературной антропологии и нарратологии творческой индивидуальностью авторов.

Ключевые слова: *гендер, Б. К. Зайцев, легкость, красота, нарратив, Е. П. Ростопчина, художественная характерология.*

Многим памятен роман Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» («Nesnesitelná lehkost bytí»), увидевший свет 40 лет назад (1984). Апеллируя к авторитету Ф. Ницше, автор рассматривает дихотомию *тяжесть – легкость* как форму проявления «самых загадочных и самых многозначительных» экзистенциальных характеристик. Если тяжесть, инспирированная ситуацией вечного возвращения, налагает на человека чудовищное бремя ответственности и порождает скорби, то легкость, т.е. «абсолютное отсутствие бремени» ведет к тому, что человек делается легче воздуха, взмывает ввысь, удаляется от земли, от земного бытия, становится полуреальным, и его движения столь же свободны, сколь и бессмысленны» [6, с. 11]. Оксюморон, вынесенный в заглавие произведения («невыносимая легкость») дает понять, что писатель не является однозначным апологетом последней. Но симпатии читателя, так или иначе, оказываются на стороне персонажей, когда к ним «должны слетаться случайности», подобно тому, как «слетались птицы на плечи Франциска Ассизского» (Там же, с. 71).

В наше время роман М. Кундеры по-прежнему востребован. Тем не менее философ А. Е. Зимбули, отмечая, что произведение «очень хлестко названо», риторически вопрошает: «А разве о чем-то другом написано многое и многое в мировой литературе? Разве Евгений Онегин А. С. Пушкина или Илья Обломов И. А. Гончарова, Орнифль Ж. Ануя – не типы, всей своей биографией олицетворяющие стремление к легкости!» [5, с. 68]. Разумеется, данный тезис может быть оспорен или скорректирован, но евангельская сентенция неопровержима: «<...> иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф.: гл. 11, ст. 30).

Что касается литературного контекста, то невозможно обойти шедевр И. А. Бунина «Легкое дыхание». Его специфичность заключается в том, что феномен легкости, безоговорочно и неопровержимо включенный в хронотоп женской красоты, раскрыт автором в гендерном ключе. «Я в одной папиной книге <...>, – делится героиня с подругой, – прочла, какая красота должна быть у женщины <...>, главное, знаешь ли что? – Легкое дыхание! А ведь оно у меня есть, – ты послушай, как я вздыхаю, – ведь правда, есть?»

Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре» [2, с. 360].

Сопряжение онимов Евдокия Ростопчина и Борис Зайцев, повесть «Палаццо Форли» и роман «Золотой узор», о которых пойдет речь, дают возможность развить и уточнить некоторые сформулированные выше постулаты.

Сам по себе выбор авторов и произведений не случаен. Е. П. Ростопчина стоит у истоков «женского письма» в России. Ее повесть (иногда ее называют романом), отражающая события конца 1830-х гг., вышла в 1854 г., т.е. в период массового увлечения личностью и идеями Жорж Санд. И хотя писательница не относилась к лагерю откровенных феминисток и поборников эмансипации, подобная хронологическая привязка имеет знаковый смысл. В определенном смысле роман Б. К. Зайцева «Золотой узор» также является презентацией женского начала, поскольку маскулинность прозаика-демиурга нивелируется исповедальным воодушевлением героини, от лица которой ведется повествование. В обоих произведениях легкость натуры выступает как характерологическая доминанта, определившая художественную нарративную структуру. У Ростопчиной «стройный и воздушный» образ юной маркезины дематериализует и одухотворяет твердыню флорентийского замка, а легкое дыхание героини-«жизнелюбицы» в романе Зайцева смягчает безжалостные удары судьбы. Существенно, что центральное место отводится авторами итальянской теме и образам Италии – страны, с которой традиционно связываются эстетика и этика *сладкой жизни* (*la dolce vita*).

Обратимся к «Палаццо Форли». О замковом хронотопе как важнейшем сюжетно-характерологическом компоненте подробно говорится в статье М. Ю. Поповой: «Палаццо становится полноправным, если не главным, персонажем в произведении» [9, с. 78]. Действительно, крепость, изначально предназначенная для защиты, построена «с несокрушимыми, толстыми стенами, с крепкими воротами и затворами, с тайными выходами и твердыми сводами». Она не только хранила «непрístupный и мрачный дух ее создателей» [11, с. 130], но и на всем протяжении пятисотлетней истории активно жила своей жизнью. Средневековый дворец манил и пугал лабиринтами переходов и коридоров, чередованием роскошных залов с подземельями, тайными комнатами и т.п. Устрашающее впечатление производила галерея под сводами, «полная какой-то немой торжественности и безжизненности» и похожая на погребальный склеп [11, с. 143]. Здесь хранился семейный архив, вобравший в себя добродетели и пороки, сбывшиеся и несбывшиеся надежды, тайные и явные страсти и даже преступления маркизов Форли, чьи портреты развешаны по стенам. «Предки будто не покидали своего пышного родового дома, будто обитали в нем и следили за своими потомками» (Там же, с. 137).

Однако безотрадное впечатление рассеивается, когда перед читателем предстает главная героиня повести – «разумная и гордая» Пиэррина, в лице которой «минувшее оставило по себе представителя» [11, с. 137]. Ее черные «бархатисто-влажные» глаза обещали «целую поэму любви и счастья» (Там же, с. 146), несмотря на те лишения и нужду, которые маркезина Форли унаследовала. Разумом и благородным сердцем она глубоко понимала, «к каким доблестям, к каким заслугам обязывала потомков слава предков» (Там же, с. 137), и выпавшие на ее долю испытания переносила не только с достоинством, но и с легкостью. «И, полно, Чекка, – говорит девушка своей верной кормилице, – у нас, в Италии, с голоду еще никто не умирал! Бог и природа создали нас, южных баловней своих, такими, что мы, как птицы небесные, питаемся воздухом, солнцем да крохами, собираемыми кое-где и кое-как. Ведь зреют апельсины и виноград, везде на берегу морском собирают устрицы и раковины; не сегодня-завтра удастся заработать безделицу, и этой безделицы нам станет на несколько дней» (Там же, с. 126). «Бедность Пиэррины была бедность поэтическая», – пишет автор (Там же, с. 165).

Более, чем нуждой, озабочена Пиэррина судьбой беспутного брата, чье безрассудство ставило под угрозу не только ее благополучие, но и существование замка как родового гнезда. Лишиться его – значило для героини покинуть мир, вне которого своей жизни она не представляет: «Здесь родилась я, здесь открылись дневному свету мла-

денческие мои глаза, здесь прозревали медленно и постепенно взоры моей души, разум, мысль и понимание <...>, покуда палаццо Форли останется моим прибежищем, мне ничего другого не нужно <...>» [11, с. 157–158]. Между тем самые тревожные предчувствия и самые зловещие предположения готовы были реализоваться.

Однако, как обещано в Евангелии, «плачущие <...> утешатся <...>, кроткие <...> наследуют землю <...>, чистые сердцем... Бога узрят» (Мф.: гл. 5, ст. 4–8). Е. П. Ростопчина следует этой логике и в сюжетно-авантюрном ключе описывает подробности жизненных перипетий, которые Пиэrrина со смирением и кротостью претерпела. И, как следовало ожидать, была в полной мере вознаграждена. Драматически напряженная ситуация естественным путем, просто и легко разрешилась.

Помощь и поддержка в эти гибельные для героини минуты исходили не только из сочувствия близких, но и из палаццо, поскольку это прибежище скорби и сокрушения было царством *Недосягаемого* и *Невыразимого*, вместилищем нетленной красоты. «Палаццо Форли похож на все здания своего времени: снаружи – весь твердыня, внутри – весь великолепии» [11, с. 131]. Росписи Гвидо Рени, полотна Гверчино, Доменикино, множество картин на исторические и мифологические сюжеты и шедевры мастеров Болонской школы на религиозные темы создавали атмосферу неизъяснимой прелести, в которую с младенчества была погружена душа Пиэrrины. Прекрасна была и сама Флоренция, «столица и праматерь возрождения искусств и наук, эта “цвет цветов”, как говорит само ее прозвище» [11, с. 129–130].

Феномен красоты представлен Ростопчиной в разных ипостасях. Но общей (и основной) формой его представления является визуализация. В художественное пространство повести воплощения прекрасного вошли не как мыслеобразы, но как материализованные объекты, зримые и ощутимые. Утонченное изящество, сконцентрированное в великих творениях итальянского искусства прошлого, насыщало своей энергетикой настоящее, окутывало его флером легкости и благодати, погружало героиню в «таинственный полусон», заставляя забыть «земное бремя» и чувствовать себя «в сообществе и родстве» с «древним поэтическим миром» [11, с. 160].

Не менее существенно, что визуальный модус прекрасного сопряжен в данном, как и во многих других случаях, с его чувственно-телесным восприятием. Напомним, что из сопряжения этих двух параметров исходил А. Г. Баумгартен, введший в 1730-е гг. термин *эстетика*, которую определял как науку о чувственном познании, или как «низшую гносеологию» [1, с. 452]. «Цель эстетики, – считал он, – совершенство чувственно-го познания как такового, и это есть красота» (Там же, с. 455).

Телесно-чувственная осязаемость «духа» предков и давала героине Е. Ростопчиной ощущение их живого присутствия. Поистине прекрасными были портреты «родоначальниц»: «Иные представляли тип настоящей южной красоты – смуглые лица, черные глаза и волосы, улыбку, дышащую негой <...>. Другие были одарены теми чудесными светло-русскими волосами с золотистыми отливами, которые так любила венецианская школа» [11, с. 143].

Конечно, подобная привязанность к материализованной конкретике несколько утяжеляет «воздушный» образ: прекрасное лицо девушки было бледным и «немного строгим» [11, с. 139].

Героиня романа Б. К. Зайцева «Золотой узор», Наталья, также погруженная в мир искусства, предстает предельно откровенным воплощением безмятежности. Это уже иная, более высокая ступень в осмыслении феноменов легкости и красоты, апеллирующая не только к чувственно-пластической стороне бытия, но и к чувственно-ментальной реальности, что заостряет экзистенциальный аспект художественного нарратива.

Произведение публиковалось в парижском журнале «Современные записки» в 1923–1925 гг., т.е. оно относится к тому периоду, когда еще не появилась возможность объективной оценки обрушившихся «зрительно-душевных ударов» как личного, так и

исторического масштаба. Смирившись с участью изгнанника, писатель с горечью констатировал: «Ты здесь неразличим, безвестен, угрожаем» [4, с. 41].

Закономерны вопросы: «Чем же в таком случае объясняется то лирическое светозарное начало, которое пронизывает роман от начала до конца, от первой до последней страницы? О какой легкости бытия можно говорить в подобных жизненных обстоятельствах?».

Думается, что ответ нужно искать в религиозной основе зайцевского творчества. «Литература эмиграции, – писал он, – выросла на почве христианской культуры. Для нее слова: Бог, человек, душа, бессмертие – что-то значат. Для нее слова: природа, красота, любовь – тоже есть нечто. Божий мир полон, глубок, трагичен, грозен, иногда непонятен, но он не есть пошлость и не есть плоскость» [4, с. 121].

Выше приводилось изречение Христа о легкости Его бремени. Прочитируем также высказывание апостола Павла о благодетельности «легкого» страдания: «Мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем <...>. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор., гл. 4, ст. 9, 17–18).

«Кратковременное легкое страдание» для религиозно ориентированного человека не отрицает реальности, но утверждает ее во всех измерениях, в том числе и в измерении красоты. Об этом свидетельствует труд философа-богослова Н. О. Лосского «Мир как осуществление красоты. Основы эстетики», над которым автор работал во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг., т.е. в преддверии и во время глобального апокалиптического катаклизма.

Трактат энциклопедически многогранен. «Метафизическое учение об идеале красоты», направленное «сверху вниз», философ противопоставлял так называемому научному, или позитивистскому исследованию, идущему «снизу вверх». Рассматривая красоту как ценность, он писал: «<...> Красота есть не какая-либо прибавка к бытию, а само бытие, прекрасное или безобразное в тех или иных своих бытийственных содержаниях и формах» [7, с. 34]. Закономерно, что для ученого-богослова сферой проявления высшего эстетического совершенства, как и триединства Добра, Истины, Жизни, являлось Царство Божие. Тем не менее значительная часть трактата посвящена уязвимым с позиций Абсолюта земным воплощениям прекрасного, в том числе и его чувственно-телесной визуализации. Называя свою концепцию *идеал-реализмом*, Н. О. Лосский ссылался не только на Баумгартена, Шиллера и Гегеля, но и на «Эстетические отношения искусства к действительности» Н. Г. Чернышевского. «Большинство эстетиков считают только “высшие” чувственные качества, воспринимаемые зрением и слухом, имеющими значение для красоты предмета. “Низшие” ощущения, например, запахи, вкусы, слишком тесно связаны с нашими биологическими потребностями, и потому они считаются внеэстетическими. Я буду стараться показать, что это неверно <...>» [7, с. 70]. Будучи отличной от других ценностей, красота всегда координируется с ними: «она есть ценность *фундированная*», дающая человеку «*чувство счастья*» (Там же, с. 109).

Подобным эвдемонистическим состоянием духа проникнута натура Натальи Николаевны в романе «Золотой узор». Она представляет собой тип женщины-«стрекозы», пропевшей в буквальном смысле слова (героиня – певица) не только весну молодости и лето цветущей зрелости, но и тяжкую осенне-зимнюю непогоду: Первую Мировую войну и революцию. Ей ведомы нужда и голод, смерть самых близких и дорогих людей.

Тем не менее умудренный наставник считает ее «жизнелюбицей» [3, с. 36] и «русской Прозерпиной», дремлющей «в изобилии и отдыхе»: «Жизнь ваша такая же ясная, как узоры света между кленов этих, как жужжание пчелы...» (Там же, с. 28). «Вы родились под знаком ветра. Ветер – это покровитель ваш. И яблонка цветущая», – сказал как-

то влюбленный в Наталью студент [3, с. 15], и с этим ощущением легкости бытия, не исключая «легкости кратковременного страдания», героиня проходит по жизни.

Легкость духа формирует ее внешний облик: «Все-таки Бог не обидел» [3, с. 15]. Разглядывая себя в зеркале, Наталья видит «высокую, легко-худощавую женщину со светлыми, беспорядочными волосами». Ее «тепловатая» кожа отливала золотом; в серо-зеленых глазах в минуты эмоциональной нестабильности трепетал «огонь нервный» («все влек куда-то»), а в выражении лица замечалось «какое-то блуждание, текучесть» (Там же, с. 53–54).

Самые неомраченные страницы повествования связаны у Зайцева с мотивами и образами Италии, как и у Ростопчиной: «И пусть за горизонтом моя Россия, и могилы сына и отца, сладостней, еще мучительно-пронзительней люблю блеск солнца на мостовых Рима, плеск его фонтанов, голубые океаны воздуха, сверканье ласточкиного крыла и легендарную полосу моря. И я вздохну, я улыбнусь всему – чрез тонкую вуаль слезы» [3, с. 198]. Таково кредо Натальи Николаевны. И так же, как в «Палаццо Форли», важнейшим жизнесозидающим началом является искусство. «Все эти смуты, революции и казни отойдут, искусство же останется», – убеждает Наталью давний приятель, призывая не бросать пение (Там же, с. 168). Шедевры живописи, архитектуры, скульптуры и, конечно же, итальянская музыка прочно вписаны в художественную ткань повествования. Перефразируя Пушкина, можно сказать, что творческий гений, пропущенный через восприятие героини, представлен не с напыщенностью и «чопорностью чувствительных романов», но «современно», «домашним образом» [10, с. 529]. Это «недурной Каналетто» [3, с. 28], «победительно» сияющие статуи Апостолов [3, с. 63], муза Микеланджело Виттория Колонна, многократно упоминаемые Сенека и Вергилий – проводник по девяти кругам Дантова ада, сам великий флорентинец, станцы – росписи Рафаэля в Ватиканском дворце [3, с. 66], строения в стиле великого Палладио, наконец, «Мона Лиза», улыбающаяся со стены московской квартиры [3, с. 110] и т.п.

Знаковую роль играет в повествовании символика христианского креста. «Да, видно пересек мою дорогу крест!» – поняла Наталья [3, с. 188]. И, действительно, крест «пересек дорогу», и тогда, когда, приложившись к нему на московском погосте, она ощутила, что целует «золотой узор снежинок на терновом венце» погибшего сына (Там же). И тогда, когда поцелуй матери возвысился до поцелуя женщины, уверовавшей в земную и небесную благодать. «Пустынна была Аппиева дорога <...>. У часовенки Quo vadis я остановилась. Опустилась на землю, поцеловала след стопы Господней. Все кипело и клубилось во мне светлыми слезами» (Там же, с. 199). Таковы заключительные строки романа. Поистине: «<...> бремя Мое легко» (Мф.: гл. 11, ст. 30).

О. Мандельштам в стихотворении «Notre Dame» (сборник «Камень», 1913) так сформулировал суть своей поэтической установки: «<...> из тяжести недоброй / И я когда-нибудь прекрасное создам...» [8, с. 84]. Аналогичным пафосом, на наш взгляд, проникнут роман Б. К. Зайцева «Золотой узор», написанный десятилетием позже. Опоэтизированная и одухотворенная легкость бытия, противостоящая «каменной поступи» истории, отождествляется автором с красотой мира как в профанном (земном), так и в сакральном (метафизическом) измерениях. Гендерный код, помимо прочего, позволяет естественным образом соотнести художественную нарратацию с феноменом «женского» письма первой половины XIX века.

Список литературы

1. Баумгартен А. Эстетика // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. Т. 2. М.: Искусство, 1964. С. 452–465.
2. Бунин И. А. Легкое дыхание // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. М.: Худ. лит, 1966. С. 355–360.

3. Зайцев Б. К. Дневник писателя. 1925–1939 // Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000. С. 35–150.
4. Зайцев Б. К. Золотой узор // Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Звезда над Булонью; Романы. Повести. Рассказы. Книга странствий. М.: Русская книга, 1999. С. 3–199.
5. Зимбули А. Е. Легкость: этические ракурсы (эссе) // Ценности и смыслы. 2016. № 6(46). С. 62–73.
6. Кундера М. Невыносимая лёгкость бытия: роман / Пер. с чеш. Н. Шульгиной. М.: Азбука-Аттикус, 2014.
7. Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М.: Прогресс-Традиция, 1998.
8. Мандельштам О. Э. Соч.: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Переводы. М.: Худож. лит., 1990.
9. Попова М. Ю. Хронотоп замка в «повести» «Палаццо Форли» Е. П. Ростопчиной // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2019. № 5. С. 73–84.
10. Пушкин А. С. О романах Вальтера Скотта // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М.: ГИХЛ, 1959–1962.
11. Ростопчина Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Ранчина. М.: Правда, 1991.

* * *

1. Baumgarten A. Estetika // Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoj esteticheskoy mysli: V 5 t. T. 2. M.: Iskusstvo, 1964. S. 452–465.
2. Bunin I. A. Legkoe dyhanie // Bunin I. A. Sobl. soch.: V 9 t. T. 4. M.: Hud. lit, 1966. S. 355–360.
3. Zajcev B. K. Dnevnik pisatelya. 1925–1939 // Zajcev B. K. Sobl. soch. V 5 t. T. 9. (dop.). Dni. Memuarnye ocherki. Stat'i. Zаметki. Recenzii. M.: Russkaya kniga, 2000. S. 35–150.
4. Zajcev B. K. Zolotoj uzor // Zajcev B. K. Sobl. soch.: V 5 t. T. 3. Zvezda nad Bulon'yu; Romany. Povesti. Rasskazy. Kniga stranstvij. M.: Russkaya kniga, 1999. S. 3–199.
5. Zimbuli A. E. Legkost': eticheskie rakursy (esse) // Cennosti i smysly. 2016. №6 (46). S. 62–73.
6. Kundera M. Nevynosimaya lyogkost' bytiya: roman / Per. s chesh. N. Shul'ginoy. M.: Azbuka-Attikus, 2014.
7. Losskij N. O. Mir kak osushchestvlenie krasoty. Osnovy estetiki. M.: Progress-Tradiciya, 1998.
8. Mandel'shtam O. E. Soch.: V 2 t. T. 1. Stihotvoreniya. Perevody. M.: Hudozh. lit., 1990.
9. Popova M. Yu. Hronotop zamka v «povesti» «Palacco Forli» E. P. Rostopchinoj // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka. 2019. № 5. S. 73–84.
10. Pushkin A. S. O romanah Val'tera Skotta // Pushkin A. S. Sobl. soch.: V 10 t. T. 6. Kritika i publicistika. M.: GIHL, 1959–1962.
11. Rostopchina E. P. Schastlivaya zhenshchina. Literaturnye sochineniya / Sost., vstup. st., komment. A. M. Ranchina. M.: Pravda, 1991.

***The lightness of being in the chronotopos of woman beauty:
Eudokia Rostopchina and Boris Zaytsev***

The correlation of the philosophical and religious concepts «lightness» and «beauty» is considered in the projection on the characterology of the story «Palazzo Forli» by E. P. Rostopchina and the novel «The Golden Figure» by B. K. Zaytsev. The analysis of the fictional text in the aspect of the presentation of the gender origin allows to present the chronotopos of the woman's beauty in the paradigm of the ethical and aesthetic correlation of the images at the existential level.

The authors judge from the dependance of the literary anthropology and narratology of the creative individuality of the authors.

Key words: *gender, B. K. Zaytsev, lightness, beauty, narrative, E. P. Rostopchina, fictional characterology.*

(Статья поступила в редакцию 10.04.2024)

АВТОР И ГЕРОЙ В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ»

Образ главного героя романа «Школа для дураков» Саши Соколова, прозаика третьей «волны» Русского зарубежья, рассматривается как способ выражения авторской позиции в произведении, где реалистические традиции отечественной классики не исключают ориентации на постмодернистскую поэтику.

Ключевые слова: автор, герой, заглавие произведения, реалистическая традиция, «русский» постмодернизм.

Саша Соколов принадлежит к числу прозаиков третьей «волны» Русского зарубежья, добившихся успеха в эмиграции, но не теряющих связей с родной «почвой», т.е. с русской классической литературой. Настоящий литературный успех пришел к Саше Соколову в 1976 г. после публикации на Западе дебютного романа «Школа для дураков», благодаря которому за автором закрепился статус одного из основоположников «отечественного» постмодернизма. Это направление зарождается в нашей стране в последней трети XX в., представляя собой ответную реакцию на «политический диктат и идеологическую однозначность» [16, с. 75]. «Школа для дураков» – роман о мальчике, страдающем раздвоением личности, воспринимающем мир через призму шизофренического сознания, но остающемся «равным самому себе» (Там же).

Произведение определяет ориентацию писателя не только на «игровую» поэтику постмодернизма, призванного разрушить каноны социалистического реализма, единственно возможного творческого метода в литературе и искусстве советской поры, но и позволяет утверждать: автор успешно обновляет традиции русской и зарубежной реалистической классики. Для Саши Соколова сама «культура – это школа, но не в смысле мертвого ученичества: “школа для дураков”, а – нет, не дураков, а дуралеев, школа, где можно дурачиться», не затверживая аксиомы, но самостоятельно открывая новые миры, шагнув за пределы «железного занавеса» [3, с. 229]. Недаром после выхода «Школы» о Соколове начинают говорить как о «русском Сэлинджере». Роман Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951), ставший в СССР настоящим откровением, впервые публикуется в конце 1960 г. в журнале «Иностранная литература». В образе подростка Холдена Колфилда, бунтующего против американского общества массового потребления в пятидесятых годах минувшего века, поколение наших молодых соотечественников 1970-х годов тоже нашло свое отражение. Литературовед Е. В. Невзглядова отмечает: «И все мы были немножко Холдены. <...> Этот нервный мальчик высказал то, что мы чувствовали, пребывая в казенной советской реальности» [12, с. 235]. Как Холден, выступающий против лицемерия старшего поколения с его напускной моралью, так и «Ученик такой-то» из «Школы» Саши Соколова олицетворяет собой протест против навязанных свыше сюжетов и жизненных правил. Но если герой Сэлинджера способен на яростный бунт против общепринятых устоев, то внешне спокойный герой Соколова находит внутреннее утешение в раздвоении личности, одна из частей которой призвана имитировать “всеобщность”, другая – право личности на самоопределение.

Жанр «Школы для дураков» сам автор определяет как роман, что подтверждает его неразрывную связь с традициями русского реализма, который является эстетической базой всей отечественной культуры. Прежде всего «Школа» заставляет читателей

вспомнить о романе воспитания в отечественной прозе, характерную особенность которого М. М. Бахтин в работе «Роман воспитания и его значение в истории реализма» определяет как внимание «моменту существенного становления человека» [2, с. 211], в отличие от других романов, в основе которых, по большей части, образ готового героя – некая «постоянная величина» (Там же). В центре романа воспитания – образ динамический, представленный в постоянном движении и развитии, т.е. – «величиной переменной». Каноническим примером этой жанровой разновидности в литературе XX в. является «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко [11]. По-видимому, название «Педагогическая поэма» возникло в сознании А. С. Макаренко как полемическое по отношению к «Педагогической поэме» (1840–1850) В. А. Жуковского [8], так назвавшего свои воспоминания о занятиях с горячо любимой дочерью. В отличие от классика XIX столетия, писатель-педагог А. С. Макаренко решает вопросы не индивидуального воспитания потомков российской аристократии, а именно массового воспитания детей-сирот в трудовом коллективе, что было актуально для пореволюционной социально-исторической обстановки в нашей стране. Произведение А. С. Макаренко посвящено Максиму Горькому, основоположнику литературы соцреализма, внимательно следившему за трудовыми и творческими успехами молодых «коммунаров».

«Школа для дураков» Саши Соколова начинается с посвящения: «Слабоумному мальчику Вите Пляскину, моему приятелю и соседу» [15, с. 5]. Вполне возможно, что таким посвящением писатель намеренно снижает важность и значимость канонов социалистического реализма, ориентируясь на тех, кто не может и не хочет «перевоспитываться» ни «в свете коммунистических идеалов», ни в угоду другим идеологическим лозунгам. В романе Саши Соколова речь идет о самовоспитании центрального персонажа, в процессе которого родной язык, природа и любовь являются главными факторами, формирующими сознание взрослеющего подростка. Автор использует пейзажные зарисовки, чтобы продемонстрировать, каким его герой видит взрослый мир: «они, рододендроны, всякую минуту растущие где-то в альпийских лугах, намного счастливее нас, ибо не знают ни любви, ни ненависти, ни тапочной системы имени Перилло, и даже не умирают. А если и умирают, то ни о чем не жалеют, им не обидно. И дереву, и траве, и собаке – им тоже. Лишь человеку, обремененному эгоистической жалостью к самому себе, умирать и обидно, и горько» [15, с. 179]. Очевидно, такие суждения не прочитаны в учебниках, не услышаны на уроках в школе для дураков, где «двух мнений быть не может», они рождаются в диалоге «половин» одного подросткового сознания.

Литературоведами давно установлено, что в художественном произведении приблизиться к пониманию образа героя можно через анализ его имени, с помощью которого раскрываются «характеры, занятия, душевные и физические данные» [5, с. 50]. Однако образ романного героя у Соколова лишен такой привычной субъектной формы выражения авторской позиции: у него нет имени. Безымянность главного героя, с одной стороны, подчеркивает основную проблему романа – насаждаемого тоталитарным строем массового воспитания, где стирается любая личностная индивидуальность. Но сам мальчик предпочитает называть себя Нимфеей. Нимфея Альба – это кувшинка, всматриваясь в которую, герой романа представляет, что и он «частично исчезает в белую речную лилию» [15, с. 38]. Такая характеристика необычного, фантастического мировосприятия в романе говорит о спасительном воздействии природы на личность, о том, что природа в любые времена помогает каждому укрыться от невзгод происходящего в человеческом общежитии.

Не случайно эта мысль, по мнению исследователя М. Волгина, сближает «Школу для дураков» с чеховской «Степью» (1888). Степь, которую в этой повести наблюдает девятилетний Егорушка, порой представляется ему фантастически сказочным пространством. Под взглядом героя А. П. Чехова окружающие его предметы претерпевают сказочные метаморфозы: «Едешь и вдруг видишь: впереди у самой дороги стоит силу-

эт, похожий на монаха; <...> Фигура приближается, растет, и вы видите, что это не человек, а одинокий куст или большой камень» [18]. Вот и «Ученик такой-то», называя себя Нимфеей, демонстрирует гибкий и восприимчивый ум ребенка, отличный от предельно прагматичного разума взрослого: «Видите ли, человек не может исчезнуть ментально и полностью, прежде он превращается в нечто отличное от себя по форме и по сути – например, в вальс...» [15, с. 36].

В художественном произведении большое значение имеет и портретная характеристика героя, она, как считают литературоведы, «неразрывно связана не только с содержанием его личности, но и с художественным строем произведения» [9, с. 17]. В романе Саши Соколова представлен своего рода автопортрет «Ученика такого-то»: «У тебя прямой нос, синие глаза с поволокой, упрямый волевой подбородок и крепко сжатые губы. Что касается лба, то он необыкновенно высок, как, впрочем, и сейчас, и на него густыми прядями ниспадают темные волосы» [15, с. 110]. Внешность литературного героя едва ли не копирует портрет самого Саши Соколова. К тому же в юности этот автор, по собственному признанию, «лежал в психиатрической лечебнице» [16, с. 120], как и «Ученик такой-то», сбегал с уроков из «школы для дураков» на свою дачу, где природа и книги помогали ему сохранить светлые чувства, живущие в душе.

В портрете главного героя «Школы» важна такая художественная деталь, как «замасленная кепка восьмиклассника», висящая в прихожей, свидетельствующая, что реалистическое начало занимает важное место в произведении, по-видимому, напоминая об упомянутом выше романе Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Там Холден Колфилд носит красную охотничью шапку задом наперед, которую можно расценивать как «шутовской колпак». Надевая его на себя, подросток словно примеряет роль дурака, наделенного правом обличать общественные пороки. Но герой Саши Соколова для «разумного» общества и так является «дураком», хотя сам этого не признает, поэтому и кепка остается висеть в шкафу.

Л. Я. Гинзбург в монографии «О литературном герое» (1979) отмечает, что «среди всех средств литературного изображения человека <...> особое место принадлежит внешней и внутренней речи действующих лиц» [6, с. 150]. В «Школе для дураков» важны так называемые «речевые лавины», представляющие «фиксацию самых разнородных впечатлений и импульсов» [10, с. 388], поскольку в основе романного повествования – диалог двух самостоятельных и разноголосых личностей, сосуществующих в раздвоенном сознании центрального персонажа. «Ученик такой-то» разговаривает «между собой» метафорическими и ассоциативными сцеплениями: «Это пятая зона, стоимость билета тридцать пять копеек, поезд идет час двадцать, северная ветка, ветка акации или, скажем, сирени, цветет белыми цветами, <...> ветка спит, но поезда, симметрично расположенные на ней, воспаленно бегут в темноте цепочками, окликаая по имени каждый цветок...» [15, с. 74]. Однако именно в собственной, на взгляд постороннего, несурзной речи «Ученик такой-то» поистине свободен: «...я плыл (плыву, буду плыть) на весельной лодке по большой реке» [15, с. 57]. Захваченный чувством мальчишеской любви, «Ученик такой-то» именно в своей речи легко преодолевает временные границы: вот он «закончил школу, институт и стал инженером» [15, с. 83] и потому может уже сейчас объяснить в своих чувствах: «это я ученик специальной школы такой-то отзовись я люблю тебя» [15, с. 85].

Так, с одной стороны, намеренное разрушение норм и правил синтаксиса и грамматики выявляет связь романа Саши Соколова с постмодернистской поэтикой, где основные события сближений и трансформаций происходят в языковой сфере, а с другой – чувство свободы, ощущаемой героем, заставляет вспомнить реалистически проникновенное стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Русский язык» (1882): «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» [17].

«Свободный и могучий язык», любовь и природа помогают воспитать человека, а не бездумно подчиняющуюся взрослым «дирижерам» послушную марионетку. Новаторство Саши Соколова, состоящее в способности к совмещению приемов постмодернистского письма с традициями русской и мировой реалистической словесности, делает его произведение не «текстовым полотном», а романом, в центре которого «неготовая личность», по словам М. М. Бахтина, на фоне «неготовой» действительности, «становящейся современностью» [1, с. 481–482], неизменно заставляющей серьезного художника размышлять о человеке, о его «особенности», затрагивая вечные нравственные и философские вопросы бытия. Это делает его роман «Школа для дураков» уникальным произведением, в то же время познавательным и доступным для изучения в старших классах, что учитывают современные требования к школьному обучению литературе.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
3. Бек Т. «И был бутонем каждый атом...» // Новый мир. 1997. № 12. С. 227–232.
4. Богданова О. В. Постмодернизм и современный литературный процесс: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2003.
5. Большакова А. Ю. Имя и архетип: к постановке проблемы // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2012. № 1 (57). С. 48–55.
6. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1979.
7. Диваков С. В. Творчество Саши Соколова (проблемы жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2012.
8. Жуковский В. А. Педагогическая поэма // В. А. Жуковский. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 12 / Сост. и ред. Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жиликова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 343–436.
9. Кричевская Л. И. Портрет героя: Пособие для учителей-словесников и студентов гуманитарных вузов. М.: Аспект Пресс, 1994.
10. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
11. Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Правда, 1987.
12. Невзглядова Е. Загадка Сэлинджера // Звезда. 2021. № 12. С. 235–244.
13. Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПКи «Интел-вак», 2001.
14. Первалова С. В. Проблема преемственности исторической памяти народа в повести Б. П. Екимова «Осень в Задонье» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 10 (153). С. 187–196.
15. Соколов С. Школа для дураков: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020.
16. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. 3-е изд., испр., и доп. М.: Флинта: Наука, 2001.
17. Тургенев И. С. Русский язык (стихотворение в прозе) // Культура РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/27625/russkii-yazyk-stikhotvorenie-v-proze> (дата обращения: 31.03.2024).
18. Чехов А. П. Степь // А. П. Чехов. Малое собрание сочинений: сборник избранных произведений. СПб.: Азбука, 2017. С. 75–167.

* * *

1. Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozhestvennaya literatura. 1975.
2. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. 2-e izd. M.: Iskusstvo, 1986.
3. Bek T. «I byl butonom kazhdyy atom...» // Novyj mir. 1997. № 12. S. 227–232.
4. Bogdanova O. V. Postmodernizm i sovremennyy literaturnyj process: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2003.

5. Bol'shakova A. Yu. Imya i arhetip: k postanovke problem // Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2012. № 1 (57). S. 48–55.
6. Ginzburg L. Ya. O literaturnom geroe. L.: Sovetskij pisatel'. Leningradskoe otделение, 1979.
7. Divakov S. V. Tvorchestvo Sashi Sokolova (problemy zhanra): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver': Tverskoj gos. un-t, 2012.
8. Zhukovskij V. A. Pedagogicheskaya poema // V. A. Zhukovskij. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20 t. T. 12 / Sost. i red. N. Zh. Vetsheva, E. M. Zhilyakova. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. S. 343–436.
9. Krichevskaya L. I. Portret geroya: Posobie dlya uchitelej-slovesnikov i studentov gumanitarnyh vuzov. M.: Aspekt Press, 1994.
10. Lejderman N. L., Lipoveckij M. N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij: V 2 t. T. 2: 1968–1990. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2003.
11. Makarenko A. S. Pedagogicheskaya poema. M.: Pravda, 1987.
12. Nevzglyadova E. Zagadka Selindzhera // Zvezda. 2021. № 12. S. 235–244.
13. Nikolyukin A. N. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij. M.: NPK «Intelvak», 2001.
14. Perevalova S. V. Problema preemstvennosti istoricheskoy pamyati naroda v povesti B. P. Ekimova «Osen' v Zadon'e» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 10 (153). S. 187–196.
15. Sokolov S. Shkola dlya durakov: roman. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2020.
16. Skoropanova I. S. Russkaya postmodernistskaya literatura: Ucheb. posobie. 3-e izd., ispr., i dop. M.: Flinta: Nauka, 2001.
17. Turgenev I. S. Russkij yazyk (stikhotvoreniye v proze) // Kultura RF. URL: <https://www.culture.ru/poems/27625/russkii-yazyk-stikhotvorenie-v-proze> (data obrasheniya: 31.03.2024).
18. Chekhov A. P. Step // A. P. Chekhov. Maloye sobraniye sochineniy: sbornik izbrannykh proizvedeniy. SPb.: Azbuka, 2017. S. 75–167.

Author and hero in the novel «A School for Fools» by Sasha Sokolov

The image of the protagonist of the novel «A School for Fools» by Sasha Sokolov, the prose writer of the third «wave» of the Russian abroad, is considered as the way of expressing the author's position in the work, where the realistic traditions of native classics do not exclude the orientation to the postmodern poetics.

Key words: *author, hero, work title, realistic tradition, «Russian» postmodernism.*

(Статья поступила в редакцию 02.04.2024)

В. И. СУПРУН
П. ЧЕСНОВА
Волгоград

**ПОСЛАНИЕ ПРЕДКОВ: ТВОРЧЕСТВО ЧЕШСКОГО ПИСАТЕЛЯ
МИЛАНА КУНДЕРЫ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ФИЛОЛОГА**
(рецензия на монографию Е. Е. Стефанского «Разгадать послание предков.
Милан Кундера и древнейшие матрицы культуры славян».
Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2023. 192 с.)

Чешская литература всегда была интересна русскому читателю. Она занимала прочное место в списках читательских предпочтений не только литературоведов и богемистов, но и тех, кто просто любил хорошие книги. Уже в 1860-е гг. были переведены на русский язык произведения Божены Немцовой (1820–1862), включая полюбившуюся русскому читателю «Бабушку» [2]. В последней четверти XIX в. в России познакомились с произведениями Алоиса Йирасека, Яна Неруды, Сватоплука Чеха и др., которые стали известны читателям благодаря переводческой и литературоведческой деятельности Андроника Иоанникиевича Степовича (1856–1935), опубликовавшего в «Очерке истории чешской литературы» обзор творчества этих писателей [7, с. 221–226, 249–256 и др.], а ранее дважды издавшего «Горные рассказы (Povídky z hor)» А. Йирасека [4; 5] и затем поместившего в альманахе «Славянская беседа» перевод трёх арабесок Я. Неруды, по словам переводчика, одного «из лучших и остроумнейших чешских писателей» [6, с. 30]. В том же альманахе А. И. Степович поместил перевод повести Сватоплука Чеха «В погоню за бессмертием (Kandidát nesmrtelnosti)».

Но особенный всплеск интереса к чешской литературе произошёл в середине 1920-х гг. XX в., когда читателям стали доступны гениальные произведения Карела Чапека (1890–1938), а в 1926–1928 гг. был переведен на русский язык роман Ярослава Гашека (1883–1923) «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války). В первом издании книга вышла под названием «Приключения бравого солдата Швейка» в переводе Г. А. Зуккау с немецкого перевода романа, но уже в 1929 г. вышел в свет перевод с чешского П. Г. Богатырёва, в дальнейшем многократно переиздававшийся [1].

В предвоенные годы в чешской литературе было ярко представлено демократическое направление. О борьбе с социальной несправедливостью писали Иван Ольбрахт (1882–1952), Мария Пуйманова (1853–1958) и др. Их книги переводились в СССР на русский язык, вливались в идеологически выдержанные списки произведений советских писателей. С ещё большим пиететом была воспринята советскими читателями написанная в пражской тюрьме «Панкрац» книга чешского писателя Юлиуса Фучика «Reportáž psaná na oprátce», которая в русском переводе получила два названия: «Репортаж с петлей на шее» и «Слово перед казнью». В Чехословакии она была опубликована в 1945 г., ее фрагмент вышел уже в 1946 г. в журнале «Новый мир» в переводе Исаака Мееровича Бархаша, а через год книга была издана в трех московских издательствах в переводе Тамары Михайловны Аксель и Веры Васильевны Чешихиной. Знаменитую

фразу писателя «Люди, я любил вас. Будьте бдительны! (Lidé, měl jsem vás rád. Bďte!)» знали не только жители Чехословакии, но и советские люди. О Ю. Фучике было написано немало художественных и публицистических текстов в Чехословакии, СССР и других странах.

Один из них принадлежит перу Милана Кундеры. В поэме «Последний май», опубликованной в 1955 г. – в год десятилетия освобождения Чехословакии от фашистов, рассказывается об описанном Ю. Фучиком в «Репортаже» событии, когда гестаповский следователь Бём (Boehm), желая сломить упорство узника, вывозит его в один прекрасный майский вечер в парк на горе Петршин, где в это время весело и беззаботно гуляет чешская молодежь. Но Фучик не поддается гестаповцу, становится еще более уверенным в своей правоте и только улыбнулся, когда за ним закрылись двери тюрьмы. Второе издание поэмы вышло в Праге тиражом 11 тысяч экземпляров [14].

После событий 1968 г. многие деятели чешского искусства, литературы, культуры и науки не поддержали ввод войск стран Варшавского Договора (операция «Дунай») в страну или не отнеслись к этому факту нейтрально. Они подвергались репрессиям, писателям отказывали в публикации их произведений. Многие покинули страну. Среди них был и талантливый чешский писатель Милан Кундера (1929–2023). В 1970 г. он был повторно исключен из коммунистической партии (первый раз его исключили в 1950 г., но в 1956 г. восстановили), ему было запрещено публиковаться. В 1975 г. М. Кундера уезжает из Чехословакии во Францию, начинает преподавать в Реннском университете в Бретани, там же продолжает писать свои произведения, постепенно переходя на французский язык и становясь франкоязычным писателем. В 1979 г. его лишили чехословацкого гражданства, в 1981 г. он стал гражданином Франции.

Русский читатель смог обстоятельно познакомиться с творчеством М. Кундеры в конце XX – начале XXI вв. В журнале «Иностранная литература» публикуются его эссе «Неспешность» (1996) и «Подлинность» (1998). В Санкт-Петербурге выходят переводы его написанных по-чешски и по-французски книг «Книга смеха и забвения» (2003), «Нарушенные завещания» (2004), «Жизнь не здесь» (2008), «Занавес» (2010). В 2012 г. санкт-петербургское издательство «Азбука» публикует собрание сочинений Милана Кундеры в 4-х томах. Появляются статьи и книги о творчестве писателя [3; 8]. Интерес к творчеству чешско-французского писателя был подогрет реакцией Иосифа Бродского на оценку М. Кундерой Ф. М. Достоевского и «вечности русской ночи». Русско-американский поэт, признавая творческие заслуги М. Кундеры («экстраординарный писатель»), считал ложным его категорическое противопоставление Востока и Запада, подчеркивая единство мировой культуры. Неприятие М. Кундерой Ф. М. Достоевского и русской цивилизации он обосновывал политической позицией чешско-французского писателя [9].

О творчестве Милана Кундеры пишут многие чешские, российские, американские литературоведы [8–13; 14–17]. Самарский исследователь Е. Е. Стефанский выбрал в качестве исходного постулата представление о том, что литературное произведение подготавливается культурой народа на протяжении многих веков до своего появления. Он попытался разгадать «послание предков», древнейшие матрицы культуры славян, отраженные в произведениях М. Кундеры.

Рецензируемая монография состоит из предисловия, четырех глав, заключения и списка литературы. В предисловии автор представляет обзор научных работ, посвященных творчеству Милана Кундеры, рассматривает различные литературоведческие и лингвистические подходы к анализу его произведений. Работы, в которых лингвисты анализируют отдельные мотивы, оппозиции, ключевые слова, объективирующие концепты в произведениях М. Кундеры, по мнению автора, лишены целостности, отрывают форму от содержания, поэтому ученый предлагает синхронное изучение функционирования концептов в том или ином произведении дополнить их диахроническим

анализом, т.е. исследованием их происхождения в традиционной культуре славян – и шире – их генезисом в мифе и ритуале.

В первой главе «Взаимодействие пространственных и эмоциональных концептов в рассказах из цикла “Смешные любви”» автор анализирует два рассказа из названного цикла с точки зрения содержащихся в них концептов и сюжетных ходов, восходящих к глубокой древности, к мифологической картине мира, строящейся на бинарных оппозициях. В монографии рассматривается пространственный концепт «Черта», который является важным для формирования многих иных концептов, связанных с моралью и правом. Автор показывает, что данный концепт в рассказе «Falešný autostop / Ложный автостоп» воплощается в виде границы между природой и культурой (тема преодоления стыда), а в рассказе «Eduard a Bůh / Эдуард и Бог» – в линию фронта (разграничение *свой* и *чужой*).

Вторая глава «Гимны и проклятия “возрасту незрелости” в романе “Шутка”» разделена на шесть параграфов. В них рассматриваются: семиотика традиционного моравского обряда «Jízda králů / Конница королей», который становится связующим композиционным звеном романа «Žert / Шутка» (Е. Е. Стефанский относит данный обряд к древним ритуалам инициации); дублированные ситуации, которые в романе сначала представлены как трагедия, потом как фарс; актуализации, по мнению автора, ключевых концептов чешской лингвокультуры – «Lítost» и «Zášť».

Третья глава «Система кросс-концептов как средство создания романа вариаций “Книга смеха и забвения”» состоит из трех параграфов. По мнению филолога, именно на кросс-концептах, пронизывающих художественный дискурс романа, в языковом плане основывается общность тем и стратегия вариаций. В главе анализируются кросс-концепты «Doba», «Osud», «Kolo» и бинарные оппозиции: «Paměť» – «Zapomnění», «Klasická hudba» – «Pop music», «Ďáblův smích» – «Andělův smích» (на наш взгляд, последнюю оппозицию лучше назвать: «Ďábelův smích» – «Andělův smích».)

Четвертая глава «Бинарные оппозиции *легкость – тяжесть, сила – слабость, пустой – полный* и образы центральных героев в романе М. Кундеры “Невыносимая легкость бытия”» посвящена бинарным оппозициям (*легкость – тяжесть, сила – слабость* и *пустой – полный*), которые, по мнению учёного, активно взаимодействуют друг с другом, оказываются системообразующими в характерах главных героев названного романа: Томаша, Терезы, Сабины и Франца.

В заключении автор обобщает результаты своего исследования, приходит к выводу, что «стремясь представить противоречивость человеческого существования, Кундера обращается в своих произведениях к идущим от традиционной культуры славян бинарным оппозициям, концептам, культурным сценариям, которые восходят в конечном счете к мифу и ритуалу и в виде социальных матриц на многие века сохраняются на периферии коллективного сознания, а в определенные моменты актуализируются» (с. 174).

Достоинством данной монографии, безусловно, является новый подход к анализу творчества М. Кундеры, основанный на дополнении синхронного изучения функционирования концептов в том или ином произведении их диахроническим анализом. Е. Е. Стефанский тем самым проводит параллель между чешскими ритуалами и древними ритуалами других славянских культур, обращается к этимологии и семантике ключевых слов, представляющих изучаемые концепты в разных славянских языках.

Положительно оценивая книгу самарского профессора, отметим некоторые замечания. В монографии наблюдается неоднородность подачи отрывков из произведений М. Кундеры. В первой части книги тексты даются в переводе на русский язык (лишь нужные слова и словосочетания указываются в скобках на языке оригинала), а во второй ее части представлен оригинальный текст на чешском языке и его перевод на русский

язык. Полагаем, что второй вариант более предпочтителен, поскольку позволяет рассуждать об изучаемой проблеме носителям чешской и русской лингвокультур.

Автор, стремясь во всем увидеть бинарность оппозиций, противопоставляет классическую музыку (*klasická hudba*) и поп-музыку (*pop music*) (с. 114). Однако следует вспомнить, что в чешском языковом сознании существует термин *muzika* ‘народная музыка’, а также поговорка *Co Čech, to muzikant*, характеризующая отчасти утраченное ныне в чешском обществе регулярное исполнение народных песен в сопровождении музыкальных инструментов. Следовательно, в данном случае можно говорить о троичной оппозиции в языковом сознании чехов. Впрочем, исследователь упоминает о чешской музыке фольклора (с. 70–71).

По правилам записи чешских имен собственных в русском тексте на месте чешского *H* стоит *Г*, поскольку имеются регулярные звуковые соответствия слов: *hora* – *гора*, *noha* – *нога*, *hlad* – *голод* и пр. В монографии параллельно употребляются антропонимы Гана (с. 109), Гусак (с. 108) и Храбал (с. 94), Хелена (с. 108). Чешское имя *Jindra* более точно можно передать как *Йиндра*, а не *Индра* (с. 48). Не очень понятно, как в чешском слове *prsten* (с. 106) отражается концепт «*Kolo*», оно этимологически прозрачно и явно деривационно связано с лексемой *prst* ‘палец’.

Данные замечания отнюдь не умаляют общей положительной оценки монографии самарского филолога Евгения Евгеньевича Стефанского. Эта книга, предназначенная для филологов, славистов и всех любителей творчества М. Кундера, вносит значительный вклад в отечественное литературоведение, языкознание, компаративистику, лингвокогнитологию, богемистику и другие направления научного поиска.

Список литературы

1. Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны: Роман. М.: Пушкинская библиотека; АСТ, 2003. (Золотой фонд мировой классики).
2. Жакова Н. К. Восприятие «Бабушки» Божены Немцовой в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 9. Вып. 1. С. 30–42.
3. Зусева-Окзан В. Неутешительная метарефлексия. Милан Кундера // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 209–235.
4. Ирасек А. Горные рассказы: I. Прutowский. II. Анчар. III. За наследие отцов / Пер. с чеш. [и предисл.] А. Степовича. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1882.
5. Ирасек А. Горные рассказы. 2-е изд., испр. Вып. 1–2. Киев: тип. Е. Т. Керер, 1883–1884.
6. Славянская беседа: Литерат. изд-е Киев. славян об-ва / Сост. А. Степович. Кн. I. Киев: Печатня А. Давыденка, 1888. Кн. II. Киев: Печатня И. И. Чокалова, 1891.
7. Степович А. И. Очерк истории чешской литературы: С фотографич. снимком с Краледвор. рукописи. Киев: Киев. слав. об-во, 1886.
8. Шерлаимова С. А. Милан Кундера и его романная философия. М.: Индрик, 2014.
9. Шерлаимова С. Спор о русской цивилизации и творчестве Достоевского. Бродский против Кундера // Россия и русская культура в современном духовном пространстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Ин-т слав. РАН, 2009. С. 232–258.
10. Chvatík Kv. Svět románů Milana Kundery. Brno: Atlantis, 1994.
11. Kosková H. Milan Kundera. Praha: H&H, 1998.
12. Kubíček T. Středoevropsan Milan Kundera. Brno: Periplum, 2013.
13. Kubíček T. Vyprávět příběh. Naratologické kapitoly k románům Milana Kundery. Brno: Host, 2001.
14. Kundera M. Poslední máj. Praha: Československý spisovatel, 1961.
15. Le Grand E. Kundera aneb Paměť touhy. Olomouc: Votobia, 1998.
16. Misurella F. Milan Kundera. Public Events, Private Affairs. Columbia: University of South Carolina Press, 1993.
17. Němcová Banerjee M. Terminal Paradox: the novels of Milan Kundera. New York: Grove Weidenfeld, 1990.

1. Gashek Ya. Pohozhdeniya bravogo soldata Shvejka vo vremya mirovoj vojny: Roman. M.: Pushkinskaya biblioteka; AST, 2003. (Zolotoj fond mirovoj klassiki).
2. Zhakova N. K. Vospriyatie «Babushki» Bozheny Nemcovej v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2006. Seriya 9. Vyp. 1. S. 30–42.
3. Zuseva-Okzan V. Neuteshitel'naya metarefleksiya. Milan Kundera // Voprosy literatury. 2012. № 1. S. 209–235.
4. Irasek A. Gornye rasskazy: I. Prutovskij. II. Anchar. III. Za nasledie otcov / Per. s chesh. [i predisl.] A. Stepovicha. Kiev: tip. I. i A. Davidenko, 1882.
5. Irasek A. Gornye rasskazy. 2-e izd., ispr. Vyp. 1–2. Kiev: tip. E. T. Kerer, 1883–1884.
6. Slavyanskaya beseda: Literat. izd-e Kiev. slavyan ob-va / Sost. A. Stepovich. Kn. I. Kiev: Pechatnya A. Davydenka, 1888. Kn. II. Kiev: Pechatnya I. I. Chokalova, 1891.
7. Stepovich A. I. Ocherk istorii cheshskoj literatury: S fotografich. snimkom s Kralcdvor. rukopisi. Kiev: Kiev. slav. ob-vo, 1886.
8. Sherlaimova S. A. Milan Kundera i ego romannaya filosofiya. M.: Indrik, 2014.
9. Sherlaimova S. Spor o russoj civilizacii i tvorchestve Dostoevskogo. Brodskij protiv Kundery // Rossiya i russkaya kul'tura v sovremennom duhovnom prostranstve stran Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy. M.: In-t slav. RAN, 2009. S. 232–258.

***The message of ancestors: the creative work of the Czech writer
Milan Kundera in the perception of the Russian philolog
(the review of the monograph «To uncover the message of ancestors.
Milan Kundera and the most ancient matrix of the Slavs culture» by
E. E. Stefansky. Samara: The publishing house «Bakhrakh-M», 2023. 192 p.***

(Статья поступила в редакцию 18.04.2024)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<p><i>Авилова</i>
<i>Анна Александровна</i></p>	– аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: avilova97@mail.ru
<p><i>Аляева</i>
<i>Лилия Сергеевна</i></p>	– аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: liliya.alyaeva@gmail.com
<p><i>Аракелова</i>
<i>Маргарита Рафаеловна</i></p>	– аспирант кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения, Ставропольский государственный педагогический институт. E-mail: margo_arakelova@mail.ru
<p><i>Бобырева</i>
<i>Екатерина Валерьевна</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: new_life@mail.ru
<p><i>Борисова</i>
<i>Елена Борисовна</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет. E-mail: borissovaelena@rambler.ru
<p><i>Бочарникова</i>
<i>Наталья Викторовна</i></p>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: bocharnikoff@mail.ru
<p><i>Жаравина</i>
<i>Лариса Владимировна</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: zharavinal@mail.ru
<p><i>Кузнецова</i>
<i>Елена Валентиновна</i></p>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: Kev7-78@mail.ru
<p><i>Мкртычян</i>
<i>Светлана Викторовна</i></p>	– доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии, Тверской государственный университет. E-mail: mkrtytchian@mail.ru
<p><i>Орлова</i>
<i>Елена Александровна</i></p>	– кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова. E-mail: elena.orlova08@yandex.ru
<p><i>Попова</i>
<i>Мария Александровна</i></p>	– аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: daisy1611@mail.ru
<p><i>Рудометова</i>
<i>Светлана Михайловна</i></p>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: svetlana-stud@mail.ru

<i>Симоненко Наталья Юрьевна</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: natkaf88@mail.ru
<i>Стефанский Евгений Евгеньевич</i>	– доктор филологических наук, директор Центра довузовской подготовки, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева. E-mail: estefanski@rambler.ru
<i>Стройков Сергей Александрович</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет. E-mail: stroykov@ya.ru
<i>Супрун Василий Иванович</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: suprun@vspu.ru
<i>Титаренко Наталья Владимировна</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: natalia-v-titarenko@yandex.ru
<i>Тютюнова Олеся Николаевна</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: t-ollessja@bk.ru
<i>Фирсова Антонина Павловна</i>	– ассистент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: antoninafirsova99@mail.ru
<i>Фокин Александр Алексеевич</i>	– доктор филологических наук, профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения. Ставропольский государственный педагогический институт. E-mail: dm21225602@mail.ru
<i>Ху Юйпинь</i>	– аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: 1973771985@qq.com
<i>Чеснокова Петра</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: petches@yandex.ru
<i>Штеба Алексей Андреевич</i>	– кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: alexchteba@yandex.ru
<i>Шурыгина Екатерина Андреевна</i>	– E-mail: shuryginaek@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>Aleksandr Fokin</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian and World Literature and Educational Technologies, Stavropol State Pedagogical Institute, E-mail: dm21225602@mail.ru
<i>Aleksey Shtebea</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: alexchteba@yandex.ru
<i>Anna Avilova</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: avilova97@mail.ru
<i>Antonina Firsova</i>	– Assistant, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: antoninafirsova99@mail.ru
<i>Vasily Suprun</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: suprun@vspu.ru
<i>Evgeniy Stefanskiy</i>	– Advanced PhD (Philology), Head of Pre-University Training Center, Samara National Research University, E-mail: estefanski@rambler.ru
<i>Ekaterina Bobyreva</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: new_life@mail.ru
<i>Ekaterina Shurygina</i>	– E-mail: shuryginaek@gmail.com
<i>Elena Borisova</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Samara State Socio-Pedagogical University, E-mail: borissovaelena@rambler.ru
<i>Elena Kuznetsova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Kev7-78@mail.ru
<i>Elena Orlova</i>	– PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Russian Language and General Language Studies, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista), E-mail: elena.orlova08@yandex.ru
<i>Hu Yupin</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: 1973771985@qq.com
<i>Larisa Zharavina</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: zharavinal@mail.ru
<i>Liliya Alyaeva</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: liliya.alyaeva@gmail.com

<i>Margarita Arakelova</i>	– Post Graduate Student, Department of Russian and World Literature and Educational Technologies, Stavropol State Pedagogical Institute, E-mail: margo_arakelova@mail.ru
<i>Mariya Popova</i>	– Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: daisy1611@mail.ru
<i>Natalya Bocharnikova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: bocharnikoff@mail.ru
<i>Natalya Simonenko</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Chinese Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: natkaf88@mail.ru
<i>Nataliya Titarenko</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: natalia-v-titarenko@yandex.ru
<i>Olesya Tyutyunova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: t-ollessja@bk.ru
<i>Petra Chesnokova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: petches@yandex.ru
<i>Sergey Stroykov</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Samara State University of Social Sciences and Education, E-mail: stroykov@ya.ru
<i>Svetlana Mkrtychyan</i>	– Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, E-mail: mkrtytchian@mail.ru
<i>Svetlana Rudometova</i>	– PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: svetlana-stud@mail.ru

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

С.Г. Воркачëв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

В.В. Дементьев, д-р филол. наук, проф. (Саратов)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

Л.П. Крысин, д-р филол. наук, проф. (Москва)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии